

Жизнь некромантов

Уильям Годвин

Lives of the Necromancers

William Godwin

The Project Gutenberg eBook of Lives of the Necromancers.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Lives of the Necromancers

Автор: Уильям Годвин

Дата выхода: 1 декабря 2004 [eBook #7082]

Последнее обновление: 7 августа 2012 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Венди Крокетт, Карло Траверсо, Чарльзом Фрэнкс и командой онлайн-распределенной корректуры на основе изображений, щедро предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF/Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK LIVES OF THE NECROMANCERS ***

Подготовлено Венди Крокетт, Карло Траверсо, Чарльзом Фрэнкс

и группой онлайн-распределенной корректуры на основе изображений, щедро предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF/Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>.

[Примечание переводчика: Сноски пронумерованы последовательно и перенесены в конец текста].

ЖИЗНЬ НЕКРОМАНТОВ:

ИЛИ РАССКАЗ О САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЯХ В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЭПОХИ, КОТОРЫЕ УТВЕРЖДАЛИ О СЕБЕ ИЛИ КОТОРЫМ ПРИПИСЫВАЛИ ДРУГИЕ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МАГИЧЕСКОЙ СИЛЫ.

BY WILLIAM GODWIN.

LONDON

Фредерик Джей Мейсон, 444, Вест Стрэнд

1834

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Главная цель этой книги - показать справедливую картину легковерия человеческого разума. Такая демонстрация не может не принести самые полезные уроки.

Один взгляд на предмет научит нас полезной гордости за изобилие наших способностей. Без гордости человек на самом деле мало что значит. Именно гордость побуждает нас ко всем великим начинаниям. Без гордости и тайного убеждения в необыкновенных талантах

какой человек возьмется за перо, чтобы создать важное произведение, будь то воображение и поэзия, или глубокая наука, или острое и тонкое рассуждение и интеллектуальная анатомия? Именно гордость в этом смысле делает великого полководца и непревзойденного законодателя, побуждает нас к самым трудоемким задачам, заставляет уклоняться от трудностей, смущаться и преодолевать любые препятствия, которые могут встать на нашем пути.

Ничто не может быть более разительным, чем контраст между человеком и низшими животными. Последние живут только днем и видят по большей части только то, что находится непосредственно перед ними. Человек же живет прошлым и будущим. Он рассуждает о прошлом и совершенствует его; он записывает поступки длинной череды поколений; он заглядывает в будущее время, строит планы, которые ему предстоит месяцами и годами доводить до зрелости, придумывает машины и очерчивает системы образования и управления, которые могут постепенно повысить удобство всех и возвысить род в целом до более благородного и почетного характера, чем тот, который были способны выдержать наши предки.

Человек смотрит на природу и способен свести ее части в великое целое. Он классифицирует существа, которые в ней встречаются, как одушевленные, так и неодушевленные, очерчивает и описывает их, исследует их свойства, записывает их возможности, их добрые и злые качества, их опасности и их применение.

Он не только видит все, что есть, но и изображает все, чего нет. Он разбирает на части те вещества, которые есть, и соединяет их части в новые конструкции. Он создает все элементы из мира своего воображения. Именно здесь он наиболее необычен и прекрасен. Записи о том, что на самом деле происходит и происходило в черед человеческих событий, - это, пожалуй, самая малая часть человеческой истории. Если мы хотим познать человека во всех его тонкостях, мы должны отклониться в мир чудес и колдовства. Познать то, чего нет и быть не может, но в что воображают и верят, - самая любопытная глава в летописи человека. Наблюдение за реальными результатами этих воображаемых явлений, а также за преступлениями и жестокостями, которые они заставляют нас совершать, - одно из самых поучительных занятий, в которых мы только можем участвовать. Именно здесь человек наиболее удивителен, и мы с восхищением созерцаем дискурсивную и неограниченную природу его способностей.

Но если воспоминания о примерах легковерия человеческого разума могут, с одной стороны, питать нашу гордыню, то с другой - более очевидно, что они учат нас трезвости и смирению. Человек в своей подлинной и непосредственной сфере является учеником разума; именно с помощью этого свойства он делает выводы, проявляет благоразумие, демонстрирует изобретательность механизмов и тонкость системы как в естественной, так и в нравственной философии. Но кто же так иррационален, как человек? Не довольствуясь использованием тех сил, которыми мы обладаем, для того чтобы способствовать нашему жилью и благополучию, мы с дерзновением духа доискиваемся до невидимых причин того, что видим, и представляем всю природу с богами "всякой формы и величины" и ангелами, с князьями и силами, с благодетельными существами, которые "заботятся о нас, чтобы мы в любой момент не ударили ногу о камень", и с дьяволами, которые вечно на чеку, чтобы озадачить нас и нанести нам вред. И, познав свой ум с представлениями об этих существах, мы тут же стремимся к общению с ними. Мы представляем себе Бога, "гуляющего с нами в саду в прохладное время дня", и учим себя "не забывать развлекать незнакомцев, чтобы не оттолкнуть ангелов".

Не успели мы хотя бы в малой степени познакомиться с законами природы, как нам приходит в голову идея с помощью какого-то невидимого союзника приостанавливать их действие, вызывать в небе метеоры, повелевать бурями и штормами, останавливать движение небесных тел, производить чудесные исцеления на телах наших собратьев или поражать их болезнями и смертью, вызывать умерших из могильной тишины и заставлять их раскрывать "тайны неведомого мира".

Но, что самое прискорбное, мы не ограничиваемся попытками заручиться помощью Бога и добрых ангелов, но и стремимся вступить в союз с дьяволами и существами, обреченными за свое неповиновение на вечные адские муки. Поскольку предполагается, что они имеют извращенный и развращенный характер, мы, конечно, обращаемся к ним в основном в целях распутства или злобы и мести. А в случаях, произошедших всего несколько веков назад, чаще всего речь шла о договоре, заключенном беспринципным и нечестивым человеком с заклятым врагом Бога и человека, В результате которого дьявол обязуется служить капризной воле и исполнять желания своего богохульного подопечного в течение определенного количества лет, а заблуждающийся негодяй в свою очередь обязуется отречься от своего Бога и Спасителя и предать себя душой и телом адским мукам с конца этого срока и навеки. Не успеем мы представить себе человека, наделенного этими удивительными способностями, и вообразить, что они могут быть использованы в самых злокозненных целях, как становимся пассивными и испуганными рабами созданий нашего собственного воображения и боимся в любой момент подвергнуться нападению существ, силе которых мы не можем поставить предела, а способы враждебности которых не может предвидеть и предусмотреть никакая человеческая смекалка. Но, что еще более необычно, человеческие существа, претендующие на эти силы, часто оказываются такими же полными обманщиками этого сверхъестественного механизма, как и самый робкий несчастный, который в ужасе замирает перед его ожидаемым действием; и нет явления более распространенного, чем признание этих союзников ада, что они действительно вели торговлю и составляли козни и заговоры с сатаной.

Следствием такого положения вещей стало то, что уголовная юриспруденция и последние строгости закона были использованы в поразительной степени для истребления ведьм и колдовства. Особенно в XVI веке сотни и тысячи людей были сожжены заживо на небольшой территории; а судьи, режиссеры сцены, Николас Реми, де Ланкр и многие другие, опубликовали множество томов, в которых подробно описали систему и моду колдовства профессоров, которых они толпами отправляли на виселицу и костер для искупления своей порочности.

Один полезный урок, который мы можем извлечь из этих подробностей, заключается в том, что в большинстве случаев глупо вменять человеку в вину чистое и неподкупное лицемерие. Человеческий разум настолько податлив, что, подобно тому, как апостол говорит о милосердии, он "все верит и все переносит". Мы не имеем права шутить со святостью истины. Пока мы убеждаем других, мы начинаем обманывать себя. Человеческая жизнь - это драма такого рода, что, играя свою роль и стараясь соответствовать чувствам, которые за нас выдают, мы начинаем верить, что сами являемся тем, что представляем.

Однако показать, как заблуждение действует на человека, через которого оно проходит, не входит в задачи этой книги. Тут и там я предлагаю подсказки, которые любопытный читатель может проследить до самого конца и узнать, как с совершенной добросовестностью художник может заставить себя проглотить самые грубые невозможности. Но написанная мною работа не является трактатом о природной магии. Скорее, она призвана показать

огромное богатство способности воображения и продемонстрировать экстравагантность, в которой может быть виновен человек, отдавший себя под его руководство.

Однако читателю следует помнить, что то, что описано в этой книге, - лишь малая часть и скудная часть колдовства и чародейства, существовавших в человеческом обществе. Они встречались во все века и во всех странах. Зона торридов и замерзший север не избежали плодотворного урожая такого рода отпрысков. В эпохи невежества они были особенно у себя дома; а расы людей, не оставившие после себя никаких записей, которые бы почти не говорили об их существовании, более всего изобиловали деяниями тьмы и теми чудесными происшествиями, которые особенно поражают зрителя и отбрасывают младенческий разум человека в те тени и ту безвестность, из которых он так недавно стремился выбраться.

На этом я заканчиваю свои литературные труды, выпустив эту книгу. Пусть ни один читатель не думает, что я отдаю ему в руки просто работу для праздного отдыха. Она будет иметь более глубокое применение. Самые дикие изыски человеческой фантазии, самые прискорбные извращения человеческих способностей и самые ужасные искажения юриспруденции могут иногда послужить нам полезным уроком. Я люблю, прежде всего, созерцать человека во всех его почестях и во всем возвышении мудрости и добродетели; но иногда нам будет полезно взглянуть на его заблуждения и отчетливо отметить, как велики и показательны были его нелепости и глупости".

29 мая 1834 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

АМБИЦИОЗНАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА ЕГО СТРЕМЛЕНИЕ ПРОНИКНУТЬ В БУДУЩЕЕ ГАДАНИЕ АВГУРЫ ХИРОМАНТИЯ ФИЗИОГНОМИКА ТОЛКОВАНИЕ СНОВ БРОСАНИЕ ЖРЕБИЯ АСТРОЛОГИЯ ОРАКУЛЫ ДЕЛЬФИ ЖЕЛАНИЕ ПОВЕЛЕВАТЬ И УПРАВЛЯТЬ БУДУЩИМИ СОБЫТИЯМИ ТОРГОВЛЯ С НЕВИДИМЫМ МИРОМ КОЛДОВСТВО И ЧАРЫ КОЛДОВСТВО ДОГОВОРЫ С ДЬЯВОЛОМ ИМПЫ ТАЛИСМАНЫ И АМУЛЕТЫ НЕКРОМАНТИЯ АЛХИМИЯ ФЕИ РОСИКРУСЫ СИЛЬФЫ И ГНОМЫ, САЛАМАНДРЫ И УНДИНЫ

ПРИМЕРЫ НЕКРОМАНТИИ И КОЛДОВСТВА ИЗ БИБЛИИ ВОЛХВЫ, ИЛИ МУДРЕЦЫ ВОСТОКА ЕГИПЕТ СТАТУЯ МЕМНОНА ХРАМ ЮПИТЕРА АММОН: ЕГО ОРАКУЛЫ ХАЛДЕЯ И ВАВИЛОН ЗОРОАСТР

ГРЕЦИЯ БОЖЕСТВА ГРЕЦИИ ПОЛУБОГИ ДЕДАЛ АРГОНАВТЫ МЕДЕЯ ЦИРЦЕЯ ОРФЕЙ АМФИОН ТИРЕСИЙ АБАРИС ПИФАГОР ЭПИМЕНИД ЭМПЕДОКЛ АРИСТЕЯ ГЕРМОТИМА МАТЬ ДЕМАРАТА, ЦАРЯ СПАРТЫ ОРАКУЛЫ ВТОРЖЕНИЕ КСЕРКСА В ГРЕЦИЮ ДЕМОКРИТ СТОКРАТ РИМ ВЕРГИЛИЙ ПОЛИДОР ДИДО РОМУЛ НУМА ТУЛЛ ХОСТИЛИЙ АКЦИЙ НАВИЙ СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ КОЛДУНЯ ВЕРГИЛИЙ КАНИДИЯ ЭРИХТО СЕРТОРИЙ ИЗГНАНИЕ БЕСОВ СИМОН МАГУС ЭЛИМАС, КОЛДУН НЕРОН ВЕСПАСИАН АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ АПУЛЕЙ АЛЕКСАНДР ПАФЛАГОНСКИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОИЗОШЕДШАЯ В ИСТОРИИ НЕКРОМАНТИИ И КОЛДОВСТВА ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА МАГИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ, КАСАЮЩИЕСЯ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА

ИСТОРИЯ НЕКРОМАНТИИ НА ВОСТОКЕ ОБЩЕЕ МОЛЧАНИЕ ВОСТОКА В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НЕКРОМАНТОВ РОКАИЛ ХАКЕМ, ИНАЧЕ МАКАННА АРАВИЙСКИЕ НОЧИ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПЕРСИДСКИЕ СКАЗКИ ИСТОРИЯ ГУЛЯ АРАВИЙСКИЕ НОЧИ СХОДСТВО СКАЗОК ВОСТОКА И ЕВРОПЫ ПРИЧИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЛЕГКОВЕРИЯ

ТЕМНЫЕ ВЕКА ЕВРОПЫ МЕРЛИН СВЯТОЙ ДУНСТАН

СВЯЗЬ ЕВРОПЫ И САРАЦИНОВ ГЕРБЕРТ, ПАПА СИЛЬВЕСТР II БЕНЕДИКТ ДЕВЯТЫЙ ГРИГОРИЙ СЕДЬМОЙ ДУФФ, КОРОЛЬ ШОТЛАНДИИ МАКБЕТ ВЕРГИЛИЙ РОБЕРТ ЛИНКОЛЬН МИХАИЛ СКОТ ДЕКАН БАДАХОСА ЧУДО ВАННЫ С ВОДОЙ ИНСТИТУТ МОНАХОВ АЛЬБЕРТУС МАГНУС РОДЖЕР БЭКОН ТОМАС АКВИНСКИЙ ПЕТР АПОНО АНГЛИЙСКИЙ ЗАКОН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ ЗИИТО ТРАНСМУТАЦИЯ МЕТАЛЛОВ АРТЕФИЙ РАЙМОНД ЛУЛЛИ АРНОЛЬД ВИЛЛЕНЕВСКИЙ АНГЛИЙСКИЕ ЗАКОНЫ О ТРАНСМУТАЦИИ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПИСЕМ ЖОАННА ДУГОВАЯ ЭЛЕОНОРА КОБХЭМ, ГЕРЦОГИНЯ ГЛОСТЕРСКАЯ РИЧАРД III

КРОВОПРОЛИТНЫЙ ПРОЦЕСС ПРОТИВ КОЛДОВСТВА САВОНАРОЛА ТРИТЕМИЙ ЛЮТЕР КОРНЕЛИЙ АГРИППА ФАУСТУС САБЕЛЛИК ПАРАЦЕЛЬС КАРДАН ШАРЛАТАНЫ, КОТОРЫЕ ХЛАДНОКРОВНО ВЗЯЛИСЬ ПЕРЕЩЕГОЛЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ НОСТРАДАМУС ДОКТОР ДИ ГРАФ ДЕРБИ ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЯ ДЖЕЙМСА В НОРВЕГИЮ ДЖОН ФИАН ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУТ КОРОЛЯ ДЖЕЙМСА, 1 ДЖЕЙМС И ФОРМАН И ДРУГИЕ ПОСЛЕДНИЕ ИДЕИ ДЖЕЙМСА НА ЭТУ ТЕМУ ЛАНКАШИРСКИЕ ВЕДЬМЫ ЛЕДИ ДЭВИС ЭДВАРД ФЭРФАКС ДОКТОР ЛЭМБ УРБЕН ГРАНДЬЕ АСТРОЛОГИЯ УИЛЬЯМ ЛИЛЛИ МЭТТЬЮ ХОПКИНС КРОМВЕЛЬ ДОРОТИ МЕЙТЛИ ВЕДЬМЫ, ПОВЕШЕННЫЕ СЭРОМ МЭТТЬЮ ХЕЙЛОМ КОЛДОВСТВО В ШВЕЦИИ КОЛДОВСТВО В НОВОЙ АНГЛИИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЖИЗНЬ НЕКРОМАНТОВ

Совершенствование натурфилософии постепенно убедило просвещенную часть человечества в том, что материальная вселенная повсюду подчиняется законам, фиксированным в своем весе, мере и продолжительности, поддающимся самому точному расчету и ни в коем случае не допускающим отклонений и исключений. Все, что не поддается учету, относится к разуму и проистекает из воли некоего существа, материальная форма которого подвластна нашим чувствам и действие которого подобным образом регулируется законами материи. Кроме того, разум, как и материя, подчиняется неизменным законам; таким образом, каждое явление и происшествие вокруг нас становится темой для размышлений проницательности и предвидения. Таково кредо, которое наука повсеместно предписывает благоразумным и размышляющим людям.

В младенчестве и менее зрелом состоянии человеческого знания все было иначе. Цепь причин и следствий еще не была осознана, и постоянно происходили события, для которых ни одна из существовавших тогда проницательностей не могла указать первопричину. Поэтому люди были склонны относить многие явления, с которыми они сталкивались, к деятельности невидимых существ; иногда под влиянием благосклонности, иногда по злему умыслу, а иногда, возможно, из желания потешиться над удивлением и изумлением невежественных смертных. Знамения и предзнаменования говорили этим людям о том, что их скоро постигнет удача или несчастье. За полетом птиц они следили как за предвестием чего-то важного. Гром возбуждал в них чувство сверхъестественного ужаса. Затмения, сопровождавшиеся страхом перемен, приводили народы в недоумение. Явления на небе, регулярные и нерегулярные, с тревогой отмечались по тому же принципу. В часы темноты люди были склонны видеть сверхъестественное существо в каждом кусте; и они не могли пересечь усыпальницу мертвых, не ожидая встретить кого-нибудь из усопших, беспокойно бродящего среди могил, или поручить ему открыть что-то важное и глубоко затрагивающее оставшихся в живых. На лунной поляне танцевали феи, и постоянно происходило что-то сверхъестественное, наполнявшее живых восхищением и благоговением.

Все это постепенно сложилось в систему. Человечество, особенно в темные и невежественные века, делилось на сильных и слабых; на сильных и слабых по животному строению, когда телесная сила была сильнее, чем в период более высокой культуры; и на сильных и слабых по интеллекту; те, кто был смел, дерзок и предприимчив в достижении превосходства над своими собратьями, и те, кто робел, подчинялся и действовал, исходя из врожденного сознания неполноценности и суеверного преклонения перед теми, кто обладал большими природными или приобретенными способностями, чем они сами. Сильные умом стремились воспользоваться своим превосходством, используя средства, которые ускользали от понимания толпы, и прибегали к различным хитростям для достижения своих целей. Кроме того, они становились обманщиками своих собственных действий. Вначале они отталкивались в своем представлении о вещах от уровня вульгарных людей. Они усердно занимались разгадыванием неизвестного; удивление смешивалось с созерцанием; они абстрагировали свой разум от обыденных вещей и, как мы можем это назвать, от реальной жизни, пока в конце концов не потеряли истинное равновесие среди удивления, которое они стремились вызвать у своих низших. Они чувствовали призвание к необычным вещам; и они охотно давали простор и границы без ограничений тому, что вызывало в них самих самые приятные ощущения, в то же время отвечая целям их честолюбия.

Поскольку эти принципы в обеих партиях, более утонченной и вульгарной, универсальны и берут свое начало в природе человека, неизбежно случалось, что эта вера в необычные события и суеверный страх перед сверхъестественным распространялись по всем климатам мира, на определенной стадии развития человеческого интеллекта, когда утонченность еще

не одержала верх над варварством. У древних кельтов были свои друиды, одним из направлений деятельности которых было занятие магией. У халдеев и египтян были свои мудрецы, маги и колдуны. У негров есть свои предсказатели событий, свои амулеты, а также те, кто сообщает о чудесных происшествиях и верит в них. Подобная раса людей была обнаружена Колумбом и другими первооткрывателями Нового Света в Америке; факты аналогичного характера засвидетельствованы нами на островах Южных морей. И поскольку явления такого рода были универсальны по своей природе, без различия климата, будь то холодный или морозный, и независимо от разногласий в нравах и обычаях разных стран, то и исчезли они очень медленно и недавно. Королева Елизавета послала посоветоваться с доктором Джоном Ди, астрологом, по поводу удачного дня для своей коронации; король Яков Первый потратил много своего ученого досуга на вопросы колдовства и демонологии, в которые он полностью верил, а сэр Мэтью Хейл в 1664 году стал причиной повешения двух старух по обвинению в незаконном общении с inferнальными агентами.

Таким образом, история человечества будет очень несовершенной, а наши знания о действиях и эксцентричности разума - прискорбно недостаточными, если мы не рассмотрим то, что произошло в этой области. Сверхъестественные явления, которыми наши предки считали себя постоянно окруженными, должны были иметь сильную тенденцию лелеять и поддерживать силы воображения, и проникать в тех, кто был свидетелем или ожидал таких вещей, с необычайной чувствительностью. В том виде, в каком ход событий представляется нам в настоящее время, есть многое, хотя и абстрактно, в пределах возможностей человеческой проницательности, но все же действующие лица на сцене не предвидят этого: Но слепота и недоумение близоруких смертных, должно быть, значительно усиливались, когда призраки и необычные явления, как считалось, могли на каждом шагу сбивать с пути и путать проекты людей, а злой волшебник или могущественный чародей мог вовлечь свою несчастную жертву в цепь бедствий, от которых не могло обезоружить никакое благоразумие, и никакая добродетель не могла его избавить. Они были рабами неподвластной судьбы, и поэтому им, должно быть, не хватало упорства и нравственного мужества, которые справедливо требуются от нас в более просвещенный век. А люди (но их было мало по сравнению с подавляющим большинством человечества), которые считали себя одаренными сверхъестественными способностями, должны были чувствовать себя освобожденными и привилегированными от обычных правил, примерно так же, как люди, которых художественная литература с удовольствием изображает наделенными неизмеримым богатством или способными делать себя бесстрастными или невидимыми. Но каковы бы ни были их преимущества или недостатки, во всяком случае, нам полезно вспомнить о вещах, которые теперь ушли в прошлое, но которые когда-то занимали столь большую долю мыслей и внимания человечества и в значительной степени определяли его характеры и диктовали его решения.

Как уже говорилось, многие из тех, кто был наделен высочайшими способностями человеческого интеллекта, живи они в наше время, стремились бы к выдающимся достижениям в области точных наук, к самым возвышенным полетам воображения или к открытию средств, с помощью которых можно было бы сделать институты людей в обществе более полезными и безупречными. В то время они тратили полночи на попытки проследить оккультные качества и достоинства вещей, подчинить невидимых духов и совершить те чудеса, о которых, как им казалось, они имели смутное представление, но которые более рациональные взгляды на природу научили нас считать не под силу. Эти возвышенные блуждания разума вполне заслуживают того, чтобы мы трудились над их изучением и исследованием. Ошибки человека достойны того, чтобы быть записанными не только в качестве маяков, предупреждающих нас о том, что наши предки потерпели

кораблекрушение, но даже как нечто почетное для нашей природы, чтобы показать, как высоко может простираться щедрое честолюбие, хотя и на запретных путях, и в вещах, слишком удивительных для нас.

Эта тема невыразимо интересна не только тем, что показывает нам, чем занимались самые возвышенные и предприимчивые умы древности. Она также имеет огромное значение для бесхитростного любопытства, поскольку жизненно влияет на судьбы столь значительной части человечества. Законодательные органы отдаленных эпох в разные периоды обрушивали всю свою суровость на то, что они считали недостойным искусством сыновей и дочерей пророка. Множество человеческих существ было принесено в жертву в разные эпохи и в разных странах по обвинению в том, что они занимались искусством самого безнравственного и святотатственного характера. Предполагалось, что они заключили договор с могущественным и невидимым духом, великим врагом человека, и продали себя, тело и душу, на вечную погибель ради удовлетворения на короткий срок своих злобных страстей в отношении тех, кто имел несчастье нанести им обиду. Если и были люди, вообразившие, что заключили такой договор, то, как бы ошибочно они ни полагали, они должны были быть сильно испорчены. И вполне естественно, что те, кто верил в это преступление, должны были считать его зверским, превосходящим все остальные, и относиться к тем, кто считался виновным в нем, с невыразимым отвращением. Известно множество случаев, когда обвиняемые в нем люди, либо находясь в глубоком заблуждении, либо, что более вероятно, преследуемые гонениями, ненавистью своих собратьев, направленной против них, или пытками, фактически признавали себя виновными. Эти случаи слишком многочисленны, чтобы не составить важную главу в законодательстве прошлых веков. И теперь, когда иллюзия в некотором роде исчезла с лица земли, мы имеем больше возможностей исследовать эту ошибку в ее причинах и последствиях и оглянуться на бурю и ураган, от которых мы спаслись, с остывшими чувствами и более здоровой оценкой их природы, господства и последствий.

ЧЕСТОЛЮБИВАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

Человек - существо безграничного честолюбия.

Вероятно, именно наши естественные желания первыми пробуждают нас от той вялости и безразличия, в которые, как можно предположить, человек погружается перед импульсом любого побуждения или присоединением любого беспокойства. Одной из самых ранних наших потребностей можно считать голод, или желание пищи.

От этого простого начала можно рассматривать историю человека во всех ее сложных разновидностях.

Человек в обществе, особенно там, где существует неравенство состояний и рангов, очень часто является существом досужим. Он находит в себе, либо по внутреннему, либо внешнему импульсу, определенную активность. В одно время он занят исполнением своих очевидных и непосредственных желаний, а в другое - находится в состоянии, когда эти желания на данный момент уже исполнены, и у него нет повода повторять те усилия, которые привели к их исполнению. Это период созерцания. Это то состояние, которое наиболее ярко отличает нас от животных. Именно здесь начинается история человека в ее исключительном смысле.

Именно здесь он особо осознает в себе чувство власти. Власть в самом простом ее понимании может проявляться одним из двух способов: либо в создании для себя обширного поля для более изысканных приспособлений, либо в осуществлении принуждения и власти над другими живыми существами. В стремлении к любому из этих

путей, и особенно к первому, он достигает мастерства и превосходной ловкости в использовании своих способностей.

Не успел человек достичь этой степени совершенствования, как теперь, если не раньше, его побуждают заметить крайнюю ограниченность его способностей в отношении будущего; и он побуждается, во-первых, искренне желать более ясного проникновения в будущее, а во-вторых, власти над теми внешними причинами, от которых зависят события будущего. Первое из этих желаний является родителем гаданий, авгуров, хиромантии, астрологии и консультаций с оракулами; а второе стало плодотворным источником чародейства, колдовства, волшебства, некромантии и алхимии в двух ее разновидностях - неограниченного продления человеческой жизни и искусства превращения менее ценных металлов в золото.

ЕГО СТРЕМЛЕНИЕ ПРОНИКНУТЬ В БУДУЩЕЕ.

Ничто не может дать нам более поразительного и потрясающего представления о способностях человеческого разума, чем рассмотрение различных искусств, с помощью которых люди пытались проникнуть в будущее и управлять его событиями, причем способами, которые по трезвости и истине совершенно не входят в нашу компетенцию. Мы нетерпеливо отступаем от узких рамок, которые конституция вещей установила для наших устремлений, и пытаемся множеством способов достичь того, что совершенно не под силу человеку.

ГАДАНИЕ.

Гадание в основном использовалось для осмотра внутренностей зверей, приносимых в жертву, и по их виду составлялись предзнаменования хорошего или плохого успеха предприятий, в которые мы собирались ввязаться.

В чем заключалось гадание по чаше, которое практиковал или делал вид, что практикует, Иосиф, мы, пожалуй, не совсем понимаем. Всем нам в какой-то мере известны предсказания, к которым и по сей день прибегают служанки и другие люди, по внешнему виду осадка, который можно найти на дне чайной чашки. Предсказания подобного рода формируются по тому, как мы утром встаем с постели или надеваем одежду, по тому, с какими людьми или предметами мы столкнемся, когда впервые покинем свою комнату или выйдем на воздух, или по любой другой безразличной случайности жизни.

АВГУРИЯ.

Основой авгурства является наблюдение за полетом птиц, звуками, которые они издают, их движениями, вялыми или оживленными, а также за тем, с какой жадностью или без нее они принимают пищу. Коллегия авгуров была одним из самых торжественных учреждений Древнего Рима.

ХИРОМАНТИЯ.

Хиромантия, или искусство предсказывать различные судьбы человека на основе изучения мельчайших изменений линий, которые можно найти на ладони человека, использовалась, возможно, в то или иное время у всех народов мира.

ФИЗИОГНОМИЯ.

Физиогномика - это не столько предсказание будущих событий, сколько попытка объяснить настоящие и присущие человеку качества. Раскрывая его склонности, она практически

давала миру понять, в каких делах он, скорее всего, будет участвовать. История Сократа и физиогномиста достаточно известна. Физиогномист, осмотрев лицо философа, заявил, что тот склонен к невоздержанности, чувственности и бурным вспышкам страсти, и все это настолько противоречило его характеру, что ученики проклинали физиогномиста как тщеславного притворщика. Однако Сократ вскоре заставил их замолчать, заявив, что он изначально был склонен ко всем вменяемым ему порокам и победил эту склонность только благодаря суровой и неустанной самодисциплине.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВ.

Онейрокритика, или искусство толкования снов, кажется, из всех способов предсказания наиболее неотделима от природы человека. Значительная часть каждых двадцати четырех часов нашей жизни проходит во сне; и во сне нет ничего более обычного, чем занять ум тысячей воображаемых сцен, которые на время становятся реальностью и часто возбуждают страсти ума спящего в неординарной степени. Многие из них дики и бессвязны, но многие также отличаются провидческой трезвостью. Многие из них, кажется, имеют строгую связь с событиями нашей реальной жизни; а некоторые выглядят так, как будто они пришли именно для того, чтобы предупредить нас об опасности или подготовить к грядущим событиям. Поэтому неудивительно, что время от времени они наполняют наши бодрствующие мысли глубоким интересом и внушают нам тревогу, от которой нам трудно избавиться. Соответственно, в эпохи, когда люди были более склонны к суевериям, чем сейчас, они иногда становились предметом серьезного беспокойства и любознательности; и мы находим, что среди самых ранних упражнений в искусстве предсказания толкование снов занимало главное место и было как бы превращено в науку.

БРОСАНИЕ ЖРЕБИЯ.

Бросание жребия, кажется, едва ли попадает в приведенное здесь перечисление. Оно было задумано как обращение к небесам по какому-либо неопределенному вопросу, с идеей, что верховный правитель небес, к которому обращались, благодаря своему всеведению восполнит недостаток человеческого знания. Два примера, среди прочих достаточно примечательных, встречаются в Библии. Один - об Ахане, который утаил часть добычи, взятой в Иерихоне, которая была посвящена служению Богу, и который, будучи выбранным по жребию, признался в этом и был побит камнями до смерти. [1] Другой - Иона, на которого жребий пал во время сильной бури; команда корабля поинтересовалась таким образом, в чем причина постигшего их несчастья, и в результате Иона был брошен в море.

АСТРОЛОГИЯ.

Астрология была одним из наиболее древних и распространенных способов узнать судьбу людей и народов. Астрономия и астрология шли рука об руку, особенно среди народов Востока. Идея судьбы была особенно связана с этой отраслью пророчества. Если судьба человека была тесно связана с положением небесных тел, то становилось очевидным, что от его свободной воли мало что зависит. Звезды управляли им во всех его решениях, и ему было бесполезно сопротивляться им. Человеческому воображению льстило представление о том, что планеты и небесные светила участвуют в том, как мы должны вести себя и какие события нас постигнут. Человек смирялся со своей судьбой с торжественным и в то же время возвышенным чувством, что самые отдаленные уголки Вселенной причастны к катастрофе, которая его ожидает. Кроме того, было что-то особенно соблазнительное во внешне глубоких исследованиях профессоров астрологии. Они занимались фактическим положением небесных тел, их соединениями и оппозициями, и, как следствие, появился огромный

аппарат диаграмм и расчетов, к которым они были вынуждены прибегать, и который обращался к глазам и воображению тех, кто к ним обращался.

ОРАКЛЫ.

Но наибольшей популярностью в античные времена пользовались предсказания будущих событий, о которых рассказывают оракулы. Видя неутолимое любопытство людей к тому, что должно произойти в будущем, и общее желание руководствоваться в своем поведении предвидением грядущих событий, жрецы, как правило, пользовались этой страстью, чтобы увеличить свои вознаграждения и подношения и тем эффективнее внушить остальным представителям своего рода почтение и готовность подчиниться их власти. Оракул произносился в храме или в каком-нибудь священном месте, и в этом мы ясно видим то смешение природы и искусства, подлинного энтузиазма и хитроумного ремесла, которое так часто проявляется в характере человека.

ДЕЛЬФИ.

Оракул Аполлона в Дельфах - самый примечательный, и о нем мы имеем самые подробные сведения. Местонахождение этого оракула, как говорят, было обусловлено следующим обстоятельством. Один козопас пас свои стада на склоне горы Парнас. Когда животные бродили туда-сюда в поисках пищи, они случайно подошли к глубокой и длинной расщелине, появившейся в скале. Из этой расщелины выходил пар, и не успели козы вдохнуть его, как стали играть и резвиться с необыкновенной ловкостью. Козопас, наблюдая за этим и желая узнать причину, держал голову над пропастью; через некоторое время, когда пары поднялись к его мозгу, он стал принимать различные странные позы и произносить слова, которые, вероятно, сам не понимал, но предполагалось, что они несут пророческий смысл.

Этим явлением воспользовались и воздвигли на этом месте храм Аполлону. Многие легковверные люди верили, что здесь, очевидно, находится центр и средоточие божественного вдохновения. Считалось, что на этой горе Аполлон убил змея Пифона. Апартаменты оракула находились прямо над пропастью, из которой выходил пар. Ответы произносила жрица, которую называли Пифией, вероятно, в память о подвиге, совершенном Аполлоном. Она сидела на треножнике или трехногом табурете, пронизанном отверстиями, над местом испускания паров. Через некоторое время ее фигура увеличилась, волосы встали дыбом, цвет лица и черты изменились, сердце заколотилось, грудь вздыбилась, а голос стал более человеческим. В таком состоянии она произнесла несколько диких и бессвязных фраз, которые, как предполагалось, были продиктованы Богом. Вопросы, которые задавали пришедшие к оракулу, предлагались ей, а ее ответы записывал жрец, в обязанности которого входило упорядочить и систематизировать их, переложить в гекзаметр, после чего они передавались жертвователям. К жрице можно было обращаться только в один день в каждом месяце.

Для поддержания авторитета оракула, несомненно, требовались большая изобретательность и изворотливость, и не меньшая смелость и собранность со стороны тех, кто управлял этим механизмом. Подобно современным фокусникам, они заботились о том, чтобы быть широко информированными обо всех вопросах, по которым можно было обратиться к оракулу. Вероятно, они слушали пифию с суеверным благоговением перед бессвязными фразами, которые она произносила. Она, как и они, провела жизнь, готовясь к должности, которой была посвящена. Все, что было бессвязного и неприменимого в ее диких речах, они предавали забвению. Все, что казалось относящимся к предложенному вопросу, они сохраняли. Те, кто перерабатывал ответы в гекзаметрический стих, конечно же,

имели полномочия, наделенные большой свободой действий. Они, как замечает Гораций по другому поводу, [2] разделяли то, что было разумно сказать, и то, что было разумно опустить, останавливались на одном, невнятно пересказывали и подгоняли другое, как только это лучше всего соответствовало поставленной цели. Кроме того, в большинстве случаев они облакали очевидный смысл прорицания в неясность и часто придумывали предложения с двусмысленным толкованием, которые могли подходить к противоположным вопросам, в зависимости от того, что выпадало. Это вполне соответствовало высокой степени энтузиазма жреца. Но как бы он ни был уверен в некоторых вещах, он не мог не чувствовать, что его предсказания окружены неопределенностью. Какие бы решения оракула ни расстроились в результате события, а мы знаем, что таких было немало, они быстро забывались; те же, что удавались, передавались с берега на берег и повторялись каждым отголоском. Неудивительно и то, что передатчики изречений Бога со временем достигли необычайной степени проницательности и мастерства. Оракулы, соответственно, достигли такой высокой степени репутации, что, как отмечает Цицерон, ни одна экспедиция в течение долгого времени не предпринималась, ни одна колония не отправлялась, и часто ни одно дело какой-либо знатной семьи или человека не начиналось без предварительного получения их суждения и санкции. Одним словом, их авторитет был настолько высок, что первые отцы христианской церкви не могли иначе объяснить столь широко распространенную репутацию, чем предположив, что дьяволам было позволено Всемогущим Богом сообщать оракулам более чем человеческое предвидение, чтобы весь мир был заключен в идолопоклонстве и неверии, [3] а необходимость Спасителя стала более очевидной. Человеческая доверчивость - одна из самых ярких черт нашей природы. Различные периоды и времена, когда целые народы как бы с одного согласия впадали в самые невероятные и грубые нелепости, постоянно фигурируют на страницах истории; а в записях далекой древности ясно видно, что подобные заблуждения продолжались на протяжении нескольких веков.

ЖЕЛАНИЕ ПОВЕЛЕВАТЬ И УПРАВЛЯТЬ БУДУЩИМИ СОБЫТИЯМИ.

Рядом с рассмотрением тех мер, с помощью которых люди пытались проникнуть в тайны будущего времени, встает вопрос о более смелых начинаниях, целью которых было с помощью некоей сверхъестественной силы контролировать будущее и подчинять его воле нелицензированного искателя приключений. Люди всегда, особенно в эпоху невежества и когда они больше всего ощущали свою индивидуальную слабость, представляли себе невидимую силу, превосходящую их собственную; и, пропорционально своему нетерпению и пылкости своих желаний, стремились вступить в союз с теми существами, чья более мощная сила могла бы обеспечить то, в чем их слабость не справлялась.

ТОРГОВЛЯ С НЕВИДИМЫМ МИРОМ.

Для разных эпох и стран характерны значительные различия в том, что касается добра или зла, славы или бесчестия, которые сопутствуют одному и тому же поведению или образу действий. В Египте и на всем Востоке, особенно в ранние периоды истории, открыто исповедовалась предполагаемая торговля с невидимыми силами, которая при других обстоятельствах и во времена господства различных предрассудков впоследствии тщательно скрывалась и варварски вытеснялась за рамки дозволенной и разрешенной практики. Древние волхвы, претендовавшие на способность творить чудесные явления и хваставшиеся знакомым общением с миром духов, воспринимались своими соотечественниками с особым почтением и считались первыми и самыми главными людьми в государстве. Таким смягченным взглядом на столь мрачные и таинственные действия древние были во многом обязаны своему многобожию. По подсчетам, римляне признавали

тридцать тысяч божеств, всем из которых оказывали законное почтение; в других странах - в аналогичной пропорции.

КОЛДОВСТВО И ЧАРЫ.

В Азии, однако, боги разделились на две партии - Оромасдеса, принцип добра, и Аримания, принцип зла. Эти силы находились в вечном противостоянии друг с другом, то одна, то другая одерживала верх. Поэтому Ариманий и его легионы едва ли считались достойными почитания человечества. Те, кто руководствовался благожелательностью и желал привлечь благословение к своим братьям, обращались к принципу добра; в то время как несчастные существа, у которых преобладали злоба и недоброжелательность, можно предположить, часто обращались к принципу зла. Отсюда, по-видимому, и возникла идея колдовства, или обращения с помощью заклинаний и злых искусств к демонам, которые любят причинять зло.

Эти существа радовались возможности причинить человечеству беды и несчастья. Но, судя по тому, что мы о них читаем, можно предположить, что они каким-то образом сдерживали свои злобные намерения и с нетерпением ждали, пока какой-нибудь смертный преступник пробудит их дремлющую активность и потребует их помощи.

Поэтому те несчастные смертные, чьим особым желанием было навлечь беду и чуму на отдельных людей или племена, против которых была направлена их враждебность, использовали различные чары. Противоположные и отвратительные слова и таинства приводились в действие, чтобы вызвать демонов, которые должны были оказать им мощную и огромную помощь. Пели песни дикого и маниакального характера. Прибегали к шумным ароматам и сжиганию всего недозволенного и отвратительного. В более поздние времена часто использовались книги и формулы ужасающего характера, при чтении или пересказе которых начинались чудеса, к которым прибегали. Небеса потемнели, грянул гром, и яростные и ослепительные молнии замелькали от одного края небес до другого. Земля тряслась и качалась из стороны в сторону. Все чудовищные и уродливые твари являли себя: "Горгоны, и гидры, и химеры ужасные", - такие, что самое стойкое сердце содрогнулось бы. Наконец, бесчисленными толпами на зрителя надвигались дьяволы, которых было множество, и чьи формы, искаженные и угрожающие лики суеверие наделило самыми страшными представлениями, чье дыхание было пламенем, чьи танцы были полны ужаса, а сила бесконечно превосходила все человеческое. Таковы были ужасающие представления, которые века фанатизма и невежества приложили к понятию колдовства, и ими они пугали несчастных существ, над которыми это понятие узурпировало власть, доводя их до безумия, и готовили их к совершению вопиющих и неслыханных деяний.

Результат этих ужасных заклинаний оказался не менее грандиозным, чем можно было ожидать от подготовки. Демоны овладели всеми силами воздуха и по своему желанию устраивали бури и кораблекрушения. "Замки рушились на головы своих стражников, дворцы и пирамиды опускались вершинами к своим основаниям; леса и горы вырывались с корнем и бросались в море. Они разжигали страсти людей и побуждали их совершать самые неслыханные преступления. Они наложили свой запрет на тех, кто наслаждался самым процветающим здоровьем, обрекли их на пик и чахлость, довели их до меланхолической атрофии и, наконец, свели в преждевременную могилу. Они вдыхали новую, неиспорченную жизнь в существ, в которых уже давно угасло существование, и своей ненавистной и несокрушимой силой заставляли могилы расставаться со своими мертвецами.

КОЛДОВСТВО.

Рядом с колдовством мы можем вспомнить случай колдовства, который встречается чаще, особенно в наше время, чем любой другой предполагаемый способ изменения сверхъестественными средствами будущего хода событий. Колдун, как мы увидим далее, часто был человеком образованным и интеллектуальным, иногда - сравнительно богатым и занимающим уважаемое положение в обществе. Но ведьма или волшебник почти всегда были старыми, дряхлыми и почти или совсем нищими. Однако функции ведьмы и колдуна во многом совпадали. Самым ранним рассказом о ведьме, содержащим хоть какие-то подробности, является рассказ о ведьме из Эндора в Библии, которая, помимо всего прочего, обладала способностью вызывать мертвых по случаю из гробового покоя. Ведьмы также претендовали на способность вызывать бури и различными способами нарушать ход природы. В большинстве случаев их приводили в действие побуждения частной злобы. Они вызывали смертность в большей или меньшей степени среди людей и зверей. Они омрачали открывающиеся перспективы обильного урожая. Они закрывали небо тучами и насылали на людей злые и вредоносные ветры. Они подрывали здоровье тех, кто имел несчастье навлечь на себя их враждебность, и заставляли их постепенно угасать от неизлечимых болезней. Два-три века назад они пользовались дурной славой благодаря силе "дурного глаза". Великие и малые люди боялись их недовольства и пытались мелкими подарками и честными речами, но неискренними и порожденными лишь ужасом, предотвратить пагубные последствия их злобы. Они прославились изготовлением небольших изображений из воска, чтобы изобразить объект своих преследований; и как эти изображения постепенно и часто тщательно затягивались перед огнем, так и несчастные окурки их недовольства погибали с томительной, но неизбежной смертью.

ДОГОВОРЫ С ДЬЯВОЛОМ.

Сила этих ведьм, как мы находим в самых ранних записях, проистекала из их общения со "знакомыми духами", невидимыми существами, которые, как предполагалось, должны были быть зачислены в армию князя тьмы. Мы не читаем в этих древних памятниках о каком-либо взаимовыгодном договоре, заключенном между просто человеком и его сверхъестественным помощником. Но современность с лихвой восполнила этот недостаток. Ведьма или колдун могли заручиться помощью демона только благодаря надежному и верному договору, по которому человек получал трудолюбивую и бдительную службу своего знакомого на определенный срок, только при условии, что по истечении этого срока демон по безусловному праву получал во владение подневольного человека и безвозвратно и навечно отправлял его в районы проклятых. Договор составлялся в подлинной форме, подписывался колдуном и заверялся его кровью, а затем уносился демоном, чтобы вновь появиться в назначенное время.

ИМПС.

Эти знакомые духи часто принимали облик животных, а черная собака или кошка считались фигурой, в которой тайно прятался сопровождающий их дьявол. Этих подчиненных дьяволов называли импами. К этим теориям примешивались нечистые и плотские идеи. Считалось, что у ведьм есть сверхъестественные соски, из которых их подручные высасывают кровь. Дьявол также вступал в сексуальные отношения с ведьмой или волшебником, называясь *инкубом*, если его фаворитом была женщина, и *суккубом*, если мужчина. Короче говоря, все страшные и отвратительные идеи были тщательно собраны вместе, чтобы сделать несчастных существ, которым вменялось в вину преступление колдовства, ужасом и презрением своего рода.

ТАЛИСМАНЫ И АМУЛЕТЫ.

Как в соответствии с учением о колдовстве существовали определенные составы и вещества, приготовленные по правилам искусства, которые оказывались вредоносными и смертоносными для тех, против кого было направлено их действие, так существовали и обереги, талисманы, амулеты и чары, по большей части [Errata: *читать* по большей части] носимые на человеке, которые делали его неуязвимым не только от колдовских действий, но в некоторых случаях и от меча или любого другого смертельного оружия. Как говорит поэт, тот, у кого он был,

Может проследить огромные леса и нехоженные пустоши, -
Да, там, где царит запустение,
По гротам и пещерам, изрытым ужасными тенями,

И посреди всех грозных напастей "мог бы пройти с несокрушимым величием", невредимый и неуязвимый.

НЕКРОМАНТИЯ.

В последнюю очередь мы можем говорить о некромантии, в которой есть нечто такое, что так сильно захватывает воображение, что, хотя она является лишь одним из различных способов, которые были перечислены для изгнания магической силы, мы выбрали ее для названия данного тома.

В покое мертвых есть нечто священное для обычного восприятия. Они кажутся нам неподвластными. "В могиле нет ни работы, ни устройства, ни знания, ни мудрости".

После лихорадки жизни они спят крепким сном:
Ни сталь, ни яд,
ни злой умысел, ни иностранные наветы - ничто,
не может их коснуться.

Их останки лежат в земле. Ни форма, ни черты их не сохранились надолго. Мы сторонимся их прикосновений и взглядов. Поэтому нарушение гроба с целью совершения нечестивых заклинаний и операций, о которых мы читаем в летописях колдовства, не может не вызывать шока. Вызывать духов усопших после того, как они выполнили свой жизненный долг и погрузились в свой последний сон, - кощунственно. Они могут воскликнуть, подобно призрак Самуила в священной истории: "Зачем ты потревожил меня?"

Есть еще одно обстоятельство, которое заставляет нас дополнительно восстать против самой идеи некромантии, так называемой. Человек - либо смертное, либо бессмертное существо. Его тело либо полностью "возвращается на землю, каким оно было, либо его дух", мыслительный принцип внутри него, "к Богу, который дал его". Последнее является преобладающим настроением человечества в наши дни. Человек находится на земле в состоянии испытательного срока, чтобы впоследствии с ним поступили в соответствии с делами, совершенными во плоти. "Одни пойдут в наказание вечное, а другие в жизнь вечную". В данном случае есть что-то кощунственное в идее вмешательства в состояние мертвых. Мы должны оставить их в руках Божьих. Даже если принять за идею промежуток времени, "сон души" от смерти до всеобщего воскресения, который исповедует ни одна презренная секта христиан, то, конечно же, ужасно, что мы должны нарушать паузу,

которую, согласно этой гипотезе, законы природы отвели ушедшей душе, и приходить, чтобы разбудить или "мучить его прежде времени".

АЛХЕМИЯ.

Чтобы сделать наш каталог сверхъестественных деяний и беззаконных фантазий человека более полным, необходимо упомянуть о ремесле, которое так охотно культивировалось в последующие эпохи мира для превращения низших металлов в золото, к которому обычно присоединялся *elixir vitae*, или универсальное лекарство, обладающее свойством обновлять молодость человека и заставлять его жить вечно. Первым достоверным свидетельством на эту тему является эдикт Диоклесиана, принятый примерно через триста лет после Рождества Христова и предписывающий тщательно разыскать в Египте все древние книги, в которых говорилось об искусстве изготовления золота и серебра, чтобы без разбора предать их огню. Этот указ, однако, неизбежно предполагает определенную древность этого занятия; и сказочная история записала Соломона, Пифагора и Гермеса в число его выдающихся приверженцев. С этого периода изучение, похоже, уснуло, пока не возродилось у аравийцев после пяти-шести сотен лет.

Однако хорошо известно, как охотно культивировалась эта наука в разных странах мира на протяжении многих веков после того, как она была раскрыта Гебером. Люди самых замечательных талантов посвящали свои жизни исследованию; во множестве случаев открытие считалось завершенным. Огромные суммы денег были потрачены на бесплодные усилия; а в более поздний период это, похоже, послужило отличным инструментом для тщеславных и спекулятивных прожектеров, чтобы вымогать деньги у тех, кто был более обеспечен благами судьбы, чем они сами.

Это искусство, несомненно, само по себе достаточно мистично, его преследовали множество людей, которые, как им казалось, всегда находились накануне свершения, но так же постоянно сбивались с пути, когда, по их собственным представлениям, находились на грани успеха. На первый взгляд, открытие действительно имеет самую деликатную природу, поскольку выгода от него должна полностью зависеть от того, будет ли оно доступно одному или очень немногим, а объект - это безграничное богатство, которое ничто, если оно не ограничено. Если сила создания золота будет распространена, то богатство в результате такого распространения превратится в бедность, и все вещи через некоторое время вернутся к прежнему состоянию. К этому следует добавить, что природа открытий обычно такова, что, когда разгадка однажды найдена, она раскрывается нескольким людям примерно в тот же период времени.

Искусство, как мы уже говорили, по своей природе достаточно мистическое, зависящее от удачных сочетаний и пропорций ингредиентов, а также от добавления каждого ингредиента точно в критический момент и при точной степени нагрева, на что указывает цвет пара, выходящего из тигля или реторты. Оператор следил за этим с неиссякаемым терпением; и часто оказывалось, что малейшая ошибка в этом отношении не приводила к ожидаемому успеху самых многообещающих продуктов. Это обстоятельство, несомненно, иногда давало возможность искусному самозванцу объяснить свой промах и таким образом убедить своего доверчивого дублера, чтобы он снова начал свой утомительный эксперимент.

Но, помимо этого, оказывается, что те, чьей целью была трансмутация металлов, очень часто присоединяли к этому занятию изучение астрологии и даже колдовство. Предполагалось, что в процессе трансмутации металлов требуется столько тонкостей и изящества, что он не может рассчитывать на успех только при благоприятном сочетании планет; а наиболее процветающие претенденты на это искусство хвастались, что они также знакомы с некими

духами сверхъестественной силы, которые помогают им в их начинаниях и позволяют им проникать в вещи, не поддающиеся простой человеческой проницательности, и предсказывать будущие события.

ФАИРИИ.

Еще одним способом, в котором проявилось дикое и неустойчивое воображение наших предков, было создание мира провидческих существ менее ужасающего характера, но которые не переставали раздражать их мысли и ставить в тупик их решения, известные под названием фей.

Мало найдется вещей, более достойных созерцания и в то же время способных представить нравы наших предков в более благоприятном свете, чем создание этой воздушной и фантастической расы. Они были настолько миниатюрны, что почти не поддавались человеческому зрению. Они были огромны, даже если были ограничены самыми маленькими размерами. Они "могли быть ограничены ореховой скорлупой и считать себя королями бесконечного пространства".

Их полуночные пирушки на берегу леса
или у фонтана, видел запоздалый крестьянин,
Или ему снилось, что он видел, пока над головой сидела луна.
сидела на своем месте, а ближе к земле
Колесила по бледному пути - они, веселясь и танцуя
Намереваясь, веселой музыкой очаровали его слух;
Одновременно с радостью и страхом сердце его забилося.

Маленькие круги на траве в уединенных местах - следы их маленьких ножек, которые, хотя и были узкими, но достаточно широкими, чтобы предоставить все условия для их времяпрепровождения.

Племена фей, похоже, повсюду отличались покровительством правде, простоте и трудолюбию и отвращением к чувственности и уклончивости. Они оставляли в тайне маленькие награды в знак одобрения любимых ими добродетелей и своей сверхъестественной силой подкрепляли чистые и прекрасные намерения, когда телесные силы добродетельных людей ослабевали под давлением человеческой немощи. В тех случаях, когда они проявляли недовольство, наказания, которые они накладывали, были по большей части такими, которые служили скорее для того, чтобы умеренно досаждать и беспокоить обидчика, чем для того, чтобы причинить ему постоянное и непоправимое зло.

Их воздушные языки произносили имена людей
На песках, берегах и в пустынных дебрях.

Предполагалось, что они направляют блуждающие огни, которые в безвестности ночи заманивают усталого путника "через болото, через кустарник, через тормоз, через бриары". Но их сила зла распространялась или использовалась только для того, чтобы досаждать тем, кто определенной нескладностью поведения давал повод для их упреков. Кроме того, они щипали и иным образом мучили объекты своего недовольства; и хотя причиняемые ими злодеяния не были самыми жизненно важными, но, исходя от сверхъестественного врага и будучи нанесены невидимыми руками, они не могли не вызывать сильного беспокойства и расстройства у тех, кто от них страдал.

На первый взгляд, в описаниях этих воображаемых людей наблюдается большая непоследовательность. По большей части они описываются нам как существа роста и внешности, почти слишком маленькие, чтобы их можно было различить нашими грубыми человеческими органами. Однако в другое время, особенно в чрезвычайно популярных сказках, переработанных М. Перро, они появляются в беспорядочных сборищах, собранных на каком-то торжественном празднике или по другому поводу, и присоединяются к людям, завсегдатаям сцены, не вызывая ни вопросов, ни удивления. В частности, они занимаются тем, что суммарно и безапелляционно наделяют людей чудесными дарами, иногда в знак особой дружбы и благосклонности, а иногда со злым и враждебным намерением. - Но мы должны учитывать, что духи

Могут принимать любую форму; так мягка
И бессоставна их сущность чистая;
Не связаны и не скованы ни суставами, ни конечностями,
как грубая плоть; но, в какой бы форме они не находились,
Расширенной или сжатой, яркой или неясной,
Могут исполнить свои воздушные цели,
И дела любви или вражды вершить.

И опять же, поскольку их щедроты были теневыми, они были особенно склонны исчезать в одно мгновение: самые великолепные дворцы и великолепные выставки исчезали, оставляя растерянного дублера в одежде, превращенной в самые бедные лохмотья, и, вместо блестящего состояния, внезапно оказываясь посреди запустения, и удаляясь неизвестно куда.

Одно из бед, которое чаще всего вменялось им в вину, - это подмена прекрасного ребенка некоторых любящих родителей на младенца, отмеченного уродством и деформацией. Но эта идея кажется несостоятельной. Природный рост феи - самый маленький; и, хотя иногда они могли увеличивать свою фигуру, чтобы подражать людям, следует полагать, что это делалось только для особой цели, и, достигнув ее, они снова привычно уменьшались до характерной миниатюрности. Таким образом, можно предположить, что смена одного человеческого ребенка на другого происходила только в одном случае.

РОСИКРУПЦЫ.

Ничего определенного не удалось выяснить о секте, называющей себя Росикрусианами. Говорят, что она возникла на Востоке от одного из крестоносцев в четырнадцатом веке; но до начала семнадцатого века она не привлекала внимания общественности. Его приверженцы, по-видимому, переняли свои представления от аравийцев и претендовали на обладание философским камнем, искусством превращения металлов и *эликсиром жизни*.

СИЛЬФЫ И ГНОМЫ, САЛАМАНДРЫ И УНДИНЫ.

Но главное, чем они привлекли внимание публики, - это их верование относительно неких элементарных существ, которые для обычного глаза невидимы, но хорошо известны посвященным. Чтобы быть допущенным к их знакомству, необходимо было предварительно очистить органы зрения универсальным лекарством, а также определенные стеклянные шары, химически подготовленные с помощью одного или другого из четырех элементов, и в течение месяца подвергать их воздействию лучей солнца. Когда эти предварительные шаги были сделаны, посвященные сразу же увидели бесчисленное множество существ из светящейся субстанции, но тонкой и мимолетной структуры, которые населяли элементы со

всех сторон от нас. Те, кто населял воздух, назывались сильфидами, а те, кто обитал на земле, носили имя гномов; те, кто населял огонь, были саламандрами, а те, кто обитал в водах, были ундинами. Каждый класс, по-видимому, обладал обширной властью в тех стихиях, к которым принадлежал. Они могли поднимать бури в воздухе и штормы на море, сотрясать землю и тревожить жителей земного шара видом пожирающего пламени. Однако, судя по всему, они были более грозными внешне, чем на самом деле. И вся раса была подчинена человеку, а особенно - посвященным. Гномы, обитатели земли и рудников, щедро снабжали людей, с которыми они общались, скрытыми сокровищами, над которыми они властвовали. В четырех классах были мужчины и женщины, но женский пол, похоже, преобладал во всех.

Эти элементарные существа, как нам говорят, по своей конституции были более долговечны, чем человек, но с тем существенным недостатком, что после смерти они полностью прекращали свое существование. Тем временем они прониклись искренним желанием обрести бессмертие, и у них оставался один способ, с помощью которого это желание могло быть удовлетворено. Если они были настолько счастливы, что пробуждали в ком-либо из посвященных страсть, целью которой был брак, то сильфида, ставшая невестой добродетельного человека, следовала его природе и становилась бессмертной; с другой стороны, если она соединялась с безнравственным существом и распутником, то муж следовал закону жены и становился полностью смертным. Однако от посвященных требовалось, чтобы они, как условие допуска к тайнам ордена, давали обет вечного целомудрия в отношении женщин. И они были сполна вознаграждены вероятностью соединиться с сильфидой, гномом, саламандрой или ундиной, любая из которых была невыразимо очаровательнее самой красивой женщины, к тому же ее чары были в некотором роде вечными, тогда как жена нашей собственной природы через короткое время обречена на морщины и все прочие недостатки старости. Инициированные, конечно же, наслаждались блаженством, бесконечно превышающим то, что выпадает на долю простых смертных, сознавая вечную торговлю с этими удивительными существами, от общества которых отстранены вульгарные люди, и имея таких соратников, непрерывно стремящихся выполнить их просьбы и предугадать их желания. [4]

Мы сделали бы лишь неполный обзор беззаконных экстравагантностей человеческого воображения, если бы не включили в него обзор этой секты. Есть что-то особенно успокаивающее для фантазии неустойчивого ума в представлении о том, что мы общаемся с расой существ, само существование которых не замечают простые смертные, и таким образом входим в бесконечно многочисленное и разнообразное общество, даже когда мы, казалось бы, поглощены полным одиночеством.

Росикрусианцы также заслуживают нашего особого внимания, поскольку их догматам посчастливилось снабдить Поупа прекрасными механизмами, которыми он украсил "Изнасилование замка". Существует также гораздо более поздняя дикая и поэтичная выдумка, которой мы обязаны тому же источнику, под названием "Ундина", вышедшая из-под пера Ламотта Фуке.

ПРИМЕРЫ НЕКРОМАНТИИ И КОЛДОВСТВА ИЗ БИБЛИИ.

Самой древней и достоверной записью, из которой мы можем почерпнуть наши представления о некромантии и колдовстве, несомненно, является Библия. Египтяне и халдеи рано стали отличаться предполагаемым мастерством в магии, в производстве

сверхъестественных явлений и в проникновении в тайны будущего времени. Первое появление людей, обладающих необычайными способностями или выдвигающих подобные притязания, зафиксировано в Писании в связи со сном фараона о семи годах изобилия и семи годах голода. Тогда царь "послал и призвал всех волшебников Египта и всех мудрецов; но они не могли истолковать сна" [5], который впоследствии растолковал Иосиф.

Второе их появление произошло в самый памятный момент, когда Моисей и Аарон, вооруженные чудодейственной силой, пришли к последующему царю Египта, чтобы потребовать от него разрешения их соотечественникам уйти в другой край света. В доказательство своей божественной миссии они совершили чудо, и царь, которого также звали Фароа, "призвал к себе мудрецов и чародеев Египта, которые своими чарами делали то же самое", что и Моисей; пока после нескольких опытов, в которых они были явно успешны, они не были вынуждены признать себя побежденными и честно признаться своему господину: "Это перст Божий!" [6]

Дух еврейской истории громогласно утверждает, что Творец неба и земли принял эту нацию за свой избранный народ, а потому требует от нее исключительного поклонения и признания другого Бога. Именно на этом принципе основано одно из его первых повелений: "Не позволяй жить ведьме". [7] А в другом месте смысл этого запрета объясняется более полно: "Не должно быть среди вас никого, кто пользуется гаданием, или наблюдателем времен, или чародеем, или колдуном, или заклинателем, или общающимся со знакомыми духами, или волшебником, или некромантом: [8] они должны быть преданы смерти; камнями побьют их". [9]

Характер чародея в другом месте более полно иллюстрирует случай с Валаамом, прорицателем, за которым послал Валак, царь Моава, чтобы он "проклял народ Израиля". Посланники царя пришли к Валааму с наградами за прорицание в руках" [10], но прорицатель был удержан от своей цели Богом иудеев, и там, где он пришел проклинать, был вынужден благословлять. He therefore "did not go, as at other times, to seek for enchantments," [11] but took up his discourse, and began, saying, "Surely there is no enchantment against Jacob, neither is there any divination against Israel!" [12]

Другой пример некромантической силы или притязаний можно найти в истории о Сауле и ведьме из Эндора. Саул, первый царь Иудеи, будучи отвергнут Богом и не получив "никакого ответа на свои расспросы ни от снов, ни от пророков, сказал слугам своим: поищите мне женщину, у которой есть дух знакомый. И сказали слуги его: вот, в Эндоре есть женщина, имеющая знакомый дух". Саул, соответственно, обратился к ней. Но до этого времени, в соответствии с законом Божиим, он "изгнал из земли знающих духов и чародеев"; поэтому женщина была в ужасе от его нынешнего обращения. Саул успокоил ее, и женщина согласилась позвать того, кого он назовет. Саул потребовал, чтобы она вызвала призрак Самуила. Призрак, по ее ли чарам или по божественному вмешательству, мы не знаем, явился и предсказал Саулу, что он и его сын должны пасть в битве на следующий день, [13] что и произошло.

Манассия, последующий царь Иерусалима, "наблюдал времена, и пользовался чарами, и обращался со знакомыми духами и волшебниками, и тем вызвал гнев Божий". [14]

Из того же авторитета ясно следует, что существовали добрые и злые духи: "И сказал Господь: кто убедит Ахава, чтобы он пошел и пал пред Рамоф-Гилеадом? И пришел дух, и стал пред Господом, и сказал: я буду убеждать его: Я пойду и буду лживым духом в устах всех пророков его. И сказал Господь: ты убедишь его". [15]

Подобным образом нам говорят: "Сатана выступил против Израиля и побуждал Давида перечесать народ; и Бог был недоволен этим, и поразил Израиля, так что пало из народа семьдесят тысяч человек" [16]. [16]

В Книге Иова сатана также предстал перед Господом среди Сынов Божьих, попросил и получил разрешение испытать верность Иова, "наложив руку свою" и лишив патриарха "всего, что у него было".

Учитывая все это, не может быть никаких сомнений, хотя дьявол и сатана не упоминаются в этой истории, что змей, который таким хитрым способом обольстил Еву, на самом деле был не кем иным, как злобным врагом человечества под этой личиной.

Таким же образом нам сообщают об оракулах ложных богов; приводится пример царя Самарии, который заболел и "послал гонцов и сказал им: пойдите, спросите Ваалзевула, бога Екронского, выздоровею ли я от этой болезни". Бог иудеев был недоволен и послал к посланникам Илию сказать: "Не потому ли, что нет Бога в Израиле, что вы идете спрашивать Ваалзевула, бога Екронского? За то, что царь сделал это, он не выздоровеет; он непременно умрет". [17]

Появление восточных мудрецов снова довольно подробно описано в пророчестве Даниила, хотя там они фигурируют только как открыватели тайных вещей и толкователи снов. Дважды, по случаю тревоживших его снов, Навуходоносор, царь Вавилона, "повелел призвать к себе магов, и астрологов, и чародеев, и халдеев" своего царства, и каждый раз с одинаковым успехом. Они признались в своей неспособности, и Даниил, иудейский пророк, объяснил царю, в чем они потерпели неудачу. После этого Навуходоносор поставил Даниила начальником над магами. Похожая сцена произошла при дворе Вельшаззара, сына Навуходоносора, в случае с надписями на стене.

Вполне вероятно, что евреи считали богов окружающих их народов падшими ангелами или духами ада, поскольку, помимо прочих аргументов, совпадение имени Вельзевула, князя дьяволов, [18] с Ваалзевулом, богом Экрона, вряд ли могло быть случайным.

Представляется необходимым рассмотреть эти подробности, поскольку они встречаются в самых древних и достоверных записях, из которых мы можем почерпнуть наши представления о некромантии, колдовстве и претензиях, которые в древности предъявлялись на обладание магической силой. Среди этих примеров есть только один - спор за первенство между Моисеем и египетскими мудрецами, в котором нам представлены их претензии на видимое проявление сверхъестественных эффектов.

ВОЛХВЫ, ИЛИ МУДРЕЦЫ ВОСТОКА.

Волхвы, или восточные мудрецы, простирались в Египте, Вавилонии, Персии, Индии, а возможно, под другим названием, и в Китае, и вообще во всем известном мире. Их профессия носила таинственный характер. Они претендовали на общение с богами. Они ставили себя посредниками между небом и землей, брали на себя прерогативу открывать волю существ, по природе своей превосходящих человека, и претендовали на чудеса и диковинки, превосходящие любую человеческую силу.

Чтобы понять это, мы должны помнить о состоянии знаний в древние времена, когда по большей части культивирование ума и знакомство с наукой или искусством было доступно лишь очень небольшой части населения. В каждом из упомянутых нами народов существовала определенная каста или племя людей, которые в силу прерогативы своего рождения имели право на преимущества науки и высшего образования, в то время как

остальные их соотечественники были обречены на существование за счет ручного труда. Это неизбежно порождало в привилегированных кругах непомерное чувство собственной значимости. Они едва ли рассматривали остальных соотечественников как существ одного с ними вида; и, обнаружив сильную линию различия, отделяющую их от стада, они прибегали ко всем возможным способам, чтобы сделать это различие еще более сильным. Чудо - один из самых очевидных способов вызвать почтение; и, сохраняя в тайне основания и процесс своего мастерства и представляя только результаты, они были уверены, что вызовут восхищение и благоговение своих современников. Подобный способ действий также вызывал ответную реакцию на них самих. То, что приносило и обещало принести им такой большой урожай почестей и славы, неизбежно становилось драгоценным в их глазах. Они с жадностью гонялись за своими открытиями, потому что немногие имели доступ к их возможностям в этом отношении, и потому что, чем глубже были их исследования, тем больше уверенности было в том, что на них будут смотреть как на людей, обладающих тем, что в них было свято и неприкосновенно. Они проводили в этих исследованиях дни и ночи. Они не боялись никаких лишений и трудов. В то же время в этих трудах они постоянно следили за дорогой для них целью, за тем, чтобы одержать верх над умами своих соотечественников и добиться от них слепого и беспрекословного повиновения своим прорицательским постановлениям. Однако они любили свои занятия за сами занятия. Они чувствовали их абстрактность и неограниченность, и поэтому созерцали их с восхищением. Они ценили их (ибо таков несокрушимый характер человеческого разума) за те труды, которые они на них потратили. Пот с их лба стал как бы частью внутреннего достоинства изделий; и то, что было достигнуто ими с таким трудом, они не могли не считать неоценимой ценностью.

ЕГИПЕТ.

В эпоху ранней древности египтяне занимали первое место по уровню цивилизации и колоссальным достижениям человеческого труда и искусства среди всех других известных народов мира. Пирамиды сами по себе являются памятником индустрии человечества. Фивы с их сотней ворот, через каждые из которых, как нам говорят, можно было выпустить сразу двести колесниц и десять тысяч воинов в полном вооружении, были одним из самых благородных городов на земле. Вся страна Нижнего Египта была пересечена каналами, дававшими благотворное направление периодическим разливам Нила, а искусственное озеро Моэрис было вырыто огромной площади, чтобы отводить периодические излишки разливов реки. Египтяне имели необыкновенный обычай сохранять своих мертвых, так что страна была населена мумиями, приготовленными с чрезвычайным усердием и мастерством, почти так же многочисленно, как и живыми.

И, пропорционально их сооружениям и трудам такого долговечного рода, они неустанно применяли все известные в то время знания. Говорят, что геометрия обязана своим существованием необходимости, в которую они были поставлены тем, что каждый человек признал свою собственность на землю, как только прекратились разливы Нила. Не менее усердны они были и в применении к астрономии. Иероглифы Египта пользуются всеобщей известностью. Их мифология имела самый сложный характер. Их боги были бесконечно разнообразны в своем роде, и не менее бесконечно разнообразны способы их поклонения. Все эти особенности, тем не менее, способствовали абстрактности их занятий и возвышенности их притязаний на знание. Они постоянно общались с невидимым миром и претендовали на способность открывать скрытые вещи, предсказывать будущие события и демонстрировать чудеса, которые превосходили человеческие силы.

Яркая иллюстрация состояния Египта в этом отношении в ранние времена случайно встречается в библейской истории Иосифа. У Иакова было двенадцать сыновей, среди которых его пристрастие к Иосифу было настолько известным, что его братья из зависти продали его в рабство странствующим мадианитянам. Так ему посчастливилось попасть в Египет, где в ходе событий он стал вторым человеком в стране и главным министром царя. Когда в этих краях разразился сильный голод, Иаков послал своих сыновей в Египет купить кукурузы, где только ее и можно было найти. Как только Иосиф увидел их, он узнал их, хотя они не знали его в его возвышенном положении; и он решил придумать, как поселить их надолго в стране, которой он правил. Среди прочего он велел тайно передать драгоценную чашу из своих запасов в мешок с кукурузой Вениамина, своего единственного брата по той же матери. Не успели братья отъехать, как Иосиф послал за ними в погоню, и посланцы обратились к ним со словами: "Не эта ли чаша, из которой пьет господин мой и которой он прорицает? Вы сделали зло, отняв ее". [19] Они снова привели незнакомцев в присутствие Иосифа, который сурово обратился к ним: "Что это за дело, которое вы совершили? Разве вы не знаете, что такой человек, как я, может прорицать?" [20]

Из этой истории ясно видно, что искусство гадания широко применялось в Египте, что эта практика была в почете, и что таково было состояние страны, что само собой разумеется, что человек такого высокого ранга и отличия, как Иосиф, должен был якобы быть знатоком этого искусства.

В великом споре о сверхъестественной силе между Моисеем и магами Египта видно, что они уверенно выступили вперед и не уклонились от спора. Жезл Моисея был превращен в змею; их жезлы тоже: Моисей превратил воды Египта в кровь, и маги сделали то же самое своими чарами: Моисей вызвал лягушек и покрыл землю Египетскую; и чародеи навели лягушек на страну. Нет необходимости спрашивать, как они совершали эти чудеса, но из всего повествования ясно, что они, должно быть, много занимались тем, что удивляли своих соотечественников подобными подвигами, и, будь то заблуждение или что-то другое, чему мы можем приписать их успех, на них повсеместно равнялись за необычность их представлений.

Раз уж мы заговорили об иллюстрациях из Библии, возможно, стоит вернуться к истории о Валааме. Валак, царь Моава, послал за Валаамом, чтобы тот пришел и проклял захватчиков его страны; и впоследствии, когда пророк сменил проклятия на благословения, нам говорят, что он не "пошел, как в другое время, искать чары". Таким образом, очевидно, что Валак не полагался только на красноречие и пыл Валаама, чтобы осыпать народ Израиля ругательствами, но ожидал, что пророк будет использовать заклинания и определенные мистические обряды, от которых в основном зависела эффективность его предсказаний бедствий для врага.

СТАТУЯ МЕМНОНА.

Египетские волхвы повсюду искали явления, которые могли бы вызвать удивление у их соотечественников и заставить их поверить, что они живут в стране, которая переполнена свидетельствами и присутствием божественной силы. Среди прочих статуя Мемнона, воздвигнутая над его гробницей близ Фив, о которой пишут многие авторы. Считается, что Мемнон был сыном Авроры, богини утра, а его статуя обладала особой способностью издавать мелодичный звук каждое утро, когда ее касались первые лучи дня, как бы приветствуя свою мать; и каждый вечер на закате издавать другой звук, низкий и скорбный, как бы оплакивая уход дня. Об этом чудачестве рассказывают Тацит, Страбон, Ювенал и Филострат. Статуя издавала эти звуки, будучи совершенной, а когда она была изуродована

человеческим насилием или природными катаклизмами, то сохраняла те свойства, которыми была наделена изначально. Современные путешественники, поскольку то же самое явление все еще наблюдается, утверждают, что оно обязано своим существованием не какому-либо вундеркинду, а свойству гранита, из которого сделана статуя или ее пьедестал, который, будучи полым, в разных частях света демонстрирует это качество. Поэтому было высказано предположение, что жрецы, убедившись в его особенностях, специально изготовили статую из этого материала, чтобы придать ей сверхъестественный характер и таким образом расширить свое влияние на доверчивый народ. [21]

ХРАМ ЮПИТЕРА АММОНА: ЕГО ОРАКУЛЫ.

Еще одно из чудес Египта - храм Юпитера Аммона посреди Великой пустыни. Этот храм находился на расстоянии не менее двенадцати дней пути от Мемфиса, столицы Нижнего Египта. Большая часть этого пространства состояла из одного огромного участка движущегося песка, настолько горячего, что подошвы ног были нестерпимы, а воздух был насыщен огнем, так что дышать в нем было почти невозможно. Ни капли воды, ни дерева, ни травинки нельзя было найти на этой огромной поверхности. Именно здесь Камбиз, предпринявший нечестивую экспедицию по разрушению храма, по преданию, потерял армию в пятьдесят тысяч человек, погребенных в песках. Когда вы прибыли сюда, перед вами предстал лес огромной окружности, листва которого была настолько густой, что лучи солнца не могли ее пробить. Атмосфера в этом месте была восхитительной температуры; повсюду били фонтаны, и все плоды земли были в высшем совершенстве. Посредине находился храм и оракул бога, которому поклонялись в образе барана. Египетские жрецы выбрали это место для испытания усердия своих почитателей; путешествие было похоже на паломничество в Иерусалим или Мекку, хотя и не на такое большое расстояние, но во многих отношениях сопряжено с более грозными опасностями. Было небезопасно пытаться пройти его только с умеренным числом людей и с теми, кто был специально снаряжен для экспедиции.

Говорят, что Вакх посетил это место во время своего великого похода на Восток, когда Юпитер явился ему в образе барана, ударив ногой по земле, и впервые вызвал тот приток воды, которым это место было обильно снабжено впоследствии. Александр Македонский в последующую эпоху предпринял такое же путешествие со своей армией, чтобы заставить признать себя сыном Бога, под которым он и был признан во всей должной форме. Жрецы, несомненно, были наслышаны об успешных сражениях при Гранике и Иссе, о взятии Тира после семимесячной осады и о походе великого завоевателя в Египет, где он разнес все на своем пути.

Здесь мы видим яркий пример того, как и в каком духе проводились оракулы в древности. Можно сказать, что жрецы были развращены богатыми подарками, которые Александр щедро раздавал им. Но не это было главным стимулом в деле. Они были поражены смелостью, с которой Александр со сравнительно небольшой горсткой людей отправился из Греции, задумав свергнуть великую Персидскую империю. Они были поражены его постоянным успехом и победоносным продвижением от Геллеспонта до горы Тавр, от горы Тавр до Пелусия, а от Пелусия через все древнее царство Египта до Мареотисского дворца. Привыкшие к практике преклонения и к вере в то, что смертная сила и истинное интеллектуальное величие - одно и то же, они с неподдельным энтузиазмом считали Александра сыном своего Бога и признавали его таковым - ничто не может быть более запоминающимся, чем то, как вера и неверие держат разделенную империю над человеческим разумом: наши страсти торопят нас верить, в то время как интервалы трезвости подсказывают нам, что все это - чистое навязывание.

ХАЛДЕЯ И ВАВИЛОН.

История вавилонской монархии не дошла до нас, за исключением тех случаев, когда ее затрагивают историки других стран, и мы почти не знаем тех анекдотов о ней, которые лучше всего иллюстрируют привычки и нравы народа. Мы знаем, что они, вероятно, опередили все другие народы в точности своих наблюдений за явлениями небесных тел. Мы знаем, что волхвы пользовались среди них большим уважением как государственный орден; И что, когда возникали вопросы, вызывающие сильную тревогу у правителей, "маги, астрологи, колдуны и халдеи" созывались вместе, чтобы узнать, смогут ли они своими искусствами пролить свет на столь загадочные и недоуменные вопросы, и мы находим достаточно оснований, как по аналогии, так и по тому факту, что колдуны конкретно названы среди классов, из которых состояли их Мудрецы, чтобы верить, что вавилонские Маги не выдвигали сомнительных претензий на осуществление магической силы.

ЗОРОАСТЕР.

Среди халдеев наиболее известно имя Зороастра, который, как считается, был автором их религии, гражданской политики, наук и магии. Он учил доктрине двух великих принципов, один из которых был автором добра, а другой - зла. Он запретил использовать изображения в религиозных обрядах и заявил, что ничто не заслуживает поклонения, кроме огня и солнца, центра и источника огня, и их, возможно, следует почитать не самих по себе, а как олицетворение принципа всех благ. Он преподавал астрономию и астрологию. С достаточной вероятностью мы можем вывести его учения из учений волхвов, которые были его последователями. Он практиковал чары, с помощью которых наводил панику среди войск, собранных для войны с ним, делая конфликт силой оружия ненужным. Он предписывал использовать определенные травы как всемогущие для получения сверхъестественных эффектов. Он претендовал на способность творить чудеса, заменять и изменять обычный ход природы. Кроме халдейского Зороастра, существовал перс, известный под тем же именем, который, как говорят, был современником Дария Гистаспеса.

ГРЕЦИЯ.

Таковыми неясными и общими являются наши сведения о вавилонянах. Но с греками все было гораздо иначе. Задолго до того периода, когда, успешно противостоя персидскому нашествию, они приобрели первостепенное значение в истории цивилизованного мира, у них были свои поэты и летописцы, которые сохранили для будущего времени память об их вкусах, нравах и суевериях, их силе и слабости. Гомер, в частности, уже создал две свои великие поэмы, благодаря которым особенности его соотечественников стали известны последним потомкам. Следствием этого является то, что удивительные события ранней Греции встречаются даже чаще, чем трезвые факты. По мере развития наблюдательности и опыта люди все больше и больше убеждаются в том, что все явления природы представляют собой одну огромную цепь непрерывных причин и следствий: но для непросвещенного глаза каждая вещь поразительна, каждая вещь неожиданна. Отдаленные поколения человечества во всех случаях полны чудес: но удача Греции в том, что она сохранила свои ранние приключения так, что первые страницы ее истории превратились в массу невозможных небылиц.

БОЖЕСТВА ГРЕЦИИ.

Боги греков, похоже, все когда-то были людьми. Поэтому их реальные или предполагаемые приключения составляют часть того, что записано о них. Юпитер родился на Крите и, будучи спрятанным матерью в пещере, был вскормлен козой. Достигнув человеческого возраста, он

вступил в войну с гигантами, один из которых имел сто рук, а двое других - братьев, каждый месяц вырастали на девять дюймов и, достигнув девятилетнего возраста, были вполне способны на все подвиги, связанные с телесной силой. Война была закончена тем, что гиганты были повержены небесными молниями и погребены под горами.

Минерва родилась из головы своего отца, без матери, а Вакх, пришедший в мир после смерти родительницы, был заключен в бедро Юпитера и появился на свет в положенное время в полной силе и бодрости. У Минервы был щит, в котором хранилась настоящая голова Медузы, имевшая свойство превращать в камень всех, кто на нее смотрел. Вакх, будучи ребенком, был схвачен пиратами с намерением продать его в рабство; но он взмахнул копьем, и весла матросов превратились в виноградные лозы, которые взобрались на мачты и раскинули свои гроздья по парусам; а тигры, рыси и пантеры стали плавать вокруг корабля, так напугав команду, что они прыгнули за борт и превратились в дельфинов. Вакх в зрелом возрасте описывается как покоритель Индии. Он отправился в этот поход не как другие завоеватели, во главе армии. Он ехал в открытой колеснице, которую тянули прирученные львы. Его сопровождающими были мужчины и женщины в огромном количестве, прекрасно владеющие искусством сельского хозяйства. Где бы он ни появлялся, он учил людей науке земледелия и выращиванию виноградной лозы. Где бы он ни появлялся, его принимали не враждебно, а с торжеством и радушием. Однако по его возвращении Ликург, царь Фракии, и Пенфей, царь Фив, выступили против улучшений, которые Восток принял с живейшей благодарностью; и Вакх, чтобы наказать их, разорвал Ликурга на куски дикими лошадьми, а среди семьи Пенфея распространил заблуждение, так что они приняли его за дикого кабана, ворвавшегося в их виноградники, и в результате упали на него, и он скончался от тысячи ран.

Аполлон был автором чумы и заразных болезней; в то же время, когда ему было угодно, он мог вернуть климату благорастворение, а сыновьям людей - здоровье и бодрость. Он был отцом поэзии и в высшей степени обладал даром предсказывать будущие события. Геката, которая была одним из имен Дианы, выделялась как богиня магии и очарования. Венера была богиней любви, самого неодолимого и всемогущего импульса, к которому способно человеческое сердце. Жезл Меркурия был наделен такими достоинствами, что тот, к кому он прикасался, если спал, оживал и просыпался, а если бодрствовал, то сразу же погружался в глубокий сон. Когда он касался умирающих, их души мягко расставались со своим бранным телом, а когда его прикладывали к мертвым, те возвращались к жизни. Нептун обладал свойством поднимать и умирять бури, а Вулкан, искусник неба и земли, не только создавал самые изысканные образцы мастерства, но и конструировал мебель, которая была наделена принципом самодвижения и по желанию владельца то появлялась, то исчезала. Плутон, совершив изнасилование Прозерпины, выехал на своей колеснице через расщелину в земле в долине Энна на Сицилии и, захватив свой приз, снова исчез тем же путем, что и появился.

Церера, мать Прозерпины, в поисках потерянной дочери была принята с особым гостеприимством Целеем, царем Элевсиса. Ей захотелось отплатить за его щедрость какой-нибудь особой милостью. Она увидела его единственного ребенка, лежащего в колыбели и страдающего от смертельного недуга. Она взяла его под свою защиту. Она кормила его молоком из собственной груди, а по ночам обкладывала его углями из костра. При таком обращении он не только восстановил свои силы, но и чудесным образом возмужал, так что то, что для других людей является результатом многих лет, у Триптолема произошло за несколько часов. Она подарила ему искусство земледелия, так что, как говорят, он первым научил человечество сеять и жать кукурузу, а также печь хлеб из ее плодов.

Прометей, один из рода гигантов, отличался особым мастерством в искусстве. Среди прочих необычных изделий он создал из глины человека столь изысканной работы, что для признания его образцом мира не требовалось ничего, кроме живой души. Минерва с одобрением наблюдала за действиями Прометея и предложила ему свою помощь. Она проводила его на небо, где он улучил удобный момент, чтобы взять на кончике своей палочки порцию небесного огня из колесницы солнца. С помощью этого он оживил свой образ, и человек Прометей двигался, думал, говорил и стал всем, чего только могли пожелать его создатели. Юпитер приказал Вулкану создать женщину, которая должна была превзойти этого мужчину. Все боги наделили ее каждый своим даром: Венера наделила ее способностью очаровывать; Грации - симметрией конечностей и изяществом движений; Аполлон - мастерством вокальной и инструментальной музыки; Меркурий - искусством убедительной речи; Юнона - множеством богатых и великолепных украшений; Минерва - умением управлять ткацким станком и иглой. И наконец, Юпитер подарил ей запечатанный ящик, крышка которого не успела открыться, как оттуда вылетело множество бедствий и несчастий всех мыслимых видов, и только Надежда осталась на дне.

Девкалион был сыном Прометея и Пирры, его племянницы. Они поженились. В их время случился потоп, который, как им казалось, уничтожил весь человеческий род; они были единственными выжившими. По указанию оракула они бросили камни себе на плечи; когда, по божественному вмешательству, камни, брошенные Девкалионом, стали мужчинами, а брошенные Пиррой - женщинами. Так земля была заново заселена.

Я привел несколько таких примеров, поскольку в ряде случаев они содержат качества того, что называется магией, и, таким образом, представляют собой примеры одних из самых ранних случаев, когда сверхъестественные силы якобы вмешивались в человеческие дела.

ДЕМИГОДЫ.

Ранняя история смертных в Греции едва ли отделена от истории богов. Первым искателем приключений, о котором, пожалуй, стоит рассказать, поскольку в его подвигах есть что-то от магии, является Персей, основатель города и царства Микен. Чтобы придать его рождению известность, говорят, что он был сыном Юпитера от Данаи, дочери Акрисия, царя Аргоса. Царь, предупрежденный оракулом, что его дочь родит сына, от руки которого ее отец лишится жизни, решил заточить ее в медной башне. Юпитер, превратившись в золотой дождь, пробрался в ее заточение и стал отцом Персея. Обнаружив это обстоятельство, Акрисий приказал заключить мать и ребенка в сундук и отдать на волю волн. Однако сундук прибило к землям одного человека царского происхождения на острове Серифос, который оказал обоим заботу и гостеприимство. Когда Персей вырос до человеческого роста, царь Серифоса поручил ему принести голову Медузы, одной из Горгон. Медуза обладала чудесным свойством: кто встречался с ней взглядом, тот немедленно превращался в камень; и царь, восплаивший страстью к Данае, отправил ее сына на это предприятие, надеясь, что он никогда не вернется живым. Однако боги благоволили ему: Меркурий дал ему крылья для полета, Плутон - невидимый шлем, а Минерва - зеркальный щит, глядя в который, он мог узнать, как настроен его враг, не опасаясь встретить ее взгляд. Вооружившись таким образом, он осуществил задуманное, отрубил голову Горгоны и спрятал ее в мешок. После этого подвига он отправился в гости к Атласу, царю Мавритании, который отказал ему в гостеприимстве, и в отместку Персей превратил его в камень. Затем он спас Андромеду, дочь эфиопского царя, от чудовища, посланного Нептуном, чтобы пожрать ее. И, наконец, вернувшись к матери и найдя царя Серифоса все еще недоверчивым и упрямым, он и его превратил в камень.

Труды Геракла, самого знаменитого из греков героической эпохи, похоже, не имели ничего магического, а своим успехом он был обязан телесной силе, превосходящей силу всех остальных смертных, в сочетании с непобедимой энергией духа, который не желал уступать ни одному препятствию, которое могло бы ему помешать. Его достижения характерны для грубой и варварской эпохи, в которой он жил: он душил змей, убивал эриманфского вепря, немайского льва и гидру.

ДЕДАЛУС.

Почти одновременно с трудами Геракла происходит история Пасифаи и Минотавра, и это снова приводит нас в сферу магии. Пасифая была женой Миноса, царя Крита, и воспылала неестественной страстью к прекрасному белому быку, которого Нептун подарил царю. Найдя способ удовлетворить свою страсть, она стала матерью чудовища, получеловека-полубыка, названного Минотавром. Минос хотел скрыть это чудовище от людских глаз и обратился за помощью к афинянину Дедалу, самому искусному художнику своего времени, который, как говорят, изобрел топор, клин и отвес, а также придумал, как использовать клей. Он впервые придумал мачты и паруса для кораблей, а статуи вырезал так восхитительно, что они не только выглядели как живые, но и действительно обладали способностью к самодвижению и могли бы сбежать из-под стражи своего владельца, если бы не были прикованы к стене.

Дедал создал для Миноса лабиринт - удивительное сооружение, занимавшее много акров земли. Проходы в этом сооружении встречались и пересекались друг с другом с такой запутанностью, что незнакомец, попавший сюда, умер бы от голода, прежде чем смог бы найти выход. В этом лабиринте Минос запер Минотавра. Затаив глубокую обиду на жителей Афин, где во время бунта был убит его единственный сын, он обложил их ежегодной данью в виде семи знатных юношей и стольких же девственниц, которых должен был съесть Минотавр. Тесей, сын афинского царя, положил конец этому позору. Ариадна, дочь Миноса, научила его, как уничтожить чудовище, и дала подсказку, по которой впоследствии можно было найти выход из лабиринта.

По какой-то причине Дедал вызвал недовольство Миноса, и тот сделал его пленником в своем собственном лабиринте. Но художник, у которого никогда не заканчивались изобретения, придумал из перьев и воска сделать себе пару крыльев и сбежал. Икар, его сын, находившийся в плену вместе с ним, был снабжен отцом аналогичным оборудованием. Но сын, неопытный и невнимательный, в полете приблизился слишком близко к солнцу, и, когда воск его крыльев расплавился от жары, он упал в море и утонул.

АРГОНАВТЫ.

Одновременно с правлением Миноса произошла экспедиция аргонавтов. Во главе экспедиции стоял Ясон, сын царя Иолхоса в Фессалии. Его целью было достать золотое руно, которое висело в священной для Марса роще в Колхидском царстве, на восточной оконечности Эвксинского моря. Он привлек к этому предприятию всех самых галантных духов, какие только существовали в стране, и среди них Геракла, Тесея, Орфея и Амфиона. Пройдя через множество опасностей, одна из которых была вызвана кианскими скалами у входа в Эвксинское море, имевшими свойство смыкаться с каждым судном, пытавшимся пробраться между ними, и разбивать его вдребезги; этой опасности можно было избежать, только послав перед этим голубя в качестве предвестника, они, наконец, прибыли на место.

МЕДЕЯ.

Золотое руно защищали быки, чьи копыта были медными, а дыхание - огненным, и никогда не спящий дракон, усевшийся у подножия дерева, на котором было подвешено руно. Ясона подготовила к этому делу Медея, дочь царя страны, сама искусная волшебница, снабженная фильтрами, снадобьями и чарами. Вооружившись таким образом, он приручил быков, надел на их шеи ярмо и заставил их вспахать два акра самой жесткой земли. Он убил дракона и, чтобы завершить приключение, вытащил зубы чудовища, посеял их в землю и увидел, как из семени выросла армия воинов. Войско поспешило вперед, чтобы напасть на него; но он бросил большой камень в середину их рядов, и они тотчас же повернулись от него и, падая друг на друга, были убиты своим общим оружием.

Закончив это приключение, Медея вместе с Ясоном отправилась обратно в Фессалию. По прибытии они застали отца Ясона Эсона и его дядю Пелия, узурпировавшего престол, старыми и дряхлыми. Ясон обратился к Медее и спросил ее, нет ли среди ее чар таких, которые могли бы сделать старика молодым. Она ответила, что знает: она вытянула из тела Эсона обедненную и водянистую кровь, влила в его жилы сок некоторых целебных трав, и он восстал после операции таким же свежим и бодрым человеком, как и его сын.

Дочери Пелиаса изъявили полную готовность отказаться от престола Иолхоса, но прежде чем удалиться, они попросили Медею оказать их отцу ту же милость, которую она уже оказала Эсону. Она согласилась. Она сказала им, что нужно разрезать старика на части, сварить его в котле с настоем определенных трав, и он выйдет гладким и активным, как ребенок.

Дочери Пелиаса с некоторым сомнением отнеслись к этой операции. Медея, видя это, просила их не думать, что она их обманывает. Если же они будут сомневаться, она попросила их привести ей самого старого барана из их стада, и они должны были увидеть эксперимент. Медея разделала барана, бросила в него несколько трав, и из старого колокольчика вышел такой красивый и невинный ягненок, какого еще никогда не видели. Дочери Пелиаса были довольны. Они разделили своего отца на части, но он так и не смог вернуть себе ни здоровья, ни жизни.

Из Иолхоса, после восстания народа, Медея и Ясон бежали в Коринф. Здесь они прожили десять лет в полном согласии. По истечении этого срока Ясон устал от своей жены и влюбился в Глаусию, дочь коринфского царя. Медея была крайне возмущена его неверностью и, помимо прочих злодеяний, собственноручно убила двух детей, которых родила ему на глазах у Ясона. Ясон поспешил наказать ее за варварство, но Медея взобралась на колесницу, запряженную огненными драконами, бежала по воздуху в Афины и спаслась.

В Афинах она вышла замуж за Эгея, царя этого города. У Эгея от прежней жены был сын Тесей, который по какой-то причине воспитывался в безвестности, неизвестности и изгнании. В подходящее время он вернулся домой к отцу с намерением объявить о своем происхождении. Но Медея была с ним заранее. Она вложила в руки Эгея отравленный кубок во время развлечения, которое он устроил для Тесея, с намерением, чтобы тот передал его сыну. В решающий момент Эгей бросил взгляд на меч Тесея, который он узнал как тот, что он принес своему сыну, когда тот был ребенком, и распорядился, чтобы тот принес его, когда станет мужчиной, в знак тайны своего рождения. Кубок был отброшен, отец и сын бросились друг другу в объятия, а Медея бежала из Афин на своей колеснице, запряженной драконами, по воздуху, как много лет назад бежала из Коринфа.

ЦИРЦЕЯ.

Цирцея была сестрой Ээта и Пасифаи и, как и Медея, ее племянница, искусна в колдовстве. Кроме того, она обладала даром бессмертия. Она была изысканно красива, но использовала прелести своей внешности и соблазнительное изящество манер не по назначению. Каждому чужеземцу, приехавшему на ее территорию, она преподносила заколдованный кубок, из которого уговаривала его выпить. Не успевал он ее отведать, как превращался в свинью, и волшебница загоняла его в свое стойло. Под этим отвратительным обликом несчастный незнакомец сохранил сознание того, кем он был, и вечно оплакивал преступное поведение, благодаря которому он дошел до столь печального состояния.

ОРФЕЙ.

Цицерон [22] цитирует Аристотеля, утверждающего, что такого человека, как Орфей, не существовало. Но Аристотель, по крайней мере, одинок в этом мнении. А в отношении Орфея известно слишком много обстоятельств, получивших одобрение всей античности, чтобы мы могли поставить под сомнение его существование. Он был уроженцем Фракии, а из этой страны переселился в Грецию. Он отправился в Египет, чтобы собрать там информацию, необходимую для достижения его целей. Он умер насильственной смертью и, как почти все утверждают, пал жертвой обиды и ярости женщин своей родной земли. [23]

Орфей, несомненно, был поэтом, хотя маловероятно, что до нас дошло хоть одно его подлинное произведение. Как и все поэты столь отдаленного периода, он был чрезвычайно искусен во всех видах вокальной и инструментальной музыки. Он цивилизовал грубых жителей Греции, подчинил их порядку и закону. Он сформировал их в общины. Аристофан [24] и Гораций [25] утверждают, что он избавил дикарей от резни и потакания отвратительной и нечистой пище. И это с достаточной вероятностью было истолковано как то, что он нашел расу людей, среди которых он жил, каннибалами, и что, чтобы излечить их от этой ужасной практики, он научил их довольствоваться плодами земли. [26] Считается, что музыка и поэзия были специально созданы им для достижения этой цели. Говорят, что он заставил голодного льва и голодного тигра подчиниться его приказам и унять их дикую и яростную натуру.

По толкованию Горация [27] и других современных толкователей, это означает не более чем то, что он привел расу дикарей, какими он их нашел, к порядку и цивилизации. Но вначале, возможно, это понималось более буквально. Мы не справимся с традициями тех далеких времен, если не перенесемся в воображении в их среду, не научимся чувствовать их чувства и представлять себе их понятия. Орфей жил в то время, когда все было волшебством и проделками. Одаренные и неординарные личности в те века верили, что наделены чудесными прерогативами, и действовали в соответствии с этим убеждением. Мы можем иногда наблюдать, даже в наши дни скучного и буквального, как велико превосходство человека над зверем, когда он чувствует полную и абсолютную уверенность в этом превосходстве. Глаз и жест человека не могут не производить эффектов, невероятных до тех пор, пока их не увидят. Магия была в порядке вещей, и энтузиазм ее героев был поднят на высочайшую высоту и не сопровождался тайными опасениями. Мы также должны учитывать, что во всех операциях магического характера присутствует удивительная смесь откровенности и *добродушия* с сильной долей хитрости и ремесла. Человек в любую эпоху полон несочетаемых и несовместимых принципов; и когда мы перестанем быть непоследовательными, мы перестанем быть людьми.

Трудно полностью объяснить, что подразумевается под историей об Орфее и Эвридике, но по своим обстоятельствам она поразительно похожа на тысячу раз описанные случаи вызова

призраков умерших с помощью колдовства. Обескураженный муж в первую очередь прибегает к безотказной помощи музыки. [28] После многих подготовительных действий он, кажется, достиг своей цели и убедил силы тьмы позволить ему присутствовать рядом со своей возлюбленной. Однако в дальнейшем она оказывается лишь тонкой и мимолетной тенью. Ему запрещено смотреть на нее, и, если бы он послушался этого запрета, неизвестно, чем бы закончился эксперимент. Однако он, как и было велено, идет к свету. Ему внушают, что его супруга следует за ним по пятам. Его окружает множество неземных явлений. Некоторое время он уверенно продвигается вперед. В конце концов его одолевают сомнения. Он прибегает к ушным ощущениям, чтобы узнать, следует ли она за ним. Он ничего не слышит. Наконец он не может больше терпеть эту неопределенность и, вопреки полученному запрету, не может удержаться от того, чтобы не повернуть голову, чтобы убедиться, что он сбит с толку и потратил все свои усилия напрасно. Он видит ее, но не успевает он ее увидеть, как она становится все менее и менее заметной; все дальше и дальше она отступает перед ним; она издает пронзительный крик и пытается изъясняться, но становится все более и более незаметной; и в конце концов он остается со сценой вокруг него во всех отношениях такой же, какой она была до его заклинаний. В итоге из всего, что известно об Орфее, следует, что он был чрезвычайно великим и добродетельным человеком, но стал жертвой необыкновенного несчастья.

Мы еще не закончили историю Орфея. Как уже было сказано, он пал жертвой негодования и ярости женщин своей родной земли. Утверждают, что они разорвали его на части. Его голова, отделенная от тела, плыла по водам Гебруса, и чудесным образом, проплывая мимо моря, она все еще слышала скорбные восклицания: "Эвридика, Эвридика! [29] В конце концов его вынесло на берег острова Лесбос. [30] Здесь, благодаря необычному стечению обстоятельств, оно нашло пристанище в расщелине скалы с пещерой, и, поселившись там, как говорят, сохранило дар речи и произносило оракулы. Не только жители Лесбоса прибегали к нему за советом в трудных вопросах, но и азиатские греки из Ионии и Этолии; а его слава и способность предсказывать будущие события дошли даже до Вавилона. [31]

АМФИОН.

История Амфиона более загадочна, чем история живого Орфея. Обе они в значительной степени зависят от чудесного воздействия музыки. Амфион происходил из царского рода Фив и в конце концов стал правителем этой территории. Говорят, что он силой своей лиры или своим мастерством в магическом искусстве заставил камни следовать за ним, располагаться так, как он предлагал, и без вмешательства человеческой руки воздвиг стену вокруг своей метрополии. [32] Конечно, не так сложно представить, что дикаря можно умиротворить и подчинить велениям цивилизации, или даже диких зверей приручить, как вообразить, что камни подчиняются голосу и воле человека. Однако этот пример не единичен; в дальнейшем мы узнаем, что Мерлин, британский чародей, силой магии заставил камни Стоунхенджа, хотя они и были таких огромных размеров, перенестись по воздуху из Ирландии туда, где мы их сейчас находим. Гомер упоминает, что Амфион и его брат Зетхус построили стены Фив, но не описывает, что это было сделано чудом. [33]

ТИРЕСИАС.

Тиресий был одним из самых знаменитых прорицателей ранних веков Греции. Он жил во времена Эдипа и войны семи вождей против Фив. Боги поразили его слепотой из-за какого-то недовольства, которое они на него замыслили; но в качестве компенсации они наделили его сверх всякой меры даром пророчества. Говорят, что он понимал язык птиц. Он владел искусством предсказывать будущие события по различным признакам, которые проявлялись

в огне, дыме и другими способами, [34] но наибольшее значение придавал общению с мертвыми, которых заклинаниями и заклинаниями заставлял появляться и отвечать на его запросы; [35] и он изображен изливающим огромные угрозы в их адрес, когда они проявляли медлительность в выполнении его приказов. [36]

АБАРИС.

Скиф Абарис, известный нам по своему визиту в Грецию, по общему мнению, был великим магом. Геродот рассказывает [37], что он, по преданию, обошел весь мир со стрелой, ничего не ел во время своего путешествия. Другие авторы рассказывают, что эта стрела была дана ему Аполлоном и что он пронесся на ней по воздуху, над землями, морями и всеми недоступными местами. [38] Время его расцвета очень неопределенно: одни представляют его как создателя Палладия, который, пока он сохранялся, не давал Трое быть захваченной врагом, [39] а другие утверждают, что он был знаком с Пифагором, который жил шестьсот лет спустя, и что он был принят в его особое доверие. [40] Говорят, что он обладал способностью предсказывать землетрясения, утихомиривать бури и изгонять мор; он давал предсказания, где бы ни находился; его описывают как чародея, утверждающего, что он излечивает болезни с помощью определенных слов, которые он произносил над теми, кто был ими поражен. [41]

ПИФАГОР.

Имя Пифагора - одно из самых памятных в истории человеческого рода, а его характер достоин самого тщательного исследования. С этим именем мы сразу попадаем в пределы истории, которую так правильно называть. Он жил во времена Кира и Дария Гистаспеса, Креза, Писистрата, Поликрата, тирана Самоса, и Амасиса, царя Египта. Было выдвинуто множество гипотез относительно точного времени его рождения и смерти; но, поскольку мы не ставим себе целью вступать в длительные дискуссии такого рода, мы сразу примем утверждение, которое представляется наиболее вероятным, а именно утверждение Ллойда, [42] который относит его рождение к 586 году до Рождества Христова, а смерть - к 506 году.

Пифагор был человеком самых разнообразных достижений и, судя по всему, в разных направлениях проникал в глубины человеческого знания. Он искал мудрость в ее самых прекрасных убежищах, в Египте и других далеких странах. [43] В этом исследовании он использовал ранний период своей жизни, вероятно, до сорока лет, а оставшуюся часть посвятил таким методам работы, которые казались ему наиболее вероятными, чтобы обеспечить преимущество того, что он приобрел, для позднего потомства. [44]

Он основал школу и передавал свои приобретения в устной форме многочисленным последователям. Он разделил своих учеников на два класса: одни - неофиты, которым объясняли только самые очевидные и общие истины, другие - те, кто входил в полное доверие к мастеру. Этим последним он заставлял бросать свое имущество в общий фонд и жить вместе в одном и том же месте отдыха. [45] Вторую половину своей жизни он провел в той части Италии, которая называется Magna Graecia, названной так в некоторой степени из-за многочисленных колоний греков, которыми она была заселена, и частично, возможно, из-за памяти о прославленных делах, которых Пифагор достиг там. [46] Говорят, что он распространил семена политической свободы в Кротоне, Сибарисе, Метапонтуме и Регии, а затем в Сицилии - в Тавромении, Катане, Агригентуме и Гимере. [47] Харондас и Залевк, сами знаменитые законодатели, черпали зачатки своей политической мудрости из наставлений Пифагора. [48]

Но этот удивительный человек каким-то образом, то ли благодаря полученному им знанию, то ли благодаря собственным открытиям, обеспечил своему роду преимущества более постоянного характера, которые переживут революции веков и нестабильность политических институтов. Он был глубоким геометром. Ему приписывают две теоремы: о том, что внутренние углы каждого прямолинейного треугольника равны двум прямым углам [49] и о том, что квадрат гипотенузы каждого прямоугольного треугольника равен сумме квадратов двух других сторон [50]. В память о последнем из этих открытий он, как говорят, принес публичную жертву богам, а теорема до сих пор известна под именем пифагорейской. По длине олимпийской трассы, которая, как считалось, измерялась шестьюдесятью футами Геракла, он определил точный рост этого героя. [51] Наконец, Пифагор - первый человек, который, как известно, учил сферической фигуре Земли и тому, что у нас есть антиподы; [52] и он распространил учение о том, что Земля - это планета, а Солнце - центр, вокруг которого движутся Земля и другие планеты, известное сейчас под названием системы Коперника. [53]

Привитие чистого и простого образа жизни также было целью Пифагора. Он учил полному воздержанию от всех вещей, обладающих свойством животной жизни. Как мы видели, утверждалось, [54] что Орфей до него учил тому же. Но претензии Орфея на это различие неоднозначны; в то время как теории и догмы саамского мудреца, как его часто называли, были более методично усвоены и произвели более длительный и однозначный эффект. Он учил воздержанности во всех ее проявлениях и решительному подчинению appetitов тела созерцанию и упражнениям ума; а благодаря неукоснительному соблюдению дисциплины и власти, которую он оказывал на своих последователей, его уроки постоянно соблюдались. Поэтому, насколько распространялось влияние Пифагора, преобладала назидательная и образцовая простота, которая завоевывала золотые отзывы его приверженцев во все времена, когда они появлялись, и во всех местах. [55]

Один из переворотов, произведенных Пифагором, заключался в том, что если непосредственно перед этим те, кто был наиболее замечен среди греков как наставники человечества в понимании и добродетели, называли себя софистами, профессорами мудрости, то этот выдающийся человек хотел, чтобы его знали только под именем философа, любителя мудрости. [56] Софисты уже успели опозорить свой род высокомерием своих притязаний и тем, что пытались навязать миру закон.

Однако скромность этого прозвища не вполне соответствовала глубоким замыслам Пифагора, его стремлению к возвышению и оракульному подчинению, в котором он считал необходимым держать тех, кто отдавал себя в его ведение. Этот удивительный человек начал с того, что сделал себя образцом пассивной и беспринципной покорности, которой он впоследствии требовал от других. Он начал преподавать только в сорок лет, а с восемнадцати до этого времени учился в чужих странах, решив подчиниться всему, что предписывали ему учителя, и овладеть их наименее известной и наиболее тайной мудростью. В частности, в Египте нам рассказывают, что, хотя он привез рекомендательное письмо от Поликрата, своего родного государя, к Амасису, царю этой страны, который полностью разделял взгляды писателя, жрецы, ревнуя допустить иностранца в свои тайны, препятствовали ему, сколько могли, переводя его из одной коллегии в другую и предписывая ему самые строгие подготовительные мероприятия, не исключая обряда обрезания. [Но Пифагор все терпел и терпел, пока в конце концов их нежелание не было побеждено, и его упорство получило достойную награду.

Когда в конце концов Пифагор посчитал себя полностью готовым к выполнению задачи, которую он все время ставил перед собой, он не менее строго предписал своим ученикам достаточную предварительную подготовку. Когда ему предлагали ученика, мастер, как нам

рассказывают, задавал ему множество вопросов о его принципах, привычках и намерениях, внимательно следил за его голосом и манерой говорить, походкой и жестами, чертами лица, выражением и управлением глазами и, когда был удовлетворен этим, принимал его в качестве испытуемого, а не раньше. [58] Следует полагать, что все это должно было носить личный характер. Однако как только все это заканчивалось, мастер удалялся из поля зрения ученика, и ему предписывалось послушничество в течение трех и пяти, в общей сложности восьмью лет [59], во время которого он должен был слышать своего наставника только из-за занавеса, и в течение всего этого времени ему предписывалось строжайшее молчание. Как наставления, полученные Пифагором в Египте и на Востоке, не допускали никаких споров, так и он, в свою очередь, требовал безоговорочного подчинения от тех, кто его слушал: *autos iphae* "учитель сказал это" считалось достаточным решением всех сомнений и неуверенности. [60]

Для придания большей авторитетности и действенности своим сообщениям Пифагор прятался днем, по крайней мере, от основной массы своих учеников, и видел их только ночью. Действительно, нет оснований полагать, что кто-то был допущен к нему в полном составе. Когда он выходил на сцену, то появлялся в длинном одеянии чистого белого цвета, со всклокоченной бородой и гирляндой на голове. Говорят, что он был прекрасной симметричной формы, с величественной осанкой, серьезным и грозным лицом. [Он заставлял своих последователей верить, что он один из богов, гиперборейский Аполлон, [61] и, как говорят, сказал Абарису, что он принял человеческий облик, чтобы лучше пригласить людей к легкости подхода и доверию к нему. [63] Однако все его биографы сходятся в том, что он исповедовал, что уже в разные эпохи появлялся в облике человека: сначала как Эфалид, сын Меркурия; и когда его отец выразил готовность наделить его любым даром, кроме бессмертия, он молил, чтобы, поскольку человеческой душе суждено последовательно пребывать в различных формах, он мог бы иметь привилегию в каждой помнить свое прежнее состояние бытия, что и было ему даровано. Из Эфалида он превратился в Эвфорба, который убил Патрокла при осаде Трои. Затем он явился Гермотимом, потом Пирром, рыбаком с острова Делос, и, наконец, Пифагором. Он говорил, что между каждым переселением проходит определенный промежуток времени, в течение которого он посещает обитель усопших душ; и он исповедовал, что рассказывает часть чудес, которые он видел. [64] Говорят, что он питался скупой и тайно, и во всех отношениях выдавал себя за существо, не подчиняющееся обычным законам природы. [65]

Поэтому Пифагор претендовал на чудесные способности. Оказавшись на берегу моря, когда некие рыбаки вытащили на сушу огромное множество рыб, он попросил их позволить ему распорядиться добычей, на что они согласились, если он назовет точное число пойманных ими рыб. Он так и сделал и потребовал, чтобы они снова выбросили свой приз в море, заплатив при этом стоимость рыбы. [66] Он приручил даунского медведя, шепнув ему на ухо, и убедил его впредь воздерживаться от животной плоти и питаться овощами. Тем же способом он побудил быка не есть бобов, которые Пифагор запрещал; он спустил орла с высоты своего полета, заставив его сесть на руку и подчиниться, чтобы философ его погладил. [67] В Греции, когда он проходил мимо реки Нессус в Македонии, было слышно, как поток приветствовал его словами "Славься, Пифагор!" [68] Когда Абарис обратился к нему как к одному из небесного воинства, он отвел незнакомца в сторону и убедил его в том, что он не заблуждается, показав ему свое золотое бедро: или, согласно другому рассказу, он использовал такое же доказательство в определенное время, чтобы убедить своих учеников в своем небесном происхождении. [69] Говорят, что его видели в один и тот же день в Метапонтуме в Италии и в Тауроминиуме на Сицилии, хотя эти места разделены морем, так что считалось, что путь от одного до другого занимает несколько дней. [70] В одном случае

он отсутствовал среди своих соратников в Италии целый год, а когда появился снова, рассказал, что провел это время в адских областях, описывая также чудесные вещи, которые он видел. [Диоген Лаэртский, рассказывая об этом обстоятельстве, утверждает, однако, что он оставался в течение этого времени в пещере, где его мать передавала ему разум и предметы первой необходимости, и что, когда он снова вышел на свет и воздух, он выглядел настолько истощенным и бесцветным, что можно было поверить, что он вышел из Аида.

Конец жизни Пифагора, по всем сведениям, прошел среди несчастий и насилия. Иамблих рассказывает некоторые подробности, [72] которые, хотя он и не является авторитетом вне всяких исключений, настолько характерны, что, кажется, дают право на их перечисление. Этот автор более косвенно, чем любой другой, описывает тщательно продуманные шаги, с помощью которых ученики Пифагора были окончательно приняты в полное доверие мастера. Он говорит, что сначала они три года находились на испытательном сроке, за ними внимательно наблюдали старшие, подвергая их периодическим насмешкам и иронии, в порядке эксперимента, чтобы убедиться, что они достаточно философичны и тверды. По истечении этого срока их принимали в послушники, где они были связаны непрерывным молчанием и слушали лекции мастера, в то время как сам он был скрыт от их глаз занавесом. Затем их принимали на посвящение и требовали передать свое имущество в общий фонд. Их допускали к общению с мастером. Их приглашали к участию в самых туманных теориях и самых заумных проблемах. Если же на этом этапе своего развития они оказывались слишком слабыми в интеллектуальном плане или против них выдвигались какие-либо другие фундаментальные возражения, их изгоняли из общины; им выплачивалась двойная часть имущества, которое они внесли в общий фонд; на месте собрания общины устанавливали надгробный камень и памятник с их именами; их считали умершими; и если после этого они случайно встречали кого-либо из тех, кто принадлежал к привилегированному кругу, они воспринимались ими как совершенно чужие люди.

Кайлон, самый богатый человек, или, как его называют в одном месте, принц, Кротоны, проявлял к Пифагору величайшую пристрастность. В то же время он был человеком грубым, нетерпеливым и буйным. Вместе с Периалом из Фурий он подчинился всем строгостям пифагорейской школы. Они прошли трехлетний испытательный срок и пятилетнее молчание. Они были приняты в число учеников мастера. Затем они проходили посвящение и передавали все свои богатства в общий фонд. Однако в конце концов их признавали недостаточно интеллектуальными или по каким-то другим причинам не считали достойными оставаться в числе учеников Пифагора. Они были изгнаны. Внесенное ими имущество было возвращено в двойном размере. В память о них был поставлен памятник, и они были объявлены умершими для школы.

Легко понять, с каким самообладанием Сайлон выдержал это унижение. О Периалусе мы больше ничего не слышали. Но Килон, из чувства глубочайшего благоговения и трепета перед Пифагором, которое он лелеял долгие годы, был преисполнен неугасимой ненависти и мести. Беспримерные заслуги, почтенный возраст учителя, которому он так долго следовал, не могли сдержать его жестокости. Его огромное влияние в городе обеспечивало ему власть над огромным количеством последователей. Он возбуждал в них буйство и беспорядки. Он показал им, насколько невыносим деспотизм этого мнимого философа. Они окружили школу, в которой обычно собирались ученики, и подожгли ее. В пламени погибло сорок человек. [73] По одним данным, Пифагор в это время отсутствовал. По другим - он и двое его учеников спаслись. Он удалился из Кротоны в Метапонтум. Но вражда, вспыхнувшая в прежнем городе, преследовала его и там. Он укрылся в храме муз. Но его держали в такой

тесной осаде, что не могли доставить ему провизию; в конце концов он умер от голода, после, по словам Лаэртция, сорокадневного воздержания. [74]

Трудно представить себе что-либо более поучительное и содержащее больше поводов для полезных размышлений, чем контраст, который представляют нам характер и система действий Пифагора, с одной стороны, и великих исследователей последних двух столетий, например, Бэкона, Ньютона и Локка, с другой. Пифагор, пожалуй, не уступает ни одному из них в проявлениях истинного интеллектуального величия. В своей школе, в последователях, которых он воспитал, похожих на себя, и в том благотворном влиянии, которое он оказал на институты различных республик Магна-Греции и Сицилии, он, надо полагать, значительно превзошел их. Его открытия различных положений в геометрии, Земли как планеты и Солнечной системы, признанной сейчас повсеместно, ясно свидетельствуют о том, что он был гением высшего порядка.

Однако этот человек, просвещенный и филантропичный, основал свою систему на узких и исключительных принципах и вел ее методами хитрости, шарлатанства и заблуждений. Одна из его главных максим заключалась в том, что великие и фундаментальные истины, установлению которых он посвятил себя, должны быть тщательно скрыты от посторонних глаз и передаваться лишь избранным, причем после многих лет сурового обучения и испытаний. Первые уроки мудрости он получил в Египте, следуя этому методу, и всю жизнь следовал тому примеру, который был ему преподан. Об этом свидетельствуют суровый экзамен, который он проводил с кандидатами, прежде чем принять их в свою школу, и годы молчания, которые были им предписаны. Он наставлял их с помощью символов, неясных и загадочных предложений, для объяснения которых они должны были сначала проявить свою изобретательность. Авторитет и догматические утверждения мастера должны были оставаться непререкаемыми, а ученики должны были приучить себя к покорности и беспрекословному подчинению и были дальше всех в мире от поощрения к самостоятельному проявлению своего собственного понимания. Не было ничего, что Пифагор отвергал бы более решительно, чем сообщение истин, которым он придавал наивысшее значение, непосвященным. Поэтому маловероятно, что он что-либо написал: все передавалось устно, с такими градациями и с таким усмотрением, какие он считал нужным принять и использовать.

Заблуждение и ложь были основными чертами его наставлений. Поэтому с каким уважением мы можем рассматривать и какую мужественность, достойную его высокого характера и дарований, мы можем приписать его лекциям, произносимым из-за занавеса, его скрытию в течение дня и появлению только ночью в одежде, принятой для того, чтобы вызвать благоговение и почитание? Что мы скажем об истории его различных перевоплощений? На первый взгляд она предстает в свете самого дерзкого и неприкрытого надувательства. И если бы мы уступили настолько, чтобы признать, что ему удалось наложить на себя руки благодаря высокому энтузиазму, долгой череде мацерации и провидческих мечтаний, это, хотя и по-другому, не менее умалило бы ту высокую ступень, на которой благородные стороны его характера побудили бы нас поместить его.

Таковы некоторые из основных причин, сделавших его усилия тленными, а блеск, который должен был сопровождать его гений, в значительной степени преходящим и беглым. Вероятно, он находился под влиянием презренной ревности, и следует считать, что он желал, чтобы никто из его современников или последователей не затмил своего учителя. В школе Пифагора все было прорицательно и догматично. Он ценил и справедливо ценил величие своих достижений и открытий и не представлял, что что-то может выйти за их пределы. Он не поощрял, более того, решительно выступал против истинной независимости

ума и того неустрашимого духа предприимчивости, в атмосфере которого естественным образом рождаются самые возвышенные мысли. Поэтому он не распахнул ворота науки и мудрости и не пригласил всех желающих, а, напротив, сузил вход и тщательно сократил число претендентов. Он не думал о наиболее вероятных методах придания силы, постоянства и обширной сферы для прогресса человеческого разума. По этим причинам он ничего не написал, а передал все на хрупкое и неопределенное хранение традиции. И далекое потомство сполна отомстило за узость его политики; и имя Пифагора, которое в противном случае было бы причислено к первым светилам человечества и предано вечной благодарности, в результате нескольких радикальных и фатальных ошибок часто подвергалось осквернению, а герой, носивший его, был без разбора причислен к сторонникам самозванства и хитрости.

ЭПИМЕНИД.

Эпименид упоминается среди учеников Пифагора, но, вероятно, он жил в более ранний период. Он был уроженцем Крита. Первое необычное обстоятельство, которое о нем рассказывают, заключается в том, что, будучи совсем молодым, он был послан своим отцом на поиски бродячей овцы, когда, одолеваемый жарой, он удалился в пещеру и проспал пятьдесят семь лет. Полагая, что проспал всего несколько часов, он отправился сначала в загородный дом своего отца, который оказался во владении нового арендатора, а затем в город, где встретил своего младшего брата, уже старого человека, которого с трудом заставил признать его. [75] Вероятно, именно это обстоятельство изначально принесло Эпимениду славу пророка и любимца богов.

Эпименид, по-видимому, был одним из тех людей, которые занимаются тем, что вводят в заблуждение своих братьев и добиваются для себя репутации обладателей сверхъестественных даров. Такие люди почти всегда, а особенно в эпоху невежества и чудес, сами становятся обманщиками своих притязаний. Он выдавал, что тайно питался пищей, приносимой ему нимфами; говорят, что он принимал пищу в столь малых количествах, что был освобожден от обычных природных потребностей. [76] Он хвастался тем, что может выслать свою душу из тела и вернуть ее обратно, когда ему заблагорассудится; при этом он попеременно превращался в неживой труп, а затем к нему возвращалась жизнь, и он, как и прежде, был способен выполнять все человеческие функции. [77] Говорят, что он практиковал церемонию изгнания из домов и полей и таким образом делал их плодородными и благословенными. [78] Он часто произносил пророчества о событиях с такой церемониальностью и таким пронизательным суждением, что они, казалось, сбывались, как он и предсказывал.

Один из самых памятных случаев в его жизни произошел именно так. Килон, глава одной из главных афинских семей, поднял восстание против правительства и захватил цитадель. Однако его власть была недолгой. Осада была снята, и Сайлон спасся бегством. Его сторонники оставили оружие и укрылись у алтарей. Соблазненные обманчивыми обещаниями, они предстали перед судом и все были преданы смерти. Боги, как говорят, были оскорблены таким нарушением религиозных предписаний и послали на город чуму. Все пришло в смятение, и печаль овладела всем обществом. Постоянно видели блудников, по улицам ходили призраки умерших, повсеместно царил ужас. Жертвоприношения, приносимые богам, демонстрировали самые неблагоприятные симптомы. [79] В этой чрезвычайной ситуации афинский сенат решил послать за Эпименидом, чтобы тот пришел к ним на помощь. Его репутация была велика. Его считали святым и благочестивым человеком, который по вдохновению свыше разбирался в небесных вещах. Под командованием одного из первых граждан государства было снаряжено судно, чтобы доставить Эпименида с Крита.

Он совершил различные обряды и очищения. Взяв некоторое количество овец, черных и белых, он привел их в Ареопаг, где отпустил на волю, чтобы они шли, куда им вздумается. Он велел определенным людям следовать за ними и отмечать место, где они ложатся. Он спрашивал, какому именно божеству посвящено это место, и приносил овец в жертву этому божеству; в результате этих церемоний чума прекращалась. По мнению других, он положил конец чуме, принеся в жертву две человеческие жертвы. Афинский сенат, преисполненный благодарности к своему благодетелю, преподнес ему в дар талант. Но Эпименид отказался от всякой компенсации и в знак признания своего поступка потребовал лишь, чтобы между афинянами и жителями Гносса, его родного города, был вечный мир. [80] Говорят, что он умер вскоре после возвращения в свою страну, в возрасте ста пятидесяти семи лет. [81]

ЭМПЕДОКЛ.

Эмпедокл также упоминается как ученик Пифагора. Но он, вероятно, жил слишком поздно, чтобы это было так. Его принципы были в значительной степени схожи с принципами этого выдающегося человека, и он мог учиться у одного из непосредственных преемников Пифагора. Он был гражданином Агригентума на Сицилии и, унаследовав значительное богатство, пользовался большим авторитетом в своем родном месте. [82] Он был выдающимся оратором и поэтом. Он много занимался изучением природы и был известен своими познаниями в медицине. [83] В дополнение к этим достижениям он, судя по всему, был преданным приверженцем принципов свободы. Он добился роспуска правящего совета Агригентума и ввел вместо него трехгодичную магистратуру, благодаря которой государственная власть стала находиться не только в руках богачей, как раньше, но и была разделена ими с опытными и умными людьми из низшего сословия. [84] Он выступал против любого произвола. Он дал приданое из своих собственных запасов многим молодым девицам из обедневших семей и устроил их в выгодные браки. [85] Он совершил множество исцелений своих сограждан и особенно прославился тем, что вернул к жизни женщину, которая, по одним данным, была мертва семь дней, а по другим - тридцать. [86]

Но самое памятное, что известно об Эмпедокле, содержится в дошедших до нас фрагментах его стихов. В одном из них он говорит о себе: "Я хорошо помню время, когда я еще не был Эмпедоклом, что когда-то я был мальчиком, потом девочкой, растением, сверкающей рыбой, птицей, рассекающей воздух". [87] Обращаясь к тем, кто прибегал к нему за улучшением и мудростью, он говорит: "По моим наставлениям вы узнаете лекарства, способные излечивать болезни и оживлять старость; вы сможете успокаивать дикие ветры, которые сводят на нет труды земледельцев, и, когда захотите, снова насылать бурю; Ты заставишь небо быть честным и безмятежным или снова обрушишь освежающие ливни, оживляя плоды земли; более того, ты вернешь силу мертвецу, когда он уже стал жертвой Плутона." [88] Далее, говоря о себе, Эмпедокл восклицает: "Друзья, населяющие великий город, омываемый желтым Акрагасом, приветствую вас! Я смешиваюсь с вами, бог, уже не смертный, и везде почитаем вами, как это справедливо; увенчанный филями и благоухающими гирляндами, которыми украшен, когда посещаю многолюдные города, я почитаем и мужчинами, и женщинами, которые следуют за мной десятками тысячами, спрашивая дорогу к безграничному богатству, ища дар пророчества, и желая научиться чудесному умению лечить всевозможные болезни." [89]

Наиболее известный рассказ о смерти Эмпедокла можно с полным основанием считать баснословным. Из сказанного достаточно очевидно, что он был человеком необычайных интеллектуальных способностей и самых филантропических наклонностей; в то же время он

был неумеренно тщеславен, стремясь всеми доступными ему средствами приобрести для себя безмерную память. На основе этих намеков была придумана история о том, что он стремился чудесным образом исчезнуть среди людей; для этого он, оставшись один, поднялся на вершину горы Аетны, находившейся тогда в состоянии извержения, и бросился вниз из горящего кратера; но к этому добавили, что в результате этого порочного стремления он потерпел неудачу: вулкан выбросил одну из его медных сандалий, с помощью которой стал известен способ его смерти. [90]

АРИСТЕЙ.

Геродот рассказывает удивительную историю о некоем Аристее, поэте из Проконнеса, острова в Пропонтиде. Этот человек, случайно зайдя в мастерскую фуллера в своем родном месте, внезапно упал замертво. Так как человек был значительного звания, фульер немедленно покинул и запер свою мастерскую, чтобы сообщить о случившемся его родным. Родственники отправились в лавку, прихватив все необходимое для совершения обряда погребения покойного, но, открыв ее, не смогли обнаружить никаких следов Аристея, ни мертвого, ни живого. Однако один путешественник из соседнего города Кизика, расположенного на континенте, утверждал, что только что покинул это место и, садясь в привезшую его лодку, встретил Аристея и имел с ним особый разговор. Через семь лет после этого Аристей вновь появился в Проконнесе, прожил там значительное время и за это время написал свою поэму о войнах одноглазых аримаспийцев и грифонов. После этого он снова исчез необъяснимым образом. Но, что более всего удивительно, через триста сорок лет после этого исчезновения он снова объявился в Метапонтуме, в Магна-Греции, и повелел горожанам воздвигнуть статую в его честь возле храма Аполлона на форуме; что и было сделано, он поднялся в воздух и улетел в виде ворона. [91]

ГЕРМОТИМУС.

Гермотим, или, как его называет Плутарх, Гермодор из Клазомен, как говорят, обладал, подобно Эпимениду, чудесной способностью покидать свое тело и возвращаться в него снова, так часто и так надолго, как ему было угодно. Во время этих отлучек его бестелесный дух посещал те места, которые считал нужным, наблюдал за всем происходящим и, возвращаясь в свою плотскую обитель, составлял подробный отчет об увиденном. У Гермотима были враги, которые однажды, когда его тело пролежало без движения необычайно долго, обольстили его жену, заставив ее поверить, что он, безусловно, мертв, и что держать его так долго в таком состоянии - непочтительно и неприлично. Поэтому женщина положила мужа на погребальный костер и сожгла его в пепел, так что, продолжает философ, когда душа Гермотима вернулась, она уже не нашла своего обычного вместилища, в которое могла бы удалиться. [92] Разумеется, такое обращение давало безошибочный критерий того, было ли кажущееся отсутствие души этого чудесного человека притворным или реальным.

МАТЬ ДЕМАРАТА, ЦАРЯ СПАРТЫ.

Геродот [93] рассказывает историю о матери Демарата, царя Спарты, которая имеет поразительное сходство с современными сказками. Эта дама, впоследствии царица Спарты, происходила от богатых родителей, но, родившись, была так экстравагантно уродлива, что родители скрывали ее от всех людских глаз. Однако, согласно обычаям того времени, они ежедневно отправляли младенца на руках кормилицы в святилище Елены, превратившейся теперь в богиню, чтобы помолиться об избавлении ребенка от его нынешнего уродства. В таких случаях ребенка окутывали множеством покрывал, чтобы его не заметили. Однажды, когда кормилица выходила из храма, ее встретила незнакомая женщина и спросила, что она

так тщательно скрывает. Кормилица сказала, что это ребенок женского пола, но от богатых родителей, и она строго-настрого приказала, чтобы его никто не видел. Незнакомец был настойчив и, проявив настойчивость, преодолел нежелание кормилицы. Женщина взяла младенца на руки, погладила по волосам, поцеловала, а затем, вернув его кормилице, сказала, что он должен вырасти самым совершенным красавцем в Спарте. Так и вышло: царь страны, увидев ее, так влюбился в нее, что, хотя у него уже была жена, а у нее - муж, он преодолел все препятствия и сделал ее своей царицей.

ОРАКЛЫ.

Одной из самых необычных вещей, с которыми можно столкнуться в истории древних времен, являются оракулы. Они сохраняли свою репутацию на протяжении многих веков. Самыми известными, пожалуй, были Дельфийский в Греции и оракул Юпитера Аммона в пустынях Ливии. Но они были разбросаны по многим городам, равнинам и островам. С ними советовались и глупые, и мудрые, и едва ли что-то значительное предпринималось, особенно во время персидского вторжения в Грецию, без предварительного обращения к ним, и в большинстве случаев они вносили соответствующие изменения в поведение принцев и армий. Чтобы сделать заблуждение более успешным, в ход шли всевозможные уловки. К оракулу можно было обращаться только в определенные дни, а люди, которые прибегали к нему, предваряли свои обращения дорогими подношениями богу-председателю. Их вопросы проходили через руки определенных жрецов, проживающих в храме и рядом с ним. Эти жрецы принимали посольство со всей подобающей торжественностью и удалялись. Жрица, или пифия, которую редко или никогда не видел никто из вульгарных людей, была непосредственным средством общения с богом. Она была отрезана от всех контактов с миром и тщательно обучалась жрецами. Проводя почти все свое время в уединении и приученная считать свою должность неизреченно священной, она видела видения и по большей части находилась в состоянии сильного возбуждения. Пифию, по крайней мере, дельфийского бога, с большой церемонией приводили к исполнению ее обязанностей и помещали на священный треножник. Треножник, как нам рассказывают, стоял над расщелиной в скале, из которой выходили пары опьяняющего свойства. Пифия постепенно проникала этими испарениями во все конечности, пока ее грудь не вздымалась, черты лица увеличивались, изо рта шла пена, голос казался сверхъестественным, и она произносила слова, которые иногда едва ли можно было назвать членораздельными. Она с трудом сдерживала себя и, казалось, была одержима и всецело поглощена Богом. После прелюдии из множества нечленораздельных звуков, произнесенных с пылом и в каком-то исступлении, она постепенно становилась более отчетливой. Она произносила бессвязные фразы, с паузами, которые заполнялись сверхъестественными усилиями и искаженными жестами, а священники стояли рядом, тщательно записывая ее слова, а затем сводя их к какому-то непонятному значению. В конце концов они переварили их по большей части в гексаметровый стих. Можно предположить, что молящиеся во время этой церемонии находились на соответствующем расстоянии, чтобы наблюдать за происходящим несовершенно, но чем меньше они понимали, тем, как правило, больше проникались религиозным благоговением и были готовы безоговорочно принять то, что им сообщалось. Иногда жрица оказывалась в состоянии, не вполне соответствующем ее функциям, и отказывалась продолжать церемонию.

Жрецы оракула, несомненно, проводили их в некоторой степени как цыгане и гадалки в наши дни, хитростью добывая себе сведения любыми способами и выведывая секреты своих женихов, в то же время стараясь, чтобы их дрейф меньше всего вызывал подозрения. Но главный их ресурс, вероятно, заключался в неясности, доходящей почти до

неразборчивости, их ответов. Их пророчества в большинстве случаев требовали комментария события, чтобы их понять; и нередко случалось так, что смысл в продолжении оказывался диаметрально противоположным тому, что изначально задумывали благочестивые приверженцы.

В то же время неясность оракулов оказывала невыразимую услугу делу суеверия. Если событие оказывалось таким, что его никак нельзя было переиначить, чтобы вписать в рамки ответа, благочестивый поклонник лишь делал вывод, что неудача объясняется грубостью и плотскостью его собственных представлений, а не какими-то недостатками института. Таким образом, оракул ни в коем случае не терял своего авторитета, даже если его смысл навсегда оставался в своей первоначальной неясности. Но когда по счастливой случайности его предсказания подтверждались, то безошибочность оракула превозносилась из народа в народ, а всезнание Бога признавалось с изумлением и преклонением.

Однако было бы вульгарной и нелепой ошибкой полагать, что все это было лишь делом рук ремесленников, а народ был лишь обманут, в то время как жрецы хладнокровно продолжали обман и втайне смеялись над тем, как они обманывали мир. Они чувствовали свою значимость и дорожили ею. Они чувствовали, что их соотечественники считают их чем-то большим, чем люди; и мнение, сложившееся о них в окружающем мире, не могло не вызвать ответного чувства в их собственных сердцах. Если их современники охотно приписывали им исключительную святость, то насколько сильнее был импульс, побуждавший их полностью принять столь лестное предположение! Их умы пребывали в состоянии постоянного возвышения, и они считали себя особо благосклонными к Богу, чей храм был их резиденцией. Достаточно одного небольшого факта, чтобы поставить вероучение, льстящее всем страстям его приверженцев, на самую неопровержимую основу. Современные философы думают, что своей доктриной газов они могут объяснить все явления пифии; но древние, которым эта доктрина была неизвестна, признавали эти явления как несомненное свидетельство вмешательства небес.

Конечно, нам крайне трудно представить себя на месте тех, кто верил в древнее политеистическое вероучение. И все же эти верующие почти составляли все население древних царств. Даже те, кто утверждал, что избавился от предрассудков своего воспитания и поднялся над нелепостями язычества, все еще сохраняли в себе некоторую примесь старой закваски. Одним из последних деяний Сократа было приказание принести в жертву Эскулапу петуха.

В вероучении язычества, как говорят, насчитывалось до тридцати тысяч божеств. Каждое царство, каждый город, каждая улица, да что там, каждый дом, имели своего бога-покровителя. Эти боги были соперниками друг друга; каждый из них ревностно относился к своему уделу и остерегался вторжения соседнего божества на территорию, где оно имело преимущественное право. Провинции каждого из этих божеств были невелики, и поэтому их бдительность и ревность к положенным почестям не идут ни в какое сравнение с Провидением Бога, управляющего делами всей Вселенной. У них было достаточно свободного времени для того, чтобы подтвердить свои прерогативы. Пророчество было для каждого божества самым простым и очевидным способом утвердить свое существование и заставить почитать и подчиняться своих почитателей. Пророчество было тем видом вмешательства, который меньше всего подвергался опровержению и разоблачению. Оракулы, как мы уже говорили, произносились в выражениях и фразах, которые были почти невразумительны. Поэтому, если они не находили вразумительного исполнения, это ничего им не давало; и, если это не приносило им дополнительных заслуг, то и не подвергало их позору. В то время как каждый пример, когда неясное предсказание совпадало с каким-либо

последующим событием, вызывал удивление и овации, подтверждал веру истинных верующих и служил победоносным опровержением сомнений неверных.

ВТОРЖЕНИЕ КСЕРКСА В ГРЕЦИЮ.

В этом месте особенно уместно рассказать о событиях, произошедших в Дельфах по случаю памятного вторжения Ксеркса в Грецию. Это был действительно критический момент для языческой мифологии. Персы были яростны и откровенны в своей враждебности к алтарям и храмам греков. Едва стало известно о форсировании Фермопильского пролива, как жрецы обратились к богу с вопросом, следует ли им закопать сокровища храма, чтобы обезопасить их от святотатства захватчика. Ответ оракула гласил: "Пусть ничего не трогается; Бог достаточен для защиты своих прав". Поэтому жители окрестностей ушли: остались только шестьдесят человек и жрец. Тем временем персы подошли. Однако перед этим священное оружие, находившееся в храме, было замечено невидимыми руками и перенесено на склон, который находился с внешней стороны здания. Не успели захватчики показаться, как чудесная гроза с громом и молнией пронеслась среди многочисленных холмов, окружавших священное место, и вселила ужас во все сердца. От вершины горы Парнас откололись два огромных осколка, которые при своем падении сокрушили сотни людей. Изнутри стен доносились воинственные возгласы. Уныние охватило персидские войска. Тогда дельфийцы, выбежав из своих пещер и спустившись с вершин, напали на них с большой резней. Два человека, превосходившие всех ростом, которые, как говорили, были полубогами, чьи веера были воздвигнуты у храма Аполлона, присоединились к преследованию и удлиннили резню. [94] Говорят, что положение этого места было особенно приспособлено к такому способу защиты. Окруженный и почти нависающий над высокими горными массивами, город был заключен в скалы и обрывы. К нему не вела никакая дорога, кроме как через дефиле, узкие и крутые, затененные лесом и на каждом шагу прикрытые сверху крепостями. В таком положении искусственные пожары и взрывы могли имитировать грозу. Были предприняты большие усилия, чтобы представить это место совершенно заброшенным, и поэтому отрыв скал от вершины горы Парнас, хотя и осуществленный руками человека, мог показаться совершенно сверхъестественным.

Ничто не может более убедительно проиллюстрировать силу религиозного чувства среди греков, чем слова афинского правительства во время второго наступления персидских войск на их территорию, когда они снова были вынуждены оставить свои дома и земли захватчику. Мардоний сказал им: "Мне поручил это царь Персии, он освободит и вернет вам вашу страну; он предлагает вам выбрать другую территорию, какую вы сочтете желательной, которую он гарантирует вам, чтобы вы управляли ею, как сочтете нужным. Он восстановит для вас, не затрачивая ни денег, ни труда, храмы, которые во время своего прежнего вторжения он уничтожил огнем. Напрасно вы будете противостоять ему силой, ибо войска его бесчисленны". На что афиняне ответили: "До тех пор, пока солнце будет идти по небу, мы будем сопротивляться персидскому захватчику". Затем, обратившись к спартанским послам, которые были отправлены, чтобы ободрить и вдохновить их на упорство, они добавили: "Вполне естественно, что ваши наниматели опасаются, что мы можем сдаться и пасть духом. Но нет такой огромной суммы денег, нет такого привлекательного и плодородного края, который мог бы заставить нас согласиться на порабощение Греции. Причины, побуждающие нас к этому решению, многочисленны и непреодолимы. Первая и самая главная - храмы и изображения богов, которые Ксеркс сжег и превратил в руины, и за которые мы призваны отомстить в полной мере, вместо того чтобы заключить союз с тем, кто совершил это опустошение. Во-вторых, мы рассматриваем греческий род, единый с нами по крови и речи, единый по религии и нравам, и чье дело мы никогда не предадим. Поэтому знайте теперь,

если не знали раньше, что, пока жив хоть один афинянин, мы никогда не отступим от вражды с Персией, которой посвятили себя".

Созерцая это великодушное решение, мы напрасно размышляем об абсурдности, нелепости и несерьезности, как нам кажется, языческого культа, поскольку, что бы мы ни думали о его недостатках, самый героический народ, когда-либо существовавший на земле, в час своего тяжелейшего бедствия считал ревностную и горячую приверженность этой религии самой священной из всех обязанностей. [95]

ДЕМОКРИТ.

Слава о Демокрите сложилась необычайно удачно. Плиний представляет его как одного из самых суеверных смертных. Этот образ основан на некоторых книгах, вышедших под его именем. В этих книгах он утверждает, что если смешать кровь некоторых птиц, то получится змея, от которой тот, кто поест, будет наделен даром понимать язык птиц. [96] Он приписывает множество достоинств конечностям мертвого верблюда: в частности, если зажарить левую ногу этого животного, добавить в нее некоторые травы и особый некрепкий состав, то она будет обладать свойством делать невидимым того, кто носит ее при себе. [97] Но все это совершенно не вяжется с известным характером Демокрита, который отличался гипотезой, что мир создан из случайного соединения атомов и что душа умирает вместе с телом. И, соответственно, Лукиан, [98] более рассудительный автор, чем Плиний, прямо называет Демокрита ярым противником всех претендентов на чудеса. "Подобные жонглерские трюки, - говорит он, - требуют Демокрита, Эпикура, Метродора или кого-нибудь подобного, кто попытался бы обнаружить иллюзию и, даже если бы не смог полностью раскрыть обман, с уверенностью заявил бы, что все это - лживое притворство и в нем нет ни искры реальности".

В действительности Демокрит был одним из самых бескорыстных героев в поисках истины. Его называют отцом экспериментальной философии. Когда его отец умер, и имущество было разделено между ним и двумя братьями, он выбрал ту часть, которая была в деньгах, хотя и самую маленькую, чтобы он мог побаловать себя [Errata: *читай* себя] путешествиями в поисках знаний. Он посетил Египет и Персию, заехал в Эфиопию и Индию. Сообщается, что он сказал, что предпочел бы быть обладателем одной из кардинальных тайн природы, чем диадемы Персии.

СОКРАТ.

Сократ - самый выдающийся из древних философов. Он жил в самый просвещенный век Греции и в Афинах, самом прославленном из ее городов. Он родился в среднем сословии, сын скульптора. У него было скудное лицо, курносый нос, выступающие глаза, а в остальном внешность настолько бесперспективная, что один физиономист, его современник, провозгласил его склонным к самым грубым порокам. Но он обладал пронизательным умом, самыми простыми манерами и умом, полностью направленным на изучение нравственного совершенства. Он сразу же отбросил все возвышенные претензии, темные и рекогносцировочные занятия самых аплодируемых учителей своего времени и вел тех, кому адресовал свои наставления, от очевидных и неотразимых данных к самым неожиданным и полезным выводам. В его манере преподавания было что-то такое, что привлекало к нему самую благородную афинскую молодежь. Платон и Ксенофонт, два самых замечательных греческих писателя, были среди его учеников. В своем собственном лице он удивительным образом примирял бедность с самыми высокими принципами независимости. Он учил безоговорочному подчинению законам нашей страны. Несколько раз он недвусмысленно демонстрировал свою доблесть на поле боя, но в то же время держался в стороне от

государственных должностей и доверительных отношений. Спокойствие его ума никогда не покидало его. Он всегда был готов учить, и ему никогда не было трудно отвлечься от собственных забот, чтобы уделить внимание нуждам и желаниям других. Он был неизменно вежлив и непритязателен, а если когда и позволял себе игривые насмешки, то только над самонадеянными невеждами и теми, кто был безосновательно мудр в своем самомнении.

И все же, при всех этих достоинствах и совершенствах, имя Сократа не дошло бы до потомков с таким блеском, если бы не способ его смерти. Он нажил себе множество врагов. Простота его манеры и простота его наставлений невыразимо ранили тех (а их было немало), кто, выдвигаясь в профессора, до сих пор старался ослепить слушателей возвышенностью своих притязаний и добиться от них беспрекословного подчинения высокомерием, с которым они диктовали. Для нас, наверное, удивительно, что такой человек, как Сократ, был привлечен к суду в такой стране, как Афины, по обвинению в смертной казни. Его обвиняли в том, что он внушал молодежи непослушание своим обязанностям и пропагандировал нечестие по отношению к богам, в чем он, как известно, не был виновен. Но заговор против него был глубоко задуман и, как говорят, готовился двадцать лет. И он очень помог махинациям своих противников, проявив удивительную твердость в своем поведении на суде и решимость не поддаваться ни на какие косвенные и пагубные уговоры. Он защищался с невозмутимым лицом и самыми убедительными аргументами, но не опускался до унижений и уговоров. Когда ему вынесли приговор, это ничуть не изменило его поведения. Он не считал, что жизнь, которую он прожил семьдесят лет с чистой совестью, стоит сохранять, жертвуя честью. Он отказался бежать из тюрьмы, когда один из его богатых друзей уже выкупил у тюремщика средства для его освобождения. А в последние дни своей жизни, ожидая сигнала к смерти, которым должно было стать возвращение корабля, отправленного с жертвоприношениями на Делос, он произнес те восхитительные речи, которые были записаны Ксенофонтом и Платоном и дошли до самых последних потомков.

Но вопрос, который вводит его имя в этот том, - это вопрос о том, что называют демоном Сократа. Он говорил, что неоднократно получал божественные предчувствия об опасностях, надвигающихся на него и других людей; и были предприняты значительные усилия, чтобы установить причину и автора этих предчувствий. Некоторые люди, среди которых можно назвать и Платона, полагали, что Сократ считал себя окруженным сверхъестественным стражем, который всегда следил за его благополучием и заботами.

Но решение, вероятно, более простое. Сократ, при всех его несравненных достоинствах и совершенствах, не был свободен от суеверий своей эпохи и страны. Он был воспитан среди абсурдов многобожия. В них, как мы видели, входило глубокое почтение к ответам оракулов и бдительное внимание к предвестиям и знамениям. Сократ, судя по всему, был очень внимателен к предзнаменованиям. Платон рассказывает, что это предчувствие, о котором он говорил как о своем демоне, никогда не побуждало его к каким-либо действиям, но иногда вмешивалось, чтобы помешать ему или его друзьям предпринять что-либо, что могло бы повлечь за собой пагубные последствия. [99] Иногда он описывал его как голос, который, однако, никто не слышал, кроме него самого; а иногда он проявлялся в акте чихания. Если чихание появлялось, когда он сомневался, делать или не делать то или иное дело, оно подтверждало его; если же, будучи уже занятым каким-либо делом, он чихал, это рассматривалось им как предупреждение о необходимости воздержаться. Если кто-то из друзей чихал по правую руку от него, он воспринимал это как благоприятное предзнаменование; если же по левую, то немедленно отказывался от своей цели". [100] Сократ оправдывал свой способ выражаться по этому поводу, говоря, что другие, когда они

говорили о предзнаменованиях, например, по голосу птицы, говорили, что птица мне это сказала, но он, зная, что предзнаменование было исключительно инструментом высшей силы, считал более религиозным и почтительным относиться только к высшей силе и говорить, что Бог милостиво предупредил его. [101] Одним из примеров этого предзнаменования было то, что, идя по узкой улице с несколькими спутниками в серьезном разговоре, он внезапно остановился и повернул в другую сторону, предупредив своих друзей сделать то же самое. Некоторые уступили ему, а другие пошли дальше, но их встретила толпа свиней, и им не удалось спастись без значительных неудобств и травм. [102] В другом случае один из компании, среди которой был Сократ, сговорился совершить убийство. Он поднялся, чтобы уйти, сказав Сократу: "Я скоро вернусь". Сократ, не зная о его намерениях, но получив предчувствие его демона, убедительно сказал ему: "Не уходи". Заговорщик сел. Однако он снова поднялся, и снова Сократ остановил его. В конце концов он сбежал, не заметив философа, и совершил поступок, за который его потом привлекли к суду. Когда его вели на казнь, он воскликнул: "Этого никогда бы со мной не случилось, если бы я поддался внушению Сократа". [103] Таким же образом и с помощью аналогичного внушения философ предсказал неудачу афинской экспедиции в Сицилию под командованием Никия, которая закончилась столь значительной катастрофой. [104] Эта черта в характере Сократа примечательна и может свидетельствовать о распространенности суеверий даже у тех людей, которые, как мы могли бы предположить, наиболее вероятно, были бы свободны от этой слабости.

РИМ.

ВИРГИЛИЙ.

От греков перейдем к римлянам. Самые ранние примеры для нашей цели встречаются в "Энеиде". И хотя Вергилий - поэт, он настолько правильный писатель, что мы можем считать само собой разумеющимся, что он либо записывает факты, которые передавались по традиции, либо, когда он притворяется, он притворяется, что поразительно соответствует нравам и верованиям эпохи, о которой он говорит.

ПОЛИДОРУС.

В одном из первых отрывков рассказывается о призраке умершего Полидора на побережье Фракии. Полидор, сын Приама, был убит царем этой страны, его хозяином, ради сокровищ, которые он привез с собой из Трои. Его пронзили дротиками, сделанными из древесины мирта. Тело бросили в яму и засыпали землей. Стебли мирта выросли и расцвели. После сожжения Трои Эней впервые попытался поселиться в этом месте. Недалеко от места, где он высадился, он обнаружил холм, густо поросший миртом. Он попытался собрать несколько штук, думая, что они послужат подходящей ширмой для алтаря, который он только что воздвиг. К своему изумлению и ужасу, он обнаружил, что ветки, которые он сорвал, капают кровью. Он пробовал экспериментировать снова и снова. В конце концов из кургана раздался голос: "Пощадите меня! Я - Полидор!" и предостерег его от бегства с окровавленного и коварного берега.

ДИДО.

Мы имеем более подробную историю о некромантии, когда Дидо, покинутая Энеем, решает на самоуничтожение. Чтобы ввести сестру в заблуждение относительно своей тайной цели, она посылает за жрицей из садов Гесперид, притворяясь, что ее цель - с помощью магических заклинаний вновь зажечь любовную страсть в груди Энея. Эта жрица наделена способностью с помощью мощных стихов освобождать угнетенную душу от забот и

с помощью тех же средств возбуждать в груди страсть, освобожденную от ее власти. Она может остановить стремительный поток и заставить звезды вернуться на свои орбиты. Она может вызвать призраки умерших. Она способна заставить твердую землю качаться, а лесные деревья - спуститься с гор. Чтобы привести в действие inferнальные чары, Дидона приказывает устроить погребальный костер во внутреннем дворе своего дворца и сложить на него руки Энея, оставшиеся от его наряда, и брачное ложе, на котором Дидона принимала его. Пир обвешивают гирляндами и украшают ветвями кипариса. Добавляется меч Энея и его изображение. Вокруг костра ставят алтари, а жрица с растрепанными волосами призывает страшными чарами триста своих богов, Эребуса, Хаос и трехликую Гекату. Она окропляет все вокруг водами Авернуса и добавляет туда травы, срезанные при свете луны медным серпом. Она приносит с собой нарост, который находится на лбу новорожденного жеребенка, размером с сушеный инжир, и который, если кобыла предварительно не съест его, мать никогда не допускает к питанию молоком своих детенышей. После этих приготовлений Дидо, в подоткнутой одежде и с одной обнаженной ногой, подходила к алтарям, разламывала над ними освященную лепешку и последовательно обнимала их. Затем костер поджигали, и, по мере того как различные предметы, положенные на него, постепенно сгорали, очарование становилось полным, и ожидалось, что за этим последует завершение церемонии. Дидо уверяет сестру, что прекрасно понимала незаконность своего поступка, и заявляет, что ничто, кроме непреодолимой необходимости, не могло заставить ее прибегнуть к этим недозволенным искусствам. В конце концов она закалывает себя и умирает.

РОМУЛ.

Ранняя история Рима, как и следовало ожидать, изобилует чудесами. Сам Ромул, основатель Рима, после благополучного многолетнего правления, наконец, чудом исчез. Царь собрал свою армию на общий смотр, как вдруг в самый разгар церемонии поднялась буря, сопровождаемая яркими молниями и огромными раскатами грома. Ромула окутало облако, а когда вскоре после этого небо стало ясным и безмятежным, короля уже не было видно, а трон, на котором он восседал, оказался пустым. Народ был несколько недоволен событием и, похоже, заподозрил неладное. Но на следующий день Юлий Прокул, высокопоставленный сенатор, явился в общее собрание и заверил, что с первой утренней зарей перед ним предстал Ромул и сообщил, что боги вознесли его в свои небесные обители, уполномочив при этом объявить своим гражданам, что их оружие будет всегда успешно бороться со всеми их врагами. [105]

НУМА.

Нума был вторым царем Рима: если Ромул стремился сделать свой народ воинами и непобедимыми в войне, то Нума, старик и философ, поставил своей целью цивилизовать его и глубоко проникнуть в его религиозные чувства. По-видимому, он считал, что для достижения этой цели лучше всего подойдут чудеса и убеждение в том, что они общаются с невидимым миром. В его время с неба упал щит, который он велел бережно хранить и посвятить богам; и он не придумал ни одного средства, которое могло бы быть столь эффективным для этой цели, как изготовление одиннадцати других щитов, точно таких же, как тот, что спустился чудом, чтобы, если с каким-то из них произойдет несчастный случай, римляне могли поверить, что тот, который был дан им божеством, все еще находится в их владении[106].

Нума дал своему народу гражданские законы и свод предписаний в вопросах религии; они также были скреплены божественной санкцией. Нума время от времени встречался в

пещере с богиней Эгерией, и она наставляла его в тех установлениях, которые он должен был дать римлянам; и этот варварский народ, потрясенный почтенной внешностью своего царя, святостью его манер, а еще больше божественной благосклонностью, которая была так знаменательно оказана ему, принял его мандаты с образцовым почтением и с тех пор беспрекословно подчинялся всему, что он предлагал. [107]

ТУЛЛ ХОСТИЛИЙ.

Тулл Гостилий, третий царь Рима, вновь восстановил политику Ромула. При нем Альба, родительское государство, была покорена и объединена со своей более процветающей колонией. Тем временем Тулл, который большую часть своего правления отличался военными успехами, в последний период стал жертвой суеверий. С неба посыпались камни, как рассказывает Ливий, в виде града. За этим чудачеством быстро последовала чума. [108] Тулл, потрясенный этими событиями, уделил все свое внимание религиозным обрядам. Среди прочего он нашел в священных книгах Нумы рассказ о некоем обряде, при правильном исполнении которого можно было вызвать явление бога по имени Юпитер Элиций. Но Тулл, который провел свои лучшие дни на обескровленном поле, оказался неспособным к этому новому начинанию. При исполнении магической церемонии он допустил некоторые оплошности, и по его приказу не только не появился бог, но, разбудив гнев небес, на дворец обрушилась молния, и царь, и место его обитания были уничтожены вместе. [109]

ACCIUS NAVIUS.

Во времена правления Тарквиния Приска, пятого царя Рима, произошло еще одно знаменитое чудо. Царь решил увеличить численность римской конницы. Ромул поднял первый корпус с помощью обычного обряда предсказания. В данном случае Тарквиний предложил обойтись без этой церемонии. Акции Навий, главный авгур, протестовал против этого нововведения. Тарквиний, презрев его вмешательство, обратился к Аксию со словами: "Подойди, авгур, посоветуйся со своими птицами и скажи мне, можно ли сделать то, что я сейчас задумал, или нельзя". Акий поступил в соответствии с правилами своего искусства и сказал королю, что это можно сделать. "Я думал о том, - ответил Тарквиний, - сможешь ли ты разрезать этот точильный камень на две части вот этой бритвой ". Акий тут же взял один инструмент и другой и на глазах у собравшегося народа совершил чудо. [110]

СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ.

Сервий Туллий, шестой царь Рима, был образцом бескорыстного и либерального политика и дал своим подданным те институты, которым, более чем какой-либо другой причине, они были обязаны своим последующим величием. Тарквиний подчинил своей власти почти весь народ Лациума, захватывая один город этой области за другим. В Корникуле, одном из этих мест, Сервий Туллий, будучи еще совсем молодым, попал в плен и впоследствии жил как раб в царском дворце. Однажды, когда он спал на глазах у многих, заметили, что его голова горит. Зрители, напуганные этим зрелищем, поспешили принести воды, чтобы погасить пламя. Королева запретила им усердствовать, посчитав это событие знамением богов. Вскоре мальчик проснулся по собственной воле, и пламя в тот же миг исчезло. Королева, впечатленная вундеркиндом, пришла к убеждению, что юноше уготована высокая судьба, и распорядилась обучить его всем необходимым знаниям. В свое время он был женат на дочери Тарквиния, и, по всеобщему мнению, ему суждено было занять трон, что и произошло впоследствии. [111]

В двести девяносто первом году в Риме, через сорок семь лет после изгнания Тарквиния, в городе разразилась страшная чума, унесшая обоих консулов, авгуров и огромное количество народа. Следующий год был отмечен многочисленными чудесами: на небе видели пожары, земля тряслась, появлялись призраки, слышались сверхъестественные голоса, бык заговорил, а на поля посыпались ошметки сырой плоти. Большинство из этих чудес не были сверхъестественными; говорящий бык, вероятно, был получен по сообщению одного слушателя, а весь ужас был преувеличен из-за опустошения предыдущего года. [112]

КОЛДУНЬЯ ВИРГИЛИЯ.

Вундеркинды в изобилии встречаются в более ранних частях римской истории; но мы не ставим перед собой цель вдаваться в хронологические подробности по этому вопросу. Да и в действительности те, что уже были приведены, за исключением Тулла Хостилия, не совсем вписываются в рамки настоящего тома. Римские поэты, Вергилий, Гораций, Овидий и Лукан, дают более полное, чем латинские прозаики, представление о том, как их соотечественники относились к заклинаниям и магии.

Восьмая эклога Вергилия, озаглавленная *Pharmaceutria*, особенно подходит для нашей цели в этом вопросе. Существует и идиллия Феокрита под тем же названием, но она носит более туманный характер, и чародейка не торжествует, как у Вергилия, в успехе своих искусств.

Колдунья вводится Вергилием, давая указания своей служанке, как правильно использовать ее чары. Ее цель - вернуть Дафнису, которого она называет своим мужем, его прежнюю любовь к ней. В то же время, по ее словам, она попытается с помощью магии отвлечь его от здравого смысла. Она велит своему слуге сжечь вербену и ладан, а торжественным песнопениям, которые, по ее словам, могут вызвать луну из ее сферы, заставить хладнокровную змею разорваться в поле, а также превратить спутников Улисса в зверей, она приписывает величайшую эффективность. Она приказывает трижды обвязать его изображение нитями трех цветов, а затем провести его вокруг приготовленного алтаря, при этом, завязывая узлы, служитель должен говорить: "Так я связываю нити Венеры". Один образ из глины и один из воска ставятся перед одним и тем же огнем; и как образ из глины твердеет, так твердеет сердце Дафниса к его новой госпоже; и как образ из воска смягчается, так сердце Дафниса становится нежным к колдунье. Она велит разбить над образом освященную лепешку и сжечь перед ним трескучие лавры, чтобы, как Дафнис мучил ее своей неверностью, так и он, в свою очередь, был возбужден к возвращению постоянства. Она молится о том, чтобы, подобно тому, как беспутная телка преследует бычка по лесам и полянам, пока, изнемогая от усталости, не ляжет на пушистый тростник у берега ручья, и ночная роса не сможет побудить ее уйти, так и Дафнис был вечно преследуем ею с неугасимой любовью. Она закапывает реликвии того, что принадлежало Дафнису, под своим порогом. Она сшибает ядовитые травы несокрушимой силы, собранные в Понтийском царстве, травы, которые позволяли тому, кто их давал, превращаться в голодного волка, бродящего по лесам, вызывать призраков из могилы и переносить созревший урожай с поля, где он рос, на чужие земли. Она приказывает своей служанке вынести перед лицом неба пепел этих трав и [Errata: *dele* and] бросить его через голову в бегущий ручей, при этом стараясь не оглядываться назад. После всех своих усилий колдунья начинает отчаиваться. Она говорит: "Дафнис не слушает моих заклинаний, не слушает богов". Она снова смотрит, видит, что пепел на алтаре испускает искры огня, слышит, как перед дверью лает ее верный домашний пес, и говорит: "Может ли это быть, или влюбленным снится то, чего они желают? Это не так! Настоящий Дафнис идет; я слышу его шаги; он покинул обманчивый город; он спешит в мои жаждущие объятия!"

КАНИДИЯ.

В произведениях Горация встречается страшная и отталкивающая, но любопытная деталь сцены заклинания. [Четыре колдуньи собрались вместе, главная из них - Канидия - должна исполнить, а три другие - помочь ей в изготовлении заклинания, с помощью которого некий юноша по имени Вар, к которому Канидия воспылала страстью, но который относится к колдунье с величайшим презрением, может стать послушным ее желаниям. Сначала появляется Канидия, локоны ее растрепанных волос обвиты ядовитыми и смертоносными змеями, она приказывает выкорчевать дикую смоковницу и погребальный кипарис из могил, на которых они росли, и сжечь их вместе с яйцом жабы, вымазанным кровью, оперением крикуна, различными травами, привезенными из Фессалии и Грузии, и костями, вырванными из пасти голодной собаки, в пламени, насыщенном духами из Колхиды. Из помощниц ведьм одна торопливыми шагами обходит здание, окропляя его на ходу каплями из Авернуса, ее волосы на голове жесткие и прямые, как перья морского ежа или щетина загнанного кабана; другая, которую все окрестные жители считают обладающей способностью вызывать звезды и луну с неба, оказывает ей помощь.

Но, что самое ужасное, последнюю из помощниц ведьмы видят вооруженной лопатой, и она с усердием и неустанным трудом разбрасывает землю, чтобы вырыть траншею, в которую должен быть погружен до подбородка безбородый юноша, лишенный пурпурной мантии, эмблемы его благородного происхождения, и обнаженный, Чтобы из его уже высохшего костного мозга и печени (когда, наконец, его глазные яблоки, долго смотревшие на все еще обновляющуюся пищу, которую удерживают от его голодных челюстей, уже не смогут различать) было сотворено любовное снадобье, от которого эти ведьмы обещают себе самые чудесные результаты.

Гораций представляет нам беспомощную жертву их злобы, уже заключенную в роковой ров, которая сначала с ужасом наблюдает за их оргиями, спрашивая, клянусь богами, правящими землей и всем родом смертных, что означает эта суматоха вокруг него? Затем он умоляет Канидию, ее детей, если у нее вообще есть потомство, видимые свидетельства его высокого положения и неизменную месть Юпитера за подобные проступки, сказать, почему она бросает на него взгляды, подобающие ярости мачехи или подходящие для зверя, уже доведенного до отчаяния ранами охотника.

В конце концов, уже не изнуряя себя бесплодными уговорами, жертва в своих муках прибегает к проклятиям в адрес своих палачей. Он говорит, что его призрак будет преследовать их вечно, ибо никакая месть не сможет искупить такую жестокость. Он будет рвать их щеки своими клыками, ибо эта сила дана низшим теням. Он будет сидеть, как ночной кошмар, на их груди, прогоняя сон с их глаз, а разъяренные жители будут преследовать их с камнями, а волки будут грызть и выть над их непогребенными членами. Несчастный юноша заканчивает все это замечанием, что его родители, которые переживут его, сами станут свидетелями этого возмездия за адские деяния колдуний.

Канидия, не обращая внимания на эти угрозы и порицания, жалуется на медленный прогресс своих чар. Она грызет пальцы от ярости. Она призывает ночь и луну, под лучами которых совершаются эти приготовления, сейчас, когда дикие звери спят в лесах, а собаки в одиночку стерегут суперантичного наводчика, который в своем успехе полагается только на богатые ароматы, которыми он надушен, чтобы ускорить ее заклинания и продемонстрировать их силу под крышей того, чьей любви она добивается. Она нетерпеливо спрашивает, почему ее снадобья должны быть менее действенными, чем снадобья Медеи, с помощью которых она отравила одежду, из-за которой Креуза, дочь коринфского царя,

умерла в невыносимых мучениях? Она обнаруживает, что Вар до сих пор не мог справиться с ее силой с помощью какого-то магического противоядия, и решает приготовить более могущественный амулет, перед которым не устоит ни земля, ни ад. "Скорее, - говорит она, - небо поглотит море, а земля покроет их обоих, чем ты, мой враг, не будешь охвачен пламенем любви, столь же тонким и упорным, как горящая смола".

Небезынтересно отметить действие антагонистических принципов суеверия и скептицизма среди римлян в этот просвещенный период, как это показано в сочинениях Горация на эту тему. В отрывке, содержание которого только что было приведено, все представлено во всей торжественности и ужасе, характерных для самых мрачных веков. Но несколькими страницами дальше поэт в насмешливой палинодии отчитывает колдунью, которая, по его словам, уже достаточно наказала его, превратив своими чарами его льняные волосы в иссиня-белые и изнуряя его днем и ночью непрерывными тревогами. Он чувствует, как его мучает ее могущественная магия, как Геркулес в ядовитой рубашке Несса или как будто он брошен в пламя Аэтны; и он не надеется, что она перестанет составлять против него тысячи смертельных ингредиентов, пока его прах не будет развеян неумолимыми ветрами. Поэтому он предлагает искупить свой проступок по ее желанию либо жертвоприношением ста быков, либо лживой одой, в которой ее целомудрие и безупречные манеры будут восхваляться до небес.

То, что дает Овидий, - лишь новая версия чар и фильтров Медеи.
Медеи. [114]

ЭРИХТО.

Лукан в своих "Фарсалиях" [115] пользуется случаем, чтобы непосредственно перед битвой, которая должна была решить судьбу римского мира, представить Секста, младшего сына Помпея, как нетерпеливого, желающего даже самым святотатственным способом узнать о важных событиях, которые немедленно надвигаются. Его подбадривают в этой попытке размышления о том, что земля, на которой они сейчас стоят, Фессалия, испокон веков пользовалась дурной славой как пагубное и нездоровое место колдовства и чародейства. Поэтому поэт использует этот случай, чтобы рассказать о различных способах, в которых, как считается, проявлялось это ненавистное искусство. И как бы он ни стремился использовать эту возможность для демонстрации богатства своего воображения, все это не перестает быть любопытным, как демонстрация системы магической силы в той мере, в какой это касается данного вопроса.

Почва Фессалии, говорит поэт, в высшей степени плодородна ядовитыми травами, а ее скалы исповедуют силу погребальной песни мага. Там произрастает растительность добродетели, чтобы заставить богов; и сама Колхида импортирует из Фессалии сокровища такого рода, которыми она не может похвастаться как своими собственными. Пение фессалийской ведьмы проникает в самые отдаленные места обитания богов и содержит такие мощные слова, что ни забота о небесах, ни вращающиеся сферы не могут служить божествам оправданием, чтобы ослабить их силу. Вавилон и Мемфис уступают превосходящему могуществу, а боги чужих стран летят исполнять грозные повеления мага.

Под влиянием фессалийской песни любовь проникает в самые жестокие сердца, и даже суровость возраста учит пылать юношеским огнем. Ни ингредиенты отравленной чаши, ни нарост на лбу новоиспеченного жеребенка не могут сравниться по эффективности с колдовским заклинанием. Душа плавится от одной его силы. Сердце, которое не смогли бы

зажечь ни все притягательные силы постели, ни влияние самой прекрасной формы, колдунья не заставит сойти со своего места.

Но, пожалуй, еще более чудесны те эффекты, которые производятся на неживую и неинтеллектуальную природу. Вечная череда мира приостанавливается; день задерживается на земле; небо больше не подчиняется своему владыке. Природа замирает под действием заклинания, и Юпитер, привыкший управлять машиной, с удивлением обнаруживает, что полюса не подчиняются его порыву. Теперь колдунья заливает равнины дождем, скрывает лицо неба мутными тучами, и раскаты грома, неожиданные громовержцем. Вскоре она встряхивает волосами, и тьма рассеивается, а весь горизонт очищается. В одно время море бушует, не ведомое никаким штормом, а в другое - гладкое, как стекло, наперекор буйному северу. Дыхание чародея несет кору в зубах ветра; стремительный поток приостанавливается, и реки возвращаются к своим истокам. Нил не разливается летом, извилистый Меандр формирует себе прямое русло, вялый Арар придает новую стремительность быстрой Роне, а горы склоняют головы к своим основаниям. Облака окутывают вершины безоблачного Олимпа, скифские снега растворяются, не освещенные солнцем. Море, хотя и побуждаемое буйными созвездиями, противостоит колдовству и больше не бьется о берег. Землетрясения сотрясают твердый шар, и испуганные жители видят сразу оба полушария. Животные, которых больше всего боятся за их ярость и чей гнев смертелен, становятся укрощенными; голодный тигр и властный лев лапаются к ногам колдуньи; змея распутывает все свои складки среди снега; гадюка, разделенная ранами, вновь соединяет свои отрубленные части; а одурманенный змей чахнет и умирает под властью дыхания, более смертельного, чем его собственное.

В чем же, восклицает поэт, природа этого принуждения богов, этой покорности песням и травам, этого страха послушаться и презреть чародея? Подчиняются ли они по необходимости или это добровольное подчинение? Благодетель ли этих ведьм служит наградой, или угрозами они добиваются своего? Все ли боги подвластны им, или есть один бог, над которым они властны, который, будучи сам вынужденным, принуждает стихии? Звезды падают с неба по их приказу. Серебряная луна поддается их уговорам и горит тлеющим пламенем, даже когда земля встает между ней и солнцем и своей тенью перехватывает его лучи; так луна опускается все ниже и ниже, пока не покрывает своей пеной травы, предназначенные для ее пагубного влияния.

Но Эрихто, ведьма поэта, отвергает все эти искусства, считая их слишком бедными и робкими для своих целей. Она никогда не позволяет накрыть свою ужасную голову крышей и не признает влияния богов-хоустхолдов. Она обитает в заброшенном склепе, селится в могиле, из которой ранее был изгнан призрак умершего. Ей известны стигийские обитатели и советы инферналов. Лицо ее худощаво, а цвет лица покрыт смертельной бледностью. Ее волосы запущены и спутаны. Но когда тучи и бури заслоняют звезды, она выходит вперед и бросает вызов полуночным молниям. Где бы она ни ступала, плоды земли увядают, а полезный воздух отравляется ее дыханием. Она не возносит молитв и не обращается с мольбами, не прибегает к гаданиям. Она с удовольствием оскверняет священный алтарь погребальным пламенем и загрязняет благовония факелом с костра. Боги сразу же подчиняются ее голосу и не осмеливаются провоцировать ее на повторный призыв. Она заключает живого человека в пределы могилы, подвергает внезапной смерти тех, кому суждено было прожить долгую жизнь, и возвращает к жизни трупы умерших. Она выхватывает дымящуюся золу и кости, побелевшие от пламени, из кучи и вырывает факел из рук скорбящих родителей. Она выхватывает фрагменты горящего савана и угли, еще влажные от крови. Но там, где печальные останки уже высечены в мраморе, она с большим

удовольствием осуществляет свою святотатственную власть. Она отрывает конечности мертвых и выкапывает им глаза. Она грызет их пальцы. Она разрывает зубами веревку на виселице и срывает убийцу с креста, на котором он висел. Она использует в своих целях кишки, засохшие от ветра, и костный мозг, высушенный солнцем. Она уносит гвозди, пронзившие руки и ноги преступника, сгустки крови, вытекшие из его ран, и сухожилия, державшие его в подвешенном состоянии. Она набрасывается на тело убитого на поле боя, предвосхищая стервятника и хищного зверя; но она не разделяет конечности ножом и не разрывает их руками: она следит за приближением волка, чтобы вырвать куски из его голодных челюстей. Ее не останавливает и мысль об убийстве, если ее обряды требуют живой крови, которая сначала хлынет из разорванного горла. Она вытаскивает плод из беременной матери через проход, который открыло насилие. Там, где есть повод для более смелого и безжалостного призрака, она собственной рукой отстраняет его от жизни; человек в любой период существования предоставляет ей материал. Она срывает первый пух со щеки мальчишки, а левой рукой срезает любимый локон с головы юноши. Часто она с кажущейся благочестивой заботой наблюдает за предсмертными часами своего родственника и пользуется случаем, чтобы покусать его губы, сжать дыхательное горло и прошептать в его истекающий орган какое-нибудь послание к адским теням.

Секст, руководствуясь всеобщей славой этой женщины, искал ее в ее убежищах. Он выбрал время - глубокую ночь, когда солнце находится на самом низком расстоянии от верхнего неба. Он проложил свой путь через пустынные поля. Он взял себе в спутники сообщников, привычных служителей своих преступлений. Блуждая среди разбитых могил и осыпающихся усыпальниц, они обнаружили ее, возвышающуюся на обрывистой скале, где гора Хаэмус тянется корнями к Фарсальскому полю. Она бормотала заклинания волхвов и волшебных богов. Ибо боялась, что война может перенестись не только на эматские поля. Поэтому колдунья занялась тем, что зачаровывала землю Филипп и разбрасывала по ее поверхности сок целебных трав, чтобы она была завалена трупами мертвецов и пропитана их кровью, чтобы Македон, а не Италия, получил тела ушедших царей и кости знатных и был обильно заселен тенями людей. Она решала, в какую землю положить распростертого Помпея или конечности могущественного Цезаря.

Секст приблизился и обратился к ней с такими словами: "О, слава Гемонии, обладающей властью разглашать судьбы людей или способной отклонить саму судьбу от предписанного ей хода, молю тебя использовать свой дар для раскрытия грядущих событий. Я не самый заурядный представитель римского рода, отпрыск прославленного вождя, повелитель мира в одном случае, а в другом - сужденный наследник бедствий моего отца. Я стою на огромной и головокружительной высоте: вырви меня из этой позы сомнения; не дай мне слепо броситься вперед и слепо упасть; вырви эту тайну у богов или заставь мертвых признаться в том, что они знают".

На что фессалийская царица ответила: "Если бы ты попросил изменить судьбу отдельного человека, пусть даже вернуть дряхлеющему от старости старику бодрую молодость, я могла бы это сделать; но разорвать вечную цепь причин и следствий - это выше наших сил. Однако вы ищете лишь предвидения грядущих событий, и вы будете удовлетворены. А пока лучше всего, где бойня предоставила столь обширное поле для деятельности, выбрать тело того, кто недавно умер и чьи гибкие органы еще способны к речи, а не с чертами лица, уже закаленными солнцем."

Сказав так, Эрихто отправилась (предварительно своим искусством сделав ночь еще более темной и вогнав голову в грозовое облако), чтобы исследовать поле и осмотреть одно за другим тела непогребенных мертвецов. По мере ее приближения волки бежали перед ней,

хищные птицы, нехотя убирая когти, отказывались от трапезы, а фессалийская ведьма, вглядываясь в жизненно важные части лежащего перед ней тела, в конце концов остановилась на том, чьи легкие были не повреждены, а органы речи не пострадали. Судьба многих из них оставалась под вопросом, пока она не сделала свой выбор. Если бы ее волей было возрождение целых армий, армии встали бы, повинаясь ее приказу. Она просунула крюк под челюсть избранного и, закрепив его на веревке, потащила по скалам и камням, пока не достигла пещеры, нависающей над выступающим хребтом. Там находилась мрачная расщелина в земле, глубиной почти до Преисподней Богов, где тисовое дерево раскинуло густые горизонтальные ветви, постоянно закрывая свет солнца. Здесь царила страшная и увядающая тень, а шумная слизь лелеяла долгую ночь. Воздух был тяжелым и зыбким, как на Таенарском мысе, и здесь бог ада разрешил своим призракам продлить свои скитания. Неизвестно, призвала ли колдунья сюда мертвецов или сама спустилась в обитель Плутона. Она облачилась в страшное и пестрое одеяние, закрыла лицо всклокоченными волосами и опоясала лоб венком из гадюк.

Между тем она заметила, что Секст боится, опустив глаза к земле, а его спутники дрожат, и упрекнула их. "Отбросьте, - сказала она, - ваши напрасные страхи! Вы увидите лишь живую и человеческую фигуру, к словам которой вы можете прислушаться с полной уверенностью. Если это вас тревожит, то что бы вы сказали, если бы увидели стигийские озера и берега, пылающие серой, если бы перед вами стояли фурии, Цербер с гривой гадюк и гиганты, закованные в вечный адамант? Но все это ты мог бы увидеть невредимым, ибо все они содрогнулись бы от ужаса перед моим челом".

Она заговорила и принялась за мертвое тело. Она зашила его раны и влила свежую кровь в его жилы; она освободила его шрамы от сгустков крови и пропитала их пеной луны. Она смешивает все, что природа породила в своих самых страшных капризах: пену из пасти бешеной собаки, внутренности рыси, хребет гиены, костный мозг оленя, питавшегося змеями, сухожилия реморы, и глаза дракона, яйца орла, аравийский летающий змей, гадюка, охраняющая жемчужину в Красном море, слизь змеи с капюшоном и пепел, который остается после того, как феникс будет съеден. К ним она добавляет все яды, которые имеют название, листья трав, над которыми она воспевала свои чары и на которые она выливали свой ревм, пока они росли.

Наконец она произносит свои заклинания стигийским богам голосом, состоящим из одних диссонансов и совершенно чуждым человеческим органам. Он напоминает одновременно лай собаки и вой волка, состоит из улюлюканья крикуна, вопля хищного дикого зверя и страшного шипения змеи. В нем есть и рев бурных волн, и гул ветра среди ветвей леса, и грохот оглушительного грома.

"Вы, фурии, - кричит она, - и ужасный Стикс, вы, страдальцы проклятые, и Хаос, вечно стремящийся разрушить справедливую гармонию миров, и ты, Плутон, обреченный на вечное неблагоприятное существование, и Ад, и Элизиум, в котором не будет участвовать ни одна фессалийская ведьма, и Прозерпина, навеки оторванная от матери, дарующей здоровье, и ужасная Геката, Церебрус [Errata: Цербер], терзаемый непрекращающимся голодом, вы, Судьбы, и Харон, бесконечно ропщущий на возложенную на него задачу возвращения мертвых на землю живых, слушайте меня!-Если я взываю к вам голосом достаточно нечестивым и отвратительным, если я никогда не пел эту песнь, не насыщаясь человеческой кровью, если я часто возлагал на ваши алтари плод беременной матери, омывая его содержимое истекающим мозгом, если я клал на блюдо перед вами голову и внутренности младенца, готового появиться на свет...

"Я прошу у вас не призрака, уже обитателя тартарейских обителей и давно знакомого с нижними тенями, а того, кто недавно покинул дневной свет и еще витает над пастью ада: пусть он услышит эти заклинания и сразу после этого спустится в предназначенное ему место! Пусть он изречет подходящие предзнаменования сыну своего полководца, который сам так давно был солдатом великого Помпея! Сделай это, поскольку ты любишь сам шум и слухи о гражданской войне!"

Сказав это, призрак мертвеца встал перед ней, дрожа от вида своих единокровных конечностей и не желая снова вступать в пределы своей привычной тюрьмы. Он боится прижаться к изрытой груди и волокнам, с которыми его разлучила смерть. Несчастный, кому смерть не дала права умереть! Эрихто, нетерпеливая от неожиданной задержки, бьет неподвижный труп одной из своих змей. Она вновь призывает силы ада и грозит произнести страшное имя, которое невозможно произнести без последствий, о которых нельзя даже подумать, и без жесточайшей необходимости, на которую нельзя решиться.

В конце концов застывшая кровь становится жидкой и теплой; она сочится из ран и неуклонно ползет по венам и членам; волокна под желеобразной грудью приходят в движение, и нервы вновь обретают инстинкт жизни. Жизнь и смерть одновременно. Артерии бьются, мышцы напрягаются, тело поднимается, но не постепенно, а в едином порыве, и стоит прямо. Веки размыкаются. Лицо не живого, а мертвого человека. Бледность лица, жесткость линий остаются; он смотрит вокруг бессмысленным взглядом, но не произносит ни звука. Он ждет, что скажет могущественная чародейка.

"Говори!" - сказала она, - "и велика будет твоя награда. Ты больше не будешь подвластен искусству мага. Я заключу твои члены в такой гроб; я сожгу твою форму на таком дереве и наложу такие чары на твой погребальный костер, что все заклинания впредь будут тщетны. Да будет достаточно того, что тебя однажды вернули к жизни! Треножки и голоса оракулов дают двусмысленные ответы; но голос мертвых ясен и несомненен для того, кто принимает его с непоколебимым духом. Не жалейте! Дайте имена вещам; дайте местам четкое обозначение; говорите полным и внятным голосом".

Сказав это, она добавила еще одно заклинание, способное дать тому, кто должен отвечать, четкое знание того, относительно чего с ним собираются советоваться. Соответственно, он дает требуемые от него ответы и, получив их, убедительно требует, чтобы ведьма удалилась. Для того чтобы труп вновь обрел единство, а дух больше никогда не мог быть вызван в мир иной, необходимы травы и магические обряды. Колдунья сооружает погребальную кучу, мертвец укладывается на нее, Эрихто зажигает факел, и чары навсегда прекращаются.

Лукан в этом отрывке бесконечно слишком точен и исчерпывает свою музу во многих деталях, где ему лучше было бы быть более лаконичным и избирательным. Он демонстрирует плодovitость молодого поэта, который еще не познал многократных преимуществ сжатия. Он не усвоил принцип: *"Relinquere quae desperat tractata nitescere posse"*. [116] Но поскольку это самое полное перечисление форм колдовства, встречающееся у античных писателей, представляется уместным предоставить его читателю целиком.

СЕРТОРИЙ.

История Сертория и его оленя, произошедшая примерно за тридцать лет до этого, не может быть неуместно представлена здесь. Она рассказана Плутархом в духе философа и как простой обман, разыгранный этим полководцем, чтобы сделать варварский народ Испании более преданным его службе. Но мы должны предположить, что, по крайней мере на тот момент, он имел полный эффект чего-то сверхъестественного. Серторий был одним из самых

одаренных и уравновешенных персонажей, которых можно встретить в римской истории. Он с величайшей проницательностью оценивал характер людей, среди которых ему предстояло действовать, и вел себя соответствующим образом. Плутарх рассказывает следующую историю.

"Как только Серторий прибыл из Африки, он сразу же набрал военных людей и вместе с ними покорил жителей Испании, стоящих на его пути, из которых большая часть охотно подчинилась, по слухам, которые дошли до него, что он милостив и обходителен, а также доблестный человек, к тому же в настоящей опасности; кроме того, у него не было недостатка в прекрасных приемах и хитростях, чтобы завоевать их расположение: как, например, политика и ловкость оленя. Жил один бедняк из графства по имени Спанус, который, встретив однажды на своем пути недавно отелившуюся олениху, убегающую от охотников, отпустил ее, не сумев взять; и, побежав за оленихой, настиг ее, а это была молодая олениха, причем странного цвета, так как она была вся молочно-белая. Случилось так, что Серторий в это время находился в тех краях. Так вот, этот бедняк подарил Серторию свою молодую овечку, которую тот с радостью принял и со временем так приручил, что она приходила к нему, когда он ее звал, и следовала за ним, куда бы он ни пошел, не будучи ни более дикой от ежедневного вида такого количества вооруженных соулдеров вместе, чем они, и не боясь шума и суматохи, царивших в лагере. Серторий же мало-помалу превратил это в чудо, заставив простой варварский народ поверить, что это дар, который послала ему Диана и которым она дала ему понять о многих и многих грядущих событиях: зная достаточно хорошо о себе, что варварский народ - люди легко обманываемые и быстро попадающиеся на любое тонкое суеверие, он, кроме того, искусством заставил их поверить в это как в истинную правду. Ибо когда он получал тайные сведения о том, что враги собираются захватить какую-то часть подвластных ему стран или гор, или что они отняли у него какую-то крепость каким-то умыслом или внезапной попыткой, он прямо говорил им, что его задница говорила ему, когда он спал, и предупреждала его, чтобы он собрал своих людей и придал себе силы. Подобным образом, если он получал известие о том, что кто-то из его лейтенантов выиграл сражение, или о том, что он одержал победу над врагами, он прятал гонца и выводил свою шкуру за границу с гирляндой и ошейником из носовых сеней, а затем говорил, что это знак того, что к нему придут хорошие новости, убеждая их во всем быть веселыми; и так он приносил жертву богам, чтобы поблагодарить их за хорошие вести, которые он должен услышать прежде, чем это будет долго. Таким образом, вбив им в головы это суеверие, он сделал их более сговорчивыми и послушными своей воле, так как они считали, что теперь ими не управляет чужак, более мудрый, чем они сами, но были твердо убеждены, что их скорее ведет некий Бог".

"Серторий был очень обеспокоен тем, что никто не мог сказать ему, что стало с его белым козлом: ведь таким образом у него отняли всю его тонкость и изворотливость, чтобы держать варварский народ в повиновении, и именно тогда, когда они больше всего нуждались в утешении. Но по счастливой случайности некоторые из его соулдеров, заблудившихся ночью, встретили на своем пути олененка и, узнав его по цвету, взяли его и снова привели к себе. Серторий, узнав о ней, пообещал им хорошую награду, чтобы они никому не рассказали, что принесли ее снова, и после этого велел хранить ее в тайне. Через несколько дней после этого он появился среди них и с приятным лицом рассказал знатым людям и главным капитанам этих варварских народов о том, как боги открыли ему в его мраке, что вскоре с ним случится чудесное доброе дело, и с этими словами сел в свой кресло, чтобы дать аудиенцию. Тогда те, кто держал оленя неподалеку от этого места, тайно отпустили ее. Овца, освободившись, увидев Сертория, с великой радостью побежала прямо к его креслу, положила голову между его ногами и приложила рот к его правой руке, как она делала

прежде. Серторий тоже очень обрадовался ей и, как нарочно, проявил к ней такую нежность, что, казалось, вода стояла у него в глазах от радости. Варварский народ, стоявший в стороне и наблюдавший за этим, сначала был сильно изумлен, но потом, когда одумался, для иоя они хлопнули в ладоши и проводили Сертория до его жилища с великими и радостными криками, говоря и твердо веря, что он - небесное создание и почитаем богами". [117]

ИЗГНАНИЕ БЕСОВ.

Мы переходим к эпохе христианской религии, и в книгах Нового Завета неоднократно упоминается колдовство.

Одно из самых частых чудес, записанных от Иисуса Христа, называется "изгнанием бесов". Фарисеи в Евангелисте, чтобы обесценить это свидетельство Его Божественной миссии, говорят: "Этот человек изгоняет бесов не сам, а через Вельзевула, князя бесовского". Иисус, среди прочих замечаний в опровержение этого поношения, возражает им: "Если Я веельзевулом изгоняю бесов, то кем изгоняют их дети ваши?" [118] Здесь мы имеем явное обвинение в колдовстве из уст самого Христа, в то время как он, похоже, признает, что его противники производили сверхъестественные достижения, подобные его собственным.

СИМОН МАГУС.

Но самым примечательным отрывком в Новом Завете, посвященным колдовству, является тот, в котором описываются действия Симона Мага следующим образом.

"Тогда Филипп пошел в город Самарию и проповедовал им Христа. Там же был некто, именем Симон, который прежде в том же городе употреблял чародейство и околдовывал жителей Самарии, выдавая себя за некоего великого. Ему внимали все, от меньшего до большего, говоря: этот человек есть великая сила Божия. А к нему они относились с опаской, потому что он долгое время околдовывал их чародейством. Но, когда поверили Филиппу, проповедующему о Царствии Божиим и имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины. Уверовал и сам Симон. И, крестившись, остался с Филиппом и удивлялся, видя совершающиеся чудеса и знамения.

"Апостолы же, бывшие в Иерусалиме, услышав, что Самария приняла слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна. Которые, сойдя, молились о них, чтобы они приняли Святого Духа. Ибо до сих пор он не сошел ни на кого из них; только они крестились во имя Господа Иисуса. Тогда возложили они на них руки свои, и они приняли Духа Святого.

"Симон же, видя, что через возложение рук Апостолов дается Святой Дух, предложил им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы всякий, на кого я возложу руки, получал Святого Духа. Но Петр сказал ему: деньги твои погибли с тобою, потому что ты думал, что дар Божий можно купить за деньги. Ты не имеешь ни части, ни жребия в этом деле, ибо сердце твое не право в очах Божиих. Итак, покайся в этом нечестии твоём и моли Бога, чтобы прощено было тебе помышление сердца твоего, ибо я вижу, что ты в галле горьком и в узах беззакония. Тогда отвечал Симон и сказал: молитесь за меня Господу, чтобы не пришло на меня ничего из того, что вы говорили". [119]

Этот отрывок Нового Завета оставляет нас в значительной неопределенности относительно природы колдовства, которым "долгое время Симон околдовывал жителей Самарии". Но отцы церкви, Клеменс Роман и Анастасий Синаит, подробно описали чудеса, которые он совершал на самом деле. Когда и кому было угодно, он делал себя невидимым; создавал человека из воздуха; проходил через скалы и горы, не встречая препятствий; бросался с обрыва без вреда для здоровья; летал по воздуху; бросался в огонь, не обжигаясь. Болты и

цепи были бессильны задержать его. Он оживлял статуи, так что они казались любому зрителю мужчинами и женщинами; он заставлял всю мебель в доме и на столе меняться местами по желанию, без видимого движения; он превращал свой лик и лицо в лицо другого человека; он мог превратить себя в овцу, или козу, или змею; Он ходил по улицам в сопровождении множества странных фигур, которые, как он утверждал, были душами усопших; он заставлял деревья и ветви деревьев внезапно вырастать там, где ему было угодно; он ставил и свергал королей по своему желанию; он заставлял серп вонзаться в кукурузное поле, которое без посторонней помощи скашивалось вдвое быстрее, чем самая трудолюбивая жница. [120]

Наделенный таким образом, трудно представить, что он думал получить, купив у апостолов их дар творить чудеса. Но Клеменс Роман сообщает нам, что он жаловался на то, что в своих колдовствах ему приходилось прибегать к утомительным церемониям и заклинаниям, в то время как апостолы, казалось, совершали свои чудеса без труда и усилий, едва произнеся одно слово. [121]

ЭЛИМАС, КОЛДУН.

Но Симон Магус - не единственный маг, о котором говорится в Новом Завете. Когда апостол Павел прибыл в Пафос на острове Кипр, римский правитель разделился в своем предпочтении между Павлом и колдуном Елимой, который перед правителем противостоял Павлу в лицо. Тогда Павел, движимый негодованием, сказал: "О, полный всякой хитрости и коварства, дитя дьявола, враг всякой праведности, не перестанешь ли ты извращать правые пути Господни? И вот, рука Господа на тебе, и ты ослепнешь, не видя солнца на время". Какие чудеса совершил Элима, чтобы обмануть римского правителя, нам не известно, но "тотчас же на него опустился туман и мрак, и он ходил, ища кого-нибудь, кто бы повел его за руку". [122]

В другом случае мы видим неких бродячих иудеев, экзорцистов, которые притворялись, что изгоняют бесов из одержимых. Но они пришли к апостолу и "исповедались и показали свои дела. Многие же из них, употреблявшие диковинные искусства, собрали книги свои и сожгли их пред всеми. И подсчитали цену их, и нашли ее в пятьдесят тысяч сребреников". [123]

Однако легко понять, на чьей стороне была победа. Апостолы, благодаря своей преданности и честности, одержали победу; в то время как те, чьим единственным мотивом был эгоизм, аплодисменты вульгарных или восхищение поверхностных людей, получили почести на один день, а затем были сметены в пропасть всеобщего забвения.

НЕРО.

Говорят, что к искусству мага Нерон прибегнул по случаю убийства своей матери Агриппины. Его периодически посещали приступы глубочайших угрызений совести при воспоминании о совершенном им преступлении. Несмотря на все показательные аплодисменты и поздравления, которые он получал от сената, армии и народа, он жаловался, что его постоянно преследует призрак матери, а фурии гонятся за ним с горящими факелами и плетями. Поэтому он приставил к себе магов, которые с помощью своих искусств вызывали тень Агриппины и пытались добиться ее прощения за преступление, совершенное ее сыном. [124] Нам не сообщают об успехе их заклинаний.

ВЕСПАСИАН.

В царствование Веспасиана мы встречаемся с замечательным свидетельством сверхъестественной силы, хотя оно и не подпадает под категорию магии. Об этом

рассказывают и Тацит, и Суетоний. Когда Веспасиан на несколько месяцев поселился в Александрии, к нему пришел слепой человек из простого народа, убедительно прося императора оказать помощь в излечении его недуга, утверждая, что обратиться к нему его побудило наставление бога Сераписа, и умоляя принца помазать его щеки и шарики глаз царской слюной. Веспасиан сначала отнесся к просьбе с пренебрежением; но в конце концов, движимый горячностью просителя, подкрепленной лестью его придворных, император решил, что все уступит его благополучной судьбе, и уступил желанию бедняка. С уверенной походкой, при полном ожидании толпы стоявших рядом, он сделал то, о чем его просили, и желанный успех немедленно последовал. В это же время явился другой проситель, лишившийся рук, и попросил Веспасиана прикоснуться ногой к больным членам; и он также был исцелен[125].

Хьюм заметил, что многие обстоятельства способствуют достоверности этого чуда, "если, - как он говорит, - любое доказательство могло бы помочь установить столь явную неправду". Серьезность, солидность, возраст и честность столь великого императора, который на протяжении всей своей жизни общался в привычной манере со своими друзьями и придворными и никогда не напускал на себя божественности: историк, современный писатель, отмеченный за прямооту и правдивость, и, возможно, величайший и наиболее проницательный гений всей античности: и, наконец, люди, от которых он передал это чудо, которые, как мы можем предположить, обладали признанным характером, отличались рассудительностью и честью; свидетели этого факта, подтвердившие свои показания, как говорит далее Тацит, после того, как семья Флавиев перестала быть у власти и больше не могла давать никаких наград за ложь." [126]

АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ.

Аполлоний Тианский в Малой Азии родился почти в то же время, что и Иисус Христос, и приобрел большую известность еще при жизни и в течение значительного времени после нее. Он родился от богатых родителей и, похоже, рано проявил страсть к философии. Его отец, заметив это, отдал его в четырнадцать лет к Евтидему, ритору из Тарса; но юноша быстро стал недоволен праздностью и роскошью горожан и удалился в Эгас, соседний город, где находился храм Эскулапия и где, как предполагалось, бог иногда появлялся лично. Здесь он стал приверженцем секты Пифагора. Он воздерживался от животной пищи и питался исключительно фруктами и травами. Он ходил босиком и не носил одежды из шкур животных. [127] Он также наложил на себя пятилетнее молчание послушника. После смерти отца он разделил свое имущество поровну со своим братом; а когда тот расточил свое имущество из-за расточительности, он снова разделил с ним поровну то, что осталось. [В поисках знаний он побывал в Вавилоне и Сузах, а также у индийских брахманов, и, похоже, особенно увлекся изучением магии. [129] У него было красивое лицо и властная фигура, и благодаря им, в сочетании с большими знаниями, скомпонованной и яркой осанкой, а также природным красноречием, он, похоже, завоевал всеобщую популярность везде, где бы он ни побывал. Говорят, что он исповедовал понимание всех языков, не изучая их, читал мысли людей и мог толковать язык животных. Сила творить чудеса сопровождала его во всех местах. [130]

Однажды он возвестил жителям Эфеса о приближении страшной моровой язвы, но горожане не обратили внимания на его пророчество. Однако, когда беда настигла их, они послали к Аполлонию, который в то время находился в Смирне, чтобы попросить его о помощи. Тот послушался. Собрав жителей, он увидел среди них бедного, старого и дряхлого нищего,

одетого в лохмотья, с отвратительным лицом и необычайно страшным и грозным выражением в глазах. Аполлоний воззвал к эфесцам: "Это враг богов; обратите на него всю вашу вражду и побейте его камнями до смерти!" Старик самым жалобным тоном просил их о пощаде. Горожане были потрясены бесчеловечностью пророка. Однако некоторые, наиболее легкомысленные, бросили несколько камней без всякой цели. Старик, до этого стоявший скрючившись и с полузакрытыми глазами, теперь поднял свою фигуру и окинул толпу взглядом, страшным и поистине дьявольским. Эфесяне сразу же поняли, что это гений чумы. Они без жалости осыпали его камнями, чтобы не только покрыть его, но и создать значительный курган на том месте, где он стоял. Через некоторое время Аполлоний велел убрать камни, чтобы узнать, что за врага они уничтожили. Вместо человека они увидели огромную черную собаку, размером со льва, пасть и челюсти которой были покрыты густой ядовитой пеной. [131]

Еще одно чудо Аполлоний совершил в пользу юноши по имени Менипп из Коринфа, пяти и двадцати лет от роду, к которому пророк питал необычайную благосклонность. Этот человек вообразил себя возлюбленным богатой и красивой женщины, которая ухаживала за ним и была готова заключить с ним брак. Аполлоний загадочным образом предостерег своего юного друга от этого брака, сказав ему, что тот вынашивает змею в своем лоне. Однако это не остановило Мениппа. Все было готово, и свадебный стол накрыт. Тем временем среди них появился Аполлоний и предотвратил беду. Он сказал юноше, что стоящие перед ним блюда, вино, которое он пьет, золотые и серебряные сосуды, которые появляются вокруг него, и сами гости - нереальны и иллюзорны, и в доказательство своих слов заставил их тут же исчезнуть. Одна только невеста была несговорчива. Она молила философа не мучить ее и не заставлять признаться в том, кем она была. Однако он был неумолим. В конце концов она призналась, что является эмпузой (своего рода вампиром) и что она решила лелеять и холить Мениппа, чтобы в конце концов съесть его плоть и напиться его крови. [132]

Одно из чудес Аполлония заключалось в воскрешении мертвых. Молодую женщину с прекрасными чертами лица положили на одр и понесли в гробницу. За ней следовала толпа друзей, плачущих и причитающих, и среди них - молодой человек, за которого она собиралась выйти замуж. Аполлоний встретил процессию и приказал тем, кто ее нес, опустить груз. Он увещевал предполагаемого жениха утирать слезы. Он спросил имя усопшей и, приветствуя ее, взял ее за руку и прошептал над ней некие мистические слова. При этих словах дева поднялась на ноги и вскоре вернулась домой, целая и невредимая, в дом своего отца. [133]

Под конец жизни Аполлония обвинили перед Домицианом в сговоре с Нервой, чтобы положить конец правлению тирана. Он доказал, что находился в другом месте и поэтому не мог участвовать в заговоре, в котором его обвиняли. Домициан публично снял с него обвинения, но в то же время потребовал, чтобы он не покидал Рим, пока император не посоветуется с ним наедине. На это требование Аполлоний ответил в самых пылких выражениях. "Я благодарю ваше величество, - сказал он, - за справедливость, которую вы мне оказали. Но я не могу подчиниться тому, что вы требуете. Как я могу обезопасить себя от ложных обвинений беспринципных доносчиков, которыми кишит ваш двор? Именно благодаря им целые города вашей империи остаются безлюдными, провинции погружены в траур и слезы, ваши армии охвачены мятежом, ваш сенат полон подозрений и тревог, а острова переполнены изгнанниками. Не за себя я говорю, душа моя неуязвима для твоей вражды, и не дано тебе богами стать хозяином моего тела". И, высказав таким образом добродетельные муки своего духа, он внезапно стал невидимым посреди полного собрания, и сразу после этого его увидели в Путеолах, в окрестностях Везувия. [134]

Домициан больше не преследовал пророка, и тот вскоре отправился в Грецию, в Ионию и, наконец, в Эфес. Повсюду он читал лекции, на которые собирались толпы самых знатных слушателей, и пользовался огромной популярностью. Однажды в Эфесе, когда он произносил красноречивую речь, он внезапно замолчал. Казалось, он видит зрелище, которое поглотило все его внимание. Его лицо выражало пыл и самую решительную цель. Он воскликнул: "Бейте тирана, бейте его!", а затем, поднявшись и обращаясь к собранию, сказал: "Домициана больше нет, мир избавлен от своего злейшего угнетателя". Следующая почта принесла известие, что император был убит в Риме, точно в тот день и час, когда Аполлоний сообщил об этом событии в Эфесе. [135]

Нерву сменил Домициан, между которым и Аполлонием существовала самая искренняя дружба. Однако пророк недолго пережил это событие. Ему было уже почти сто лет. Но что самое удивительное, никто не мог точно сказать, когда и где он умер. Ни одна гробница не хранила память о нем, и его биограф склоняется к мнению, что он был вознесен на небо. [136]

Божественные почести воздавались этому философу как при жизни, так и после смерти. Жители Тианы построили ему храм, а его изображение находилось во многих других храмах. [Император Адриан собрал его письма и относился к ним как к бесценной реликвии. Александр Север поместил его статую в своей оратории, вместе со статуями Иисуса Христа, Авраама и Орфея, перед которыми он привык ежедневно совершать религиозные обряды. [138] Вописк в своей "Жизни Аврелиана" [139] рассказывает, что этот император решил разрушить город Тиану, но ему явился Аполлоний, которого он знал по его статуям, и сказал: "Аврелиан, если ты хочешь завоевать, не думай об уничтожении моих граждан: Аврелиан, если ты хочешь царствовать, воздержись от крови невинных: Аврелиан, если ты хочешь завоевать, отличись милосердием". Именно по желанию Юлии, матери Севера, Филострат написал житие Аполлония, которому он теперь в основном обязан своей славой. [140]

Известность Аполлония и его чудес значительно возросла благодаря тому, что ранние враги христианской религии начали сравнивать чудеса Христа и этого знаменитого философа с очевидной целью подорвать одно из самых весомых доказательств истинности божественного откровения. Вероятно, именно с косвенной целью императрица Юлия побудила Филострата написать жизнь этого философа, а Иерокл, писатель времен Диоклесиана, похоже, написал трактат в виде параллели между ними, пытаясь доказать решительное превосходство чудес Аполлония.

АПУЛЕЙ.

Апулей из Мадауры в Африке, живший во времена Антонинов, кажется, был более примечателен как автор, чем что-либо, что встречается в истории его жизни. Святой Августин и Лактанций, однако, объединили его с Аполлонием Тианским, как одного из тех, кто за свои притворные чудеса был введен в соперничество с автором христианской религии. Но это, по-видимому, возникло из-за их заблуждения относительно его главного произведения, "Золотого осла", который представляет собой роман, описывающий некоторые чудесные превращения, и который, как они думают, был задуман как реальная история жизни автора.

Однако это произведение заслуживает того, чтобы быть упомянутым в этом месте, поскольку оно дает любопытное представление об идеях, которые в то время были распространены на темы магии и колдовства. В ходе своего повествования автор рассказывает: "Когда рассвело, я случайно проснулся, и мне захотелось узнать и увидеть некоторые чудесные и странные вещи, помня, что я сейчас нахожусь в середине Фессалии, где, по общему мнению, колдовство и чары наиболее часты. Я осмотрел место, в котором находился; и не было ни

одной вещи, которую бы я видел, и которую бы я считал тем же, чем она казалась. Так, камни на улице я считал людьми, заколдованными и превращенными в эти фигуры, а птицы, щебетание которых я слышал, деревья без стен и текущие воды превращались из человеческих существ в те облики, которые они носили. Я убеждал себя, что статуи и здания могут двигаться, что волы и другие животные могут говорить и рассказывать странные вести, и что я должен видеть и слышать оракулы с небес, передаваемые лучами солнца".

АЛЕКСАНДР ПАФЛАГОНСКИЙ.

В одно время с Апулеем жил Александр Пафлагонец, о котором Лукиан передает столь необычный рассказ. Он был уроженцем безвестного городка, называвшегося Абонотикой, но обладал всей той изобретательностью и хитростью, которая позволяет людям наиболее эффективно навязываться своим собратьям. Он был высокого роста, с внушительным лицом, светлым цветом кожи, глазами, которые сверкали благоговейным огнем, как если бы их осведомляло какое-то божество, и голосом, до последней степени мощным и мелодичным. К этому он добавил изящество осанки и наряда. Не обладая ни одним из благ судьбы, он размышлял о том, как обратить эти преимущества в наибольшую пользу; и его план состоял в том, чтобы учредить оракул, полностью подчиненный его собственному руководству. Он начал в Халкидоне на фракийском Босфоре, но, пробыв там недолго, использовал его в основном как возможность для публикации информации о том, что Эскулапий вместе с Аполлоном, своим отцом, в скором времени поселится в Абонотике. Этот слух дошел до сограждан пророка, которые тут же начали закладывать фундамент храма для приема бога. В положенное время появился Александр; он так удачно распорядился своим планом, что с помощью шпионов и эмиссаров, которых он рассеял во всех направлениях, не только собрал заявки на свое пророческое мастерство из разных городов Ионии, Киликии и Галатии, но и распространил свою славу на Италию и Рим. В течение двадцати лет едва ли какой-нибудь оракул в известном мире мог соперничать с оракулом Абонотика, а сам император Аврелий, как говорят, полагался в успехе военной экспедиции на предсказания Александра Пафлагонийца.

Лукиан рассказывает или делает вид, что рассказывает, о том, как Александр добился такого необычного успеха. Он говорит, что этот молодой человек в своих предварительных путешествиях, прибыв в Пеллу в Македонии, обнаружил, что окрестности этого города отличаются от, пожалуй, всех других частей света породой змей необычайной величины и красоты. Наш автор добавляет, что эти змеи были настолько ручными, что обитали в домах жителей провинции и спали в постели с детьми. Если на них наступали, они не поворачивались и не показывали признаков гнева, а еще они сосали грудь женщин, у которых можно было оттянуть молоко. Лукиан говорит, что, вероятно, именно одна из этих змей была найдена в постели Олимпии и дала повод для рассказа о том, что Александр Македонский был рожден Юпитером в виде змеи. Пророк купил самую большую и прекрасную змею, какую только смог найти, и тайно перевез ее с собой в Азию. Придя в Абонотику, он обнаружил, что построенный храм окружен рвом; воспользовавшись случаем, он в частном порядке утопил гусиное яйцо, которое предварительно опорожнил от содержимого, вставил вместо него только что вылупившуюся молодую змею и снова закрыл с большой осторожностью. Затем он сообщил своим согражданам, что бог прибыл, и, поспешив ко рву, в присутствии всех собравшихся зачерпнул яйцо в яичную чашку. Затем он разбил скорлупу и в присутствии восхищенной толпы показал молодую змею, обвинявшуюся вокруг его пальцев. После этого прошло несколько дней, а затем, собрав толпы народа со всех концов Пафлагонии, он, как и объявил ранее, выставил себя с прекрасной змеей, привезенной им из Македонии, которая обвинилась вокруг шеи пророка, а ее голова была

спрятана под мышкой, в то время как искусно сделанная из льна голова, имеющая некоторое сходство с человеческим лицом, торчала и выдавалась за голову рептилии. Зрители были безмерно изумлены, увидев маленькую эмбриональную змею, выросшую за несколько дней до столь внушительных размеров и имеющую черты человеческого лица.

Добившись успеха, Александр не остановился на достигнутом. Он придумал трубку, которая проходила как бы в рот животного, а другой конец заканчивался в соседней комнате, где находился невидимый человек и передавал ответы, которые, казалось, исходили из уст змеи. Такое непосредственное общение с богом было доступно лишь немногим избранным, которые за высокую цену покупали это завидное отличие.

Обычные просители сообщали свои просьбы в письменном виде, которые им предписывалось свернуть и тщательно запечатать; эти свитки возвращались к ним через несколько дней, с несломленными печатями, но с написанным внутри ответом, поразительно соответствующим тому требованию, которое было высказано. -Далее следует отметить, что пасть змеи иногда открывалась с помощью конского волоса, искусно приспособленного для этой цели, в то же время животное подобным образом высовывало свой раздвоенный язык, приводя в ужас изумленных зрителей.

РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОИЗОШЕДШАЯ В ИСТОРИИ НЕКРОМАНТИИ И КОЛДОВСТВА ПОСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА.

Здесь необходимо обратить внимание на великий переворот, произошедший при Константине, почти через триста лет после смерти Христа, когда христианство стало официальной религией Римской империи. Это был период, который породил новую эру в истории некромантии и колдовства. В условиях господства политеизма преданность была совершенно необузданной во всех направлениях, которые она могла принять. Известные и неизвестные боги, духи ушедших героев, боги неба и ада, абстракции добродетели или порока - все это могло стать объектом религиозного поклонения. Поэтому колдовство и обращение к духам мертвых могли практиковаться с терпимостью; или, во всяком случае, рассматривались не иначе, как отклонение от государственной религии.

Правда, всегда существовал ужас перед тайными искусствами, особенно перед теми, которые имели злую природу. Во все времена люди испытывали страх перед таинственной силой заклинаний и заклинаний, сильнодействующих трав и безымянных обрядов, способных управлять вечным порядком планет и волевыми действиями разума, которые могли угашать или возвращать жизнь, воспламенять страсти души, взрывать творения и выведывать у невидимых существ и мертвых тайны будущего. Но в соответствии с верованием о единстве божественной природы дело обстоит совершенно иначе. Идолопоклонство и поклонение другим богам, кроме одного, считались преступлениями, достойными крайнего отвращения и самого сурового наказания. Между поклонением небесам и аду не было ничего среднего. Все поклонение должно было быть обращено к Богу-Творцу через посредничество его Единородного Сына; или, если молитвы были обращены к низшим существам и прославленным духам его святых, они, по крайней мере, заканчивались на Всевышнем, были отвращением к его гневу, просьбой о его благосклонности и почтением к его всемогуществу. С другой стороны, колдовство и чародейство были грехами самой черной краски. В противовес единому единственному Богу, творцу неба и земли, выступал "князь тьмы", "князь силы воздушной", который вечно боролся со Всевышним и пытался совратить Его творения и Его подданных от должной верности. Предполагалось, что колдуны и ведьмы оказывают почтение и продают себя дьяволу, и человеку было не под силу представить себе большую чудовищность или

преступление, более достойное того, чтобы виновные в нем были истреблены с лица земли. Одна мысль об этом была способна заставить человеческую плоть трепетать от ужаса, и те, кто был склонен потакать своему воображению до пределов ужасного, находили извращенное удовольствие в представлении этого разврата и были слишком склонны переносить его на своих собратьев.

МАГИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ ПО ПОВОДУ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА.

Невозможно было допустить, чтобы в устоявшейся религии империи произошла такая перемена, как переход от язычества к христианству, без потрясений и ожесточенной борьбы. Предрассудки человечества в отношении предмета, столь близко затрагивающего их самые дорогие интересы и привязанности, неизбежно должны были быть сильными и упрямыми; а корысть священства, вместе с сильной властью, которую они должны были иметь над слабостью и суеверием своей паствы, должны были придать силу и вечность спорам. Юлиан, человек больших способностей и несомненного патриотизма, стал преемником империи всего через двадцать четыре года после смерти Константина; он предпринял самые энергичные меры для восстановления древней религии. Но правление Юлиана длилось не более восемнадцати месяцев, а правление Иовиана, его преемника, который снова развернул знамя христианства, продолжалось едва ли более полугода. Такое положение вещей поразительно напоминает Англию времен протестантской Реформации, где противоположные верования Эдуарда Шестого и его сестры Марии, а также краткость их царствования придали сверхъестественную остроту чувствам сторон и побудили их с самым беспокойным нетерпением ожидать вероятности кончины государя и последствий, благоприятных или неблагоприятных, которые могут возникнуть в результате нового воцарения.

Совместное правление Валентиниана и Валенса, христианских императоров, длилось уже несколько лет, когда до этих князей, и особенно до последнего, который правил Азией, дошли сведения о многочисленных частных консультациях по поводу продолжительности их власти и личности того, кто должен прийти после них. Престолонаследие в Римской империи было выборным, и, следовательно, в этом вопросе было почти неограниченное поле для догадок. Среди различных способов выяснения, которые использовались, нам рассказывают, что двадцать четыре буквы алфавита были искусственно расположены в круге, а магическое кольцо, подвешенное над центром, по задумке должно было указывать на начальные буквы имени того, кто должен стать будущим императором. Теодорус, человек с выдающимися способностями и большой популярностью, был предан смерти из-за ревности Валенса на основании неясного свидетельства, что это испытание указало на начальные буквы его имени. [141] Легко представить, что там, где велось столь беспокойное и тайное расследование в отношении преемника, которого могла предоставить судьба, не всегда отсутствовал заговор. Обвинения такого рода постоянно множились; доносчики стремились получить благосклонность или вознаграждение за те сведения, которые они претендовали сообщить; а христиане, стоявшие у государственного скипетра, не преминули усугубить вину тех, кто прибегал к этим средствам удовлетворения своего любопытства, утверждая, что демоны были вызваны из ада, чтобы помочь в магическом решении. Историки тех времен, несомненно, сильно преувеличивают ужас и опасность, когда говорят, что число задержанных по таким обвинениям в больших городах превышало число мирных граждан, оставшихся вне подозрений, и что военные, отвечавшие за пленников, жаловались, что у них не было сил сдержать бегство пленников или контролировать толпы партизан, настаивавших на их немедленном освобождении. [142] Наказания были варварскими и неизбирательными; быть обвиненным было почти то же самое, что быть

осужденным; и те должны были считать себя счастливыми, кто избежал штрафа, который в некотором роде поглотил их имения.

ИСТОРИЯ НЕКРОМАНТИИ НА ВОСТОКЕ.

От стран, наиболее известных в так называемой древней истории, то есть от Греции и Рима, и регионов, в которые дух завоевания привел жителей Рима и Греции, пришло время обратиться к Востоку и тем отдаленным частям света, которые были для них сравнительно неизвестны.

С тем, что называют религией волхвов, Египтом, Персией и Халдеей, они действительно были поверхностно знакомы; но более знакомым и точным знанием Востока мы обязаны некоторым событиям современной истории; завоеваниям сарацинов, когда они овладели севером Африки, стали хозяевами Испании и угрожали в своей победоносной карьере подчинить Францию своему штандарту; крестовые походы; дух морских открытий, вспыхнувший в конце XV века; и совсем недавно - обширные завоевания и значительное увеличение территории, осуществленные английской Ост-Индской компанией.

Религия Персии была религией Зороастра и волхвов. Когда Ардшир, или Артаксеркс, основатель рода Сасанидов, восстановил трон Персии в 226 году от Рождества Христова, он созвал собрание волхвов со всех частей своих владений, и, как говорят, их собралось восемьдесят тысяч. [Эти жрецы с далекой древности в значительной степени сохранили свою популярность и в значительной степени придерживались своих древних установлений.

Похоже, что во все времена они претендовали на власть приостанавливать ход природы и производить чудесные явления. Но в столь многочисленном сообществе должны были быть и те, чьи притязания носили более умеренный характер, и те, кто проявлял более высокие устремления. Более амбициозных мы обозначаем на их родном языке именем *Jogees*, [144] имеющим то же значение, что и латинское *juncti*.

Говорят, что их представления о Высшем Существо были самыми высокими и заумными, как об охватившем все возможные совершенства силы, мудрости и благодати, как о чисто духовном по своей сути и неспособном на малейшие колебания и изменения, одном и том же вчера, сегодня и во веки веков. Таким, каким они считали его, такими стремились стать и самые совершенные из их священников. Они должны были отбросить все человеческие слабости и хрупкости; и, в той мере, в какой они *уподоблялись*, или, скорее, *становились одним целым* с Божеством, они предполагали, что примут на себя его атрибуты, станут бесконечно мудрыми, могущественными и добрыми. Отсюда их претензии на то, чтобы приостанавливать ход природы и производить чудесные явления. Для этого необходимо было, чтобы они отстранились от всего смертного, не имели человеческих страстей и пристрастий и по возможности избавились от всех нужд и потребностей нашего материального мира. Зороастр, похоже, действительно предпочитал мораль набожности, осуждал безбрачие и пост и говорил, что "тот, кто засекает землю с усердием и заботой, приобретает большой запас религиозных заслуг, чем тот, кто должен повторять десять тысяч молитв". Но его последователи, по крайней мере, не придерживались этого решения. Они сочли более целесообразным обеспечить себе возвышенную репутацию суровым соблюдением правил, жестким самоотречением и практикой самых немыслимых смертных казней. Это вызывало удивление, благоговение и своего рода поклонение со стороны посторонних, чего нельзя добиться с такой уверенностью с помощью промышленности и благожелательности. Поэтому они часто наносили себе раны и подвергали свою плоть невероятным лишениям. Они бичевали себя без пощады, ранили свое тело ланцетами и

гвоздями, [145] обрекая себя на то, чтобы днями и годами оставаться неподвижными в самых мучительных позах. Для них не было редкостью занять место на вершине высокого столба; говорят, что некоторые из них оставались в таком положении, не сходя с него, в течение тридцати лет. Чем больше они попирали ногами универсальные инстинкты нашей природы и демонстрировали свое превосходство над ее немощами, тем ближе они подходили к божественной сущности и становились единым целым с Вездесущим. Вследствие этого они становились более безгрешными и совершенными; их воля становилась волей Божества, и они в некотором смысле наделялись и становились проводниками его силы. Из всего этого следует, что те, кто пользовался искусством магии в его подлинной и неповрежденной форме, во все времена применяли его в целях добра и благодеяния, и что их вмешательство неизменно служило сигналом несомненного блага либо для человечества в целом, либо для тех его индивидов, которые имели наибольшее право на их помощь. В их обязанности входило поддерживать добродетель в беде и прибегать к божественной помощи в тех случаях, когда она требовалась самым явным и несомненным образом.

Таков, как нам говорят, был характер чистой и примитивной магии, переданной от основателя их религии. К ней прибегали джоги - люди, которые благодаря каким-то необычным заслугам в определенном смысле становились единым целым с божеством. Но магическая сила была слишком соблазнительным даром, чтобы в некоторых случаях не стать причиной злоупотреблений. Как мы читаем об ангелах на небе, что не все из них устояли и сохранили свою изначальную безгрешность и целостность, так и среди игогов некоторые, приобщившись к божественной силе, находились под руководством небесной и божественной воли, а другие, получив, надо полагать, могучую и чудесную силу от дара Божьего, впоследствии злоупотребляли ею, применяя ее в капризных или, как кажется, злобных целях. Это, по-видимому, было неизбежно в истории магии. Если бы те, кто, как предполагается, владел ею в самом широком объеме и в самой удивительной степени, единообразно использовали ее только во имя справедливости и добродетели, они действительно считались бы благодетелями и имели бы право на почитание и любовь человечества. Но человеческий разум всегда склонен восхищаться ужасным. Не успели люди проникнуться идеей сверхъестественного и неподконтрольного, как начали бояться его и презирать его враждебность. Они предвидели, не зная чего, возвращение мертвых к жизни, невидимых существ, вооруженных силой и намерением причинять зло, и человеческих существ, наделенных прерогативой насыщать мор и резню, распределять богатство и бедность, процветание и несчастье по своему усмотрению, заставлять здоровье и жизнь угасать по неосязаемым, но верным степеням, производить томительные мучения и смерть в ее самой страшной форме. Таким образом, получается, что как были одни маги, которые как боги раздавали блага тем, кто их больше всего заслуживал, так были и другие, чьим единственным принципом действия был каприз, и против чьей злобы никакая невинность и никакая степень добродетели не могли служить защитой. Как первых магов называли *джоги* и считали их помощниками и орудиями бесконечной доброты, так других называли *ку-джоги*, то есть люди, которые, обладая тем же видом власти над силами природы, использовали ее только в делах злобы и нечестия.

В то же время эти маги производили чудесные эффекты, которые вызывали к ним благоговение вульгарных людей, очень часто благодаря вмешательству неких существ, превосходящих человеческую природу, которые, казалось бы, хотя обычно и были невидимы, обладали способностью становиться видимыми, когда считали нужным, и принимать любую форму, которая им нравилась. В основном они известны под именами Перис, Дайвс, [146] и Джинс, или Гении. Ричардсон в предисловии к своему "Персидскому словарю", из которого в основном и будет вестись наш рассказ, отсылает нас к тому, что он

называет романом, но из которого он, по-видимому, черпает основные положения своей персидской мифологии. В этом романе смертный Кахраман вступает в разговор с Симулгом, существом, имеющим природу птицы и грифона, который открывает ему тайны прошлой истории земли. Она рассказывает ему, что жила и видела, как мир семь раз заселялся обитателями самых разных натур и семь раз обезлюживался - прежние жители так часто удалялись, уступая место своим преемникам. Существа, занимавшие землю до появления человека, делились на Перисов и Дивов; и когда они перестали владеть землей, им, как кажется, все еще было позволено в воздушной и бесплотной форме и по большей части незримо вмешиваться в дела человеческого рода. Эти существа правили землей на протяжении семидесяти двух поколений. Последний монарх, по имени Джан бин Джан, вел себя настолько плохо, что Бог послал ангела Хариса, чтобы наказать его. Однако Харис опьянел от власти и использовал свою прерогативу самым предосудительным образом. Поэтому Бог сотворил Адама, первого из людей, увенчав его славой и честью и дав ему власть над всеми другими земными существами. Он повелел ангелам повиноваться ему, но Харис отказался, и его примеру последовали дивы. В большинстве своем мятежники были отправлены в ад за свое неповиновение, но часть дивов, чье непослушание было менее вопиющим, была оставлена и получила возможность в течение определенного срока ходить по земле и своими искушениями подвергать испытаниям добродетель и постоянство человека. Отныне род человеческий был тайно окружен невидимыми существами двух видов: Пери, которые были дружелюбны к людям, и Див, которые использовали свою изобретательность, чтобы вовлечь их в ошибки и вину. Пери были прекрасными и доброжелательными, но несовершенными и обидными существами; предполагается, что они имели значительное сходство с феями западного мира. Дивы были отвратительны по форме и отличались злобным нравом. Пери живут исключительно за счет духов, которые дайвы, будучи более грубой натурой, держат в отвращении. Говорят, что эта мифология была неизвестна в Аравии вплоть до Магомета: единственные невидимые существа, о которых мы читаем в их ранних традициях, - это Джинны, которые, хотя сейчас в большинстве случаев используются как синонимы Дивов, первоначально обозначали не что иное, как неких inferнальных извергов огромной силы, чья деятельность была враждебна человеку.

Между Пери и Дивами шла вечная война, местом обитания которых был Каф, или Кавказ, - горная цепь, которая, как считалось, опоясывает весь земной шар. В этих войнах Пери обычно терпели поражение, и в этом случае в традиционных восточных сказаниях они представляются как обращающиеся к какому-то галантному и героическому смертному, чтобы подкрепить свои усилия. Воины, фигурирующие в этих повествованиях, по-видимому, все были древними персидскими царями. О Тахмурасе, одном из самых знаменитых из них, говорится, что он восседает на Симурге, окруженный талисманами и зачарованными доспехами, и снабжен мечом, перед которым ничто не может устоять. Он отправляется в Каф, или Гиннистан, и побеждает Арзшанка, вождя дайвов, но в свою очередь терпит поражение от более грозного соперника. Война длится несколько веков с переменным преимуществом и недостатком, пока по прошествии веков Рустан не убивает Арзшанка и не приводит дивов в состояние подчинения и данничества. Во всем этом есть большое сходство со скандинавскими баснями; и северный и восточный мир, кажется, с энтузиазмом внесли свою долю рыцарства и романтики, героических достижений и чудесных событий, чудовищ и драконов, амулетов и чар, и всех тех происшествий, которые больше всего будоражат воображение и призваны вселить в щедрую и предприимчивую молодежь отвагу, самую неустранимую и непобедимую.

ОБЩЕЕ МОЛЧАНИЕ ВОСТОКА В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НЕКРОМАНТОВ.

Азия, пожалуй, больше, чем любая другая часть земного шара, известна огромным количеством и разнообразием своих рассказов о колдовстве и магии. Однако я был сильно разочарован в том, что искал в первую очередь, а именно в индивидуальных приключениях тех людей, которые, как можно предположить, завоевали высокий авторитет и репутацию благодаря своему мастерству в магических подвигах. Там, где профессоров много (а они, пожалуй, нигде не были столь многочисленны, как маги на Востоке), неизбежно, что некоторые из них должны были быть более ловкими, чем другие, более одаренными от природы, более энергичными и настойчивыми в достижении своей цели и более удачливыми в пробуждении популярности и восхищения среди своих современников. На примере Аполлония Тианея и других древних, а также Корнелия Агриппы, Роджера Бэкона и Фауста современных мы знакомы со многими биографическими подробностями их жизни, можем с определенной степенью точности проследить особенности их нравов и проследить, как они постепенно переходили от одного занятия и одного образа действий к другому. Но маги Востока - это, так сказать, абстракции, не характеризующиеся ни одной из тех привычек, которые отличают одного представителя человеческой расы от другого, и не обладающие теми характерными чертами и мелкими черточками, которые заставляют человека как бы оживать, проходя перед нашими глазами. О них нам просто рассказывают как о людях, склонных творить великие знамения и чудеса, и не более того.

Два самых замечательных исключения из этого правила, которые я обнаружил, встречаются в примерах Рокаила и Хакама, иначе называемого Моканной.

РОКАИЛ.

Первый из них, однако, едва ли можно назвать исключением, поскольку он лежит за пределами всей достоверной истории: Рокаил, как говорят, был младшим братом Сифа, сына Адама. Див, или великан с Кавказской горы, будучи сильно потесненным своими врагами, искал, как обычно, помощи среди сынов человеческих, которая могла бы избавить его от трудностей. В конце концов он заключил союз с Рокаилом, с помощью которого достиг желанного спокойствия, и который впоследствии стал его великим визирем, или премьер-министром. В течение многих лет он с честью и успехом управлял владениями своего принцепала, но, почувствовав приближение старости и смерти, он решил оставить после себя памятник, достойный его достижений в политике и войне. Для этого он воздвиг, не сообщается, на какие средства, великолепный дворец и усыпальницу, не менее достойную восхищения. Но что более всего заслуживает внимания, он наполнил этот дворец статуями столь необычного качества, что они двигались и выполняли все функции и должности живых людей, так что каждый, кто видел их, поверил бы, что они наделены душой, тогда как на самом деле все, что они делали, происходило благодаря силе магии, в результате которой, хотя они были не более чем неодушевленной материей, они были способны подчиняться приказам и выполнять волю людей, которые их посещали. [147]

ХАКЕМ, ИНАЧЕ МОКАННА.

Хакем был лидером одного из различных подразделений последователей Магомета. Чтобы внушить своим сторонникам еще больший трепет, он выдавал себя за Всевышнего Бога, творца неба и земли, в одной из различных форм, в которых он воплощался в разные века и являл себя своим созданиям. Он отличался тем, что всегда носил густую и непроницаемую вуаль, которой, по словам его последователей, он прикрывал ослепительное великолепие своего лица, столь великое, что ни один смертный не мог созерцать его и остаться в живых, но которая, мнению его врагов, служила лишь для того, чтобы скрыть отвратительность его

черт, слишком чудовищно уродливых, чтобы на них можно было смотреть без ужаса. Одно из его чудес, на котором, кажется, больше всего настаивали, заключалось в том, что он по ночам, в течение значительного времени, заставлял шар, чем-то похожий на луну, подниматься из священного колодца, который давал свет, не менее великолепный, чем днем, и распространял свои лучи на многие мили вокруг. Его последователи были с энтузиазмом преданы его служению, и он поддерживал свой авторитет без сомнений в течение нескольких лет. Вскоре появился более грозный противник, и после нескольких сражений он был вынужден укрыться в сильной крепости. Однако здесь его осаждали так упорно, что он дошел до последнего отчаяния и, напоив весь гарнизон ядом, приготовил ванну из самых сильных ингредиентов, которая, когда он бросился в нее, растворила его тело до самых костей, так что от него не осталось ничего, кроме пряди волос. Он действовал так, надеясь, что в него поверят, что он чудесным образом вознесся на небо; и это не преминуло сказаться на огромном количестве его приверженцев". [148]

РАЗВЛЕЧЕНИЯ АРАВИЙСКОЙ НОЧИ.

Самая подробная запись историй об азиатских чарах, которой мы располагаем, содержится в "Развлечениях арабских ночей"; к ним можно добавить "Персидские сказки" и несколько других хранилищ восточных приключений. Это правда, что они доставляются нам в одежде вымысла; но они, как известно, представляют настолько точную картину восточных нравов и обычаев, и настолько точно обрисовывают глупости, слабости и доверчивость расы людей, которые в них фигурируют, что, в отсутствие материалов строго исторического рода, на которые мы должны жаловаться, они могут не в недостаточной степени обеспечить это место, и могут снабдить нас довольно полным представлением идей колдовства и магии, которые на протяжении веков были распространены в этой части мира. Правда, у них есть один очевидный недостаток, о котором читателю следует постоянно помнить. Мифология и основа всего этого - персидские, но рассказчик по большей части магометанин. Вследствие этого древние огнепоклонники, хотя они и предоставили весь материал и, следовательно, имеют полное право на нашу благодарность и почтение за обильное снабжение, которое они предоставили нашему любопытству, единообразно рассматриваются в этих книгах с презрением и пренебрежением, как недостойные терпимости, в то время как сравнительно новая раса верующих в Коран представляется нам как единственная просвещенная и праведная среди сынов человеческих.

Многие из тех сверхъестественных явлений, о которых сейчас идет речь, - это истории о превращениях. У одной дамы есть две сестры самого распутного и беспринципного характера. Они изначально имеют такую же долю отцовского наследства, как и она сама. Но они растрачивают его в изобилии и по глупости, в то время как она улучшает свою долю благодаря здравому смыслу и бережливости. Доведенные до крайности бедствия, они смиряются и обращаются к ней за помощью. Она щедро одаривает их тем же богатством, которым они обладали изначально, и они вновь погружаются в нищету. Так происходит снова и снова. В конце концов, обнаружив, что они не способны к благоразумию, она уговаривает их прийти и жить с ней. Изнурительными и непрекращающимися просьбами они склоняют ее к участию в торговом предприятии. Здесь она знакомится с принцем, который имел несчастье родиться в краю огнепоклонников, но по счастливой случайности был воспитан магометанской кормилицей. Поэтому, когда все его соплеменники по воле божественной мести превратились в камни, он один остался жив. Леди находит его в таком положении, наделенного разумом и способного двигаться среди окаменевшего города, и они сразу же влюбляются друг в друга. Она уводит его от этой меланхоличной сцены, и они вместе отправляются на борт судна, на котором плыли она и ее сестры. Но сестры завидуют

ее удаче и замышляют, пока она и принц спят, выбросить их за борт. Принц тонет, а леди с большим трудом спасается. Она оказывается на необитаемом острове, неподалеку от того места, где первоначально отправилась в свое приключение, и, отоспавшись от навалившихся усталостей, видит по пробуждении черную женщину с приятным лицом, фею, которая ведет за руку двух черных сук, связанных между собой веревкой. Эти черные суки - сестры леди, превратившиеся в нее в наказание за неблагодарность и жестокость. Фея переносит ее по воздуху в свой собственный дом в Багдаде, который она находит хорошо укомплектованным всевозможными товарами, и передает ей этих двух животных с предписанием, что она должна хлестать их каждый день в определенный час в качестве дальнейшего возмездия за их преступления. Это было исполнено в точности, и по окончании каждого дня покаяния госпожа, до этого не обращавшая внимания на жесты и жалобные крики животных, заплакала над ними, взяла их на руки, поцеловала и тщательно вытерла влагу с их глаз. После длительного соблюдения этой дисциплины преступники, наконец, путем встречного каждения возвращаются к своему первоначальному облику, будучи полностью излеченными от пороков, ставших причиной их бедственного положения, благодаря перенесенным ими суровостям.

Другая история повествует о календере, своего рода магометанском монахе с одним глазом, который первоначально был принцем. Он пристрастился к мореплаванию и морским открытиям; и вот в одном из своих плаваний, будучи загнанным непогодой в неизвестные моря, он вдруг обнаруживает, что его притягивает к огромной горе из грузного камня, которая сначала, под действием железа и гвоздей на корабле, притягивает судно к себе, а затем, под действием собственной силы, вырывает гвозди, так что корабль разлетается на куски, и все, кто был на борту, тонут. Гора со стороны моря вся усыпана гвоздями, которые были извлечены из судов, ранее потерпевших такое же бедствие; и эти гвозди одновременно сохраняют и усиливают смертоносную силу горы. Принцу удается спастись, и он попадает на пустынный остров с куполом из меди, который поддерживают медные столбы, а на вершине его - конь из меди и всадник из того же металла. Этого всадника принцу суждено сбросить с себя с помощью заколдованной стрелы и таким образом разрушить чары, ставшие роковыми для тысяч людей. С опустевшего острова он сел в лодку с единственным гребцом, человеком из металла, и был бы благополучно доставлен на родину, если бы по неосторожности не произнес имя Бога, от которого его предостерегали и которое он соблюдал много дней. После этого лодка сразу же затонула, но принц спасся и попал на пустынный остров, где нашел только одного жителя - пятнадцатилетнего юношу. Этот юноша спрятан в пещере, так как ему было предсказано, что через пятьдесят дней он будет убит тем человеком, который сбросил медного коня и его всадника. Между ничем не подозревающим юношей и принцем завязывается большая дружба, которая, тем не менее, исполняет предсказание, по чистой случайности убив юношу на пятидесятый день. Далее он прибывает в одну из провинций основной земли, где посещает замок, в котором живут десять очень приятных юношей, каждый из которых слеп на правый глаз. Он живет с ними в течение месяца и обнаруживает, что после дня приятных развлечений каждый вечер они совершают покаяние в убожестве и пепле. Его любопытство сильно возбуждено желанием получить объяснение того, что он видел, но они отказываются, говоря ему в то же время, что он может, если пожелает, пройти через то же приключение, что и они, и, если он это сделает, желая, чтобы оно сопровождалось более благоприятным исходом. Он решает провести эксперимент, и по их указанию, после определенных приготовлений, его уносит по воздуху грач, огромная птица, способная таким же образом унести слона. Таким образом он попадает в замок необычайного великолепия, населенный сорока дамами изысканной красоты. С этими дамами он живет одиннадцать месяцев в непрерывной череде наслаждений. Но на двенадцатый месяц они сообщают ему, что вынуждены покинуть его до

начала нового года. Тем временем они дают ему для развлечения ключи от ста квартир, все из которых, кроме одной, ему разрешено открыть. Он наслаждается чудесами этих квартир до последнего дня. В этот день он открывает запретную комнату, где его больше всего поражает редкость - черный конь восхитительной формы и вида, с седлом и уздечкой из золота. Он выводит эту лошадь на открытый воздух и соблазняется сесть на нее. Конь сначала стоит на месте, но потом, когда его трогают выключателем, расправляет пару крыльев, которых принц раньше не замечал, и поднимается в воздух на удивительную высоту. Наконец конь опускается на террасу замка, где сбрасывает своего всадника и покидает его, предварительно выбив ему правый глаз резким взмахом хвоста. Принц спускается в замок и, к своему удивлению, оказывается в компании десяти юношей, слепых на один глаз, которые пережили то же приключение, что и он, и все были преданы с помощью того же недуга.

ПЕРСИДСКИЕ СКАЗКИ.

Эти две истории взяты из "Арабских ночей", а две следующие - из "Персидских сказок". Фадлаллах, король Муселя, вступил в интимную связь с молодым дервизом, разновидностью турецкого монаха, который дал обет вечной бедности. Дервиз, чтобы еще больше расположить к себе принца, сообщил ему о секрете, которым он владеет, - с помощью определенного заклинания он может проецировать свою душу в тело любого мертвого животного, которое сочтет нужным.

Чтобы убедить короля в том, что эта способность - не пустое бахвальство, он предложил покинуть собственное тело и одушевить тело лани, которую Фадлаллах только что убил на охоте. Он исполнил свое предложение, овладел телом лани, проявил удивительную ловкость, подошел к королю, ластясь к нему со всеми выражениями ласки, а затем, после различных преград, оставил конечности животного и вновь овладел своим телом, которое во время эксперимента бездыханно лежало на земле. Фадлаллах очень хотел узнать тайну дервиша, и после некоторых уговоров она была ему передана. Король завладел телом лани, но его коварная уверенность не успела овладеть бесчувственными конечностями Фадлаллы, как он вселил в них свой дух и, согнув лук, попытался уничтожить жизнь своей беззащитной жертвы. Король благодаря своей ловкости спасся, а дервиш, вернувшись во дворец, завладел трон и постелью королевы Земруды, в которую Фадлаллах был отчаянно влюблен. Первой мерой предосторожности узурпатора стал указ об убийстве всех оленей в его владениях, надеясь таким образом уничтожить законного государя. Но король, понимая, что ему грозит опасность, оставил тело лани и вошел в тело мертвого соловья, лежавшего на его пути. В таком переодетом виде он поспешил во дворец и расположился на раскидистом дереве, которое росло прямо перед апартаментами Земруды. Здесь он излил свои жалобы и горе, пронизывавшее его душу, в таких мелодичных нотах, что не преминул привлечь внимание королевы. Она послала своих ловцов птиц, чтобы те взяли в плен маленького пеночки, и Фадлаллах, который не желал ничего лучшего, легко согласился стать их пленником. В этом новом положении он всеми жестами демонстрировал свое расположение к королеве, но если к нему приближалась какая-нибудь из ее женщин, он в гневе клевал их, а когда появлялся самозванец, не мог сдерживать ярости. Однажды ночью умерла лапчатая собака королевы, и Фадлаллаху пришла в голову мысль оживить труп этого животного. На следующее утро Земруда нашла свою любимую птицу мертвой в клетке и тут же разрыдалась. Никогда, по ее словам, не было такой милой птицы; он отличал ее от всех остальных; казалось, он даже питал к ней страсть; и она чувствовала, что не сможет пережить его потерю. Дервиз тщетно пытался утешить ее. В конце концов он сказал, что, если ей будет угодно, он заставит ее соловья оживать каждое утро и будет развлекать ее

своими мелодиями столько, сколько она сочтет нужным. Дervиз улегся на софу и, произнеся несколько кабалистических слов, переместил свою душу в тело соловья и начал петь. Фадлаллах следил за временем; он лежал в углу комнаты, никем не замеченный; но не успел дervиз покинуть тело, как король приступил к его завладению. Первым делом он поспешил к клетке, с неудержимым нетерпением открыл дверцу и, схватив птицу, открутил ей голову. Земрудэ, пораженный, спросил его, что он имел в виду, совершая столь бесчеловечный поступок. В ответ Фадлаллах рассказал ей обо всех обстоятельствах, которые с ним произошли, и королеву охватили такие муки и угрызения совести, что она, пусть и невинно, подвергла свою особу загрязнению со стороны столь мерзкого самозванца, что она не могла избавиться от воспоминаний, впала в тоску и умерла от чувства унижения, которое ей пришлось пережить.

Но гораздо более загадочный и поразительный случай превращения происходит в истории молодого короля Тибета и принцессы Найманов. Колдуны в этом случае представлены как люди, без каких-либо промежуточных обстоятельств, облегчающих их колдовство, обладающие способностью принимать облик любого, кого им заблагорассудится, и, как следствие, принимать облик реально существующего человека, производя дублирование, самое запутанное, какое только можно себе представить. Мокбел, сын ремесленника из Дамаска, но отец которого завещал ему значительное богатство, умудрился растратить свое состояние и молодость на распутную жизнь с Дилнуазе, женщиной беспутного нрава. Оказавшись одновременно бедными и презируемыми, они прибегли к помощи мудреца Бедры, самого искусного мага пустыни, и нашли способ добиться ее благосклонности. В результате она подарила им два кольца, с помощью которых они могли принимать облик любого мужчины или женщины. Вооружившись таким образом, Мокбел узнал о смерти Муаффака, принца найманов, который, как предполагалось, был убит в битве, а его тело так и не было найдено. Теперь трон занимала племянница Муаффака, и в этих обстоятельствах Мокбел задумал выдать себя за отсутствующего Муаффака, поднять восстание среди своих соплеменников и завладеть тронem. Этот замысел ему удался, и принцесса, отправленная в изгнание, укрылась в столице Тибета. Здесь король увидел ее, влюбился в нее и обвенчался с ней. Ознакомившись с ее историей, он решил вновь завоевать ее владения и послал узурпатору вызов. Мокбел, ужаснувшись при мысли о столь грозном захватчике, сначала притворился мертвым, а затем вместе с Дилнуазе, которая во время его недолгого правления под видом прекрасной женщины олицетворяла его королеву, отправился в своем прежнем облике в столицу Тибета. Здесь его целью было прервать счастье тех, кто мешал ему в его коварной карьере. Поэтому однажды ночью, когда царица, прежде чем приступить к отдыху, закрылась в своей камерке, чтобы прочитать некоторые отрывки из Алкорана, Дилнуазе, приняв свой облик с мельчайшей точностью, поспешила расположиться в царской постели рядом с королем. Через некоторое время королева закрыла книгу и направилась по галерее в опочивальню короля, Мокбел выждал время и под видом страшного наваждения расположился прямо на пути королевы. Она вздрогнула от неожиданности и издала пронзительный вопль. Король узнал ее голос и поспешил узнать, что с ней случилось. Она объяснила, но король рассказал о чем-то более необычном и спросил, как могло случиться, что она оказалась в галерее в тот самый момент, когда он оставил ее раздетой и в постели. Они отправились в покои, чтобы разгадать эту тайну. Здесь произошел спор между настоящей и кажущейся королевой, каждая из которых обвиняла другую в самозванстве. Король переходил от одной к другой, не в силах определиться между их притязаниями. Были созваны придворные и фрейлины из опочивальни, и все были в недоумении и сомнениях. В конце концов они решили в пользу лжекоролевы, и тогда было предложено сжечь другую за колдовство. Однако король запретил это делать. Он еще не определился окончательно и не мог решиться обречь свою истинную королеву на жестокую смерть, как это могло бы быть.

Поэтому он решил лишить ее королевских одежд, одеть в лохмотья и с позором выдворить из своего дворца.

Однако предательству не суждено было восторжествовать. Однажды король выехал на охоту, и Мокбел, чтобы лучше обмануть стражу дворца, воспользовавшись случаем, принял его облик и отправился спать в Дилнуаз. Царь тем временем вспомнил о чем-то важном, что забыл перед выходом на охоту, и, вернувшись на свои места, направился в царские покои. Здесь, к своему полному смятению, он обнаружил в постели со своей королевой мужчину, который, к его еще большему изумлению, был точной копией его самого. Вzbешенный этим зрелищем, он тут же выхватил свой скиметар. Мужчине удалось сбежать по черному ходу. Женщина же осталась в постели, и, когда она протянула руки в мольбе о пощаде, король отрубил ей руку, на которой было кольцо, и она тут же предстала перед ним в образе страшной карга. Она умоляла сохранить ей жизнь и, чтобы утихомирить его гнев, объяснила ему тайну, рассказав, что именно с помощью кольца она ввела его в заблуждение и что с помощью аналогичного заклинания ее суженый принял облик короля. Король тем временем был неумолим и отрубил ей голову. Затем он бросился в погоню за прелюбодеем. Однако Мокбел успел сесть на коня. Но царь тоже сел на коня и, будучи лучшим наездником, в короткое время нагнал своего врага. Самозванец не посмел с ним справиться, а попросил жизни, и король, считая его наименьшим преступником из двух, помиловал его при условии, что он отдаст кольцо, после чего он провел остаток своей жизни в бедности и дряхлости.

ИСТОРИЯ ГУЛЯ.

В "Арабских ночах" есть история, которая заслуживает внимания из-за своей необычности и как пример легковерия жителей Востока: один человек женился на колдунье, ничуть не подозревая о ее характере в этом отношении. Она была достаточно приятна в общении, и он по большей части не находил причин быть недовольным ею. Но его беспокоила странность ее поведения, когда они вместе садились за стол. Муж приготовил достаточное количество разнообразных блюд и заботился о том, чтобы жена ела и подкрепилась. Но она почти не ела. Он поставил перед ней тарелку с рисом. Из этой тарелки она брала понемногу, зернышко за зернышком, но другого блюда не пробовала. Муж стал упрекать ее в том, что она так ест, но без толку; она продолжала в том же духе. Он знал, что никто не может прокормиться на таком малом количестве пищи, как она, и его разожгло любопытство. Однажды ночью, когда он спокойно лежал без сна, жена тихонько поднялась и стала одеваться. Он наблюдал за ней, но делал вид, что ничего не видит. Вскоре она открыла дверь и вышла. При свете луны он незаметно последовал за ней и выследил ее до места, где находились могилы. Здесь, к своему изумлению, он увидел, что к ней присоединился гуль, своего рода бродячий демон, который, как известно, обитает в разрушенных зданиях и время от времени внезапно вырывается наружу, хватая детей и других беззащитных людей, душит и пожирает их. Иногда, за неимением другой пищи, эта отвратительная раса забредает на церковные дворы и, раскапывая тела недавно погребенных, с аппетитом поедает их плоть. Муж последовал за женой и ее сверхъестественным спутником и наблюдал за их действиями. Он увидел, как они копаются в новой могиле. Они извлекли тело покойного, а Гуль, разрубив его по суставам, прожорливо пировал, и, удовлетворив свой аппетит, бросил остатки в могилу и накрыл ее, как и прежде. Муж незаметно удалился в свою постель, а жена последовала за ним. Однако он ужасно возненавидел такую жену, и она узнала, что он знаком с ее страшной тайной. Они больше не могут жить вместе, и с ним произошла метаморфоза. Она превратила его в собаку, которую дурным тоном прогнала от своей двери; а он, при помощи благосклонной колдуньи, сначала возвращает себе свой

естественный облик, а затем, превратив ее в кобылу, постоянным жестоким обращением вымещает свое отвращение к тому характеру, который он в ней обнаружил.

АРАВИЙСКИЕ НОЧИ.

Более бурного воображения и более безграничного разнообразия, чем "Арабские ночи", пожалуй, никогда не существовало. Здесь можно найти почти все, что только можно придумать чудесного и ужасного. Когда нам кажется, что автор или авторы подошли к концу богатой жилы, в которой они излагают свои мысли, перед нами бесконечной чередой предстают новые чудеса. Их сила комического показа не менее необычна, чем сила удивления и ужаса. Великолепие их живописи бесконечно, а ум читателя пробуждается и освежается вечно новыми формами и красками.

СХОДСТВО СКАЗОК ВОСТОКА И ЕВРОПЫ.

Характерной особенностью этой работы является точное и конкретное изображение восточных нравов, обычаев, образа мыслей и действий. И все же время от времени любопытно наблюдать совпадение восточного воображения с античным и североевропейским, так что трудно представить себе, чтобы одно не было скопировано с другого. Возможно, так оно и было, а возможно, и нет. Человек везде человек, обладающий теми же способностями, побуждаемый теми же страстями, получающий боль и удовольствие из тех же источников, с теми же надеждами и страхами, стремлениями и тревогами.

В третьем путешествии Синдбада он прибывает на остров, где находит одного человека, негра, ростом с пальму, с единственным глазом посреди лба. Он подбирает команду, одного за другим, и выбирает самого жирного, которого съедает первым. Так поступают и во второй раз. В конце концов девять самых смелых хватают вертел, пока он лежит на спине и спит, и, раскалив его докрасна, втыкают ему в глаз.

История о Горбуне, которого задушили рыбьей костью и, после того как он привел в беду нескольких человек по подозрению в убийстве, вернули к жизни, является едва ли не самой известной из арабских сказок. Веселая шутка Дэна Хью, монаха из Лестера, который "однажды был повешен и четыре раза убит", имеет очень поразительное сходство с этой. [149]

Аналогичное сходство, только с изменением пола агрессора, можно найти между хорошо известной историей о пациенте Гризеле и историей Чехеристани в "Персидских сказаниях". Эта дама была королевой гинов, которая влюбилась в императора Китая и согласилась выйти за него замуж при условии, что она будет делать все, что ей заблагорассудится, а он никогда не будет сомневаться в правильности ее поступков. Она рождает ему сына, прекрасного как день, и бросает его в огонь. Она рождает ему дочь и отдает ее за белую суку, которая убегает с ней и исчезает. Император отправляется на войну с моголами, и царица полностью уничтожает провиант его армии. Но огонь оказался саламандрой, а сука - феей, которая самым замечательным образом воспитывает детей; а провизия армии была отравлена предателем и чудесным образом заменена на полезную и бодрящую.

ПРИЧИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЛЕГКОВЕРИЯ.

Между тем, хотя приведенные выше истории взяты из книг чисто художественных, они настолько точно передают нравы и уמוнастроения Востока, что, при недостатке материалов строго исторических, могут в некоторой степени заменить их. Главная черта, которую они нам демонстрируют, - это легковерие и любовь к чудесному. Это свойственно определенным эпохам мира, но в Азии оно преобладает непрерывно. Там, где впервые проявляется

обучение и развитие интеллектуальных способностей, следует ожидать появления тайн и знаний, не подлежащих передаче лишь избранным. Мудрость в ее естественной и подлинной форме стремится к распространению; на Востоке же, напротив, она ценится лишь пропорционально своей редкости. Те, кто посвятил себя интеллектуальному совершенствованию, искали его скорее в уединенной абстракции, чем в свободном общении с умами других людей; а когда они снисходили до использования органа речи, то говорили загадками и двусмысленностями, а также фразами, более приспособленными для того, чтобы вызвать удивление и недоумение, чем для того, чтобы просветить и наставить. Когда более опытные наставляли новичков, это происходило лишь постепенно и через длительный испытательный срок. Вследствие такого положения вещей привилегированные немногие воспринимали свои достижения с чрезмерной гордостью и надувались от чувства превосходства, в то время как масса их собратьев смотрела на них с изумлением; И, в соответствии с восточным вероучением о двух независимых и противоборствующих принципах добра и зла, эти избранные и наделенные сверхъестественными способностями существа рассматривались то как источник самых завидных благ, то как объект непреодолимого страха и ужаса, перед которым их понимание становилось простертым, а все самое ужасное и страшное - самым легким. В таком состоянии суеверие неизбежно становилось заразным; и чем больше старшие внушали и верили, тем больше воображение младших становилось податливым и непокорным рабом.

Мантра, или заклинание, состоящее из нескольких неразборчивых слов, повторяемых снова и снова, всегда сопровождала, а точнее, предшествовала предполагаемому чудесному явлению, которое навязывалось невежественным людям. На предмет или человека, на которого должно было быть оказано чудесное воздействие, плескали водой. Сжигался ладан, поджигались такие химические вещества, ослепительный вид которых мог смутить чувства зрителей. Все это заключалось в искусстве жонглера. Прежде всего, он должен был действовать на страсти, возбуждать в зрителях трепет, страх и любопытство; а затем, с помощью своего рода легкой руки и изменений, слишком быстрых, чтобы за ними мог уследить неопытный глаз, производить явления, совершенно непредвиденные и не поддающиеся объяснению. Суеверие было еще одним существенным компонентом; а оно никогда не бывает совершенным, кроме случаев, когда превосходящая и более активная сторона считает себя чем-то большим, чем человек, а сторона, на которую действуют, видит в другой стороне объект религиозного почитания или трепещет от предчувствия неизвестно чего страшного и бедственного. Состояние той стороны, на которую воздействуют, да и любой другой, никогда не бывает полным, пока чувства не спутаются, воображаемое не станет настолько сильным, чтобы исключить реальное, словом, пока, по выражению поэта, "функция не задушится в догадках, и не будет ничего, кроме того, чего нет".

Именно при таком состоянии способностей совершенно естественно и просто принять простое бессловесное животное за замаскированного родственника или близкого человека. И, начав заблуждаться, заблуждающийся человек дает каждому жесту и движению конечностей и глаз объяснение, которое подтверждает обман. Именно таким образом в невежественные века возникло представление о подмене. Слабая и очарованная мать видит каждую черточку с невиданным ранее выражением, все привычки ребенка кажутся иными и странными, пока сама родительница не отрицает свое потомство и не видит в объекте, который так долго лелеяла и обожала, чудовище, безродное и ужасное на вид.

ТЕМНЫЕ ВЕКА ЕВРОПЫ

В Европе мы скудно снабжены историками и повествованиями, демонстрирующими нравы и особенности сменяющих друг друга рас людей, начиная со времен Феодосия в конце

четвертого века христианской эры и до конца десятого. В этот период человечество в необычайной степени было охвачено невежеством и варварством. Мы можем быть морально уверены, что это был период, превосходящий все другие, когда на этой части земного шара преобладали суеверия и незримая вера в сверхъестественные явления. Законы природы и вечная цепь предшествующих и последующих явлений были малопризнанны. По мере того как на мир проникали свет и наука, люди осознавали, что последовательность событий действует повсеместно и что строение людей и животных везде одинаково, изменяясь лишь под влиянием причин, не менее неизменных, чем внутреннее строение самого строения. Мы научились многое объяснять; мы способны предсказывать и исследовать ход вещей; и созерцатели и мудрецы не менее глубоко убеждены в том, что процесс естественных событий верен и прост и лишен всякого повода для удивления и поднятия рук в изумлении там, где мы еще не знакомы с развитием элементов вещей, чем там, где мы есть. То, что мы еще не освоили, мы уверены, что грядущие исследователи сведут к правилам не менее очевидным, знакомым и понятным, чем для нас восход солнца или прогресс животной и растительной жизни от первого росточка и семени до последней стадии дряхлости и разложения.

Но в эти века невежества, когда признавались лишь немногие, да и те лишь самые очевидные, законы природы, любое событие, которое не происходило почти ежедневно, рассматривалось с большим или меньшим благоговением и тревогой. Эти люди "видели Бога в облаках и слышали его в ветре". Вместо того чтобы полагаться только на универсальное Провидение, которое действует не по частичным импульсам, а по общим законам, они видели, как им казалось, непосредственную руку Творца, или, скорее, в большинстве случаев, некий невидимый разум, иногда благодетельный, но, возможно, чаще злобного и капризного, вмешивающегося, чтобы помешать прозорливости мудреца, смирить гордыню умного и поставить проницательность самых одаренных на один уровень с болтовней идиота и бредом безумца.

И как в событиях люди постоянно видели сверхъестественное и чудесное, так и в своих собратях они постоянно искали, а потому часто воображали, что находят, одаренную расу, которая повелевает стихиями, ведет торговлю с невидимым миром и может производить самые потрясающие и ужасающие эффекты. В человеке, каким мы видим его сейчас, мы можем определить его природу, силу и податливость его конечностей, точность его глаз, степень его интеллектуальных приобретений и тонкость его мыслительных способностей, и поэтому можем в значительной степени предвидеть, на что мы должны надеяться или чего бояться от него. Все регулируется тем, что мы называем естественными средствами. Но в те времена, о которых я говорю, все было таинственно: силы людей не подчинялись никаким признанным законам, и поэтому ничто из того, что могло предположить воображение, не выходило за пределы достоверности. Предполагалось, что некоторые люди были так редко одарены, что "тысяча печеночных ангелов" незримо ожидали их, чтобы исполнить их приказы на благо тех, кому они благоволили; в то время как гораздо чаще порочные и криворукие люди, которые наслаждались злодеяниями, навлекали на тех, кому они по какой-либо капризной причине были враждебны, бедствия, которые никакая проницательность не могла предсказать, и никакая человеческая сила не могла предотвратить и противостоять.

После десятого века осталось достаточно легковерия, чтобы в ярких красках продемонстрировать отклонения человеческого разума и создать истории, которые послужат обильным материалом для остальной части этого тома. Но до этого периода, мы можем быть морально уверены, царил самый настоящий шабаш магии и колдовства, когда ничто не было слишком диким и далеким от реальности вещей, чтобы не встретить горячий

прием, когда ужас и изумление соединялись с безымянным восторгом, а зритель был встревожен до безумия, в то же время жадно требуя все новых и новых порций полезной пищи. Чем больше нарушались известные законы мироздания и естественная возможность вещей, тем с большим одобрением принималась эта сказка, а ловкий самозванец, зная нравы своего века и умея наиболее полно завязать глаза и ввести в заблуждение своих подготовленных дурочек, собирал богатый урожай с глупости своих современников. Но я ошибаюсь, называя его самозванцем. Он навязывался не только себе, но и зияющей толпе. Его речи, даже произносимые на ходу, покоряли его собственное ухо, а ловкость, с которой он сбивал с толку наблюдательность других, приводила в недоумение его готовый рассудок и наполняла его изумлением от масштабов его достижений. Опытный авантюрист всегда был готов рассматривать себя скорее как возвышенное существо, наделенное великими и потрясающими атрибутами, чем как жалкого плута. Он стал богом своего собственного идолопоклонства и был поражен, как ведьма из Эндора в английской Библии, успехом своих заклинаний.

Но все это кануло в Лету и погребено в пучине забвения. Тысяча сказок, каждая из которых была чудеснее другой, отметили год, когда он промчался. В каждой долине были свои феи, на каждом холме - свои великаны. Ни одно уединенное жилище, не заселенное людьми, не обходилось без призраков, и ни один церковный двор в отсутствие дневного света нельзя было пересечь безнаказанно. Одаренный чародей "одурманивал

Солнце полуденное, ветры мятежные,
И между зеленым морем и лазурным сводом
Устроил ревущую войну; к страшному, грохочущему грому
Он дал огонь и расколол крепкий дуб Иова.
Своим болтом крепкий мыс.
Он заставил содрогнуться, и шпорами вырвал
Сосну и кедр".

От этих чудесных приключений сохранилась лишь малая часть. Большая их часть поглощена той пропастью забвения, в которую последовательно уходят через короткий промежуток времени все события, за исключением тех, что сохранились в памяти благодаря письменности и записям. С одиннадцатого века начинается поток исторических сведений, который с тех пор никогда полностью не ускользает от поиска прилежного исследователя. До этого периода время от времени появляется историк или разносторонний писатель: но он, кажется, появляется случайно; водоворот вскоре закрывается над ним, и все снова становится непроницаемой тьмой.

Когда началась эта череда писателей, они неизбежно были вынуждены оглянуться на предшествующие эпохи и собрать здесь и там из традиций все, что казалось особенно достойным внимания. Разумеется, все сведения, которые они могли почерпнуть, были дикими и неопределенными, на них лежала глубокая печать легковерия и удивления невежественного периода, и они все еще становились все более удивительными и абсурдными из каждой руки, через которую они проходили, и из каждого языка, который их повторял.

МЕРЛИН.

Одним из самых необычных персонажей, чья история дошла до нас, является Мерлин. Судя по всему, он был современником саксов, вторгшихся в Британию во второй половине пятого века; но, вероятно, самое раннее упоминание его имени каким-либо писателем, дошедшее

до нас, относится не ранее одиннадцатого года. Поэтому мы можем меньше удивляться тем невероятным вещам, которые о нем рассказывают. Впервые он упоминается в связи с судьбой Вортигерна, которого Джеффри Монмутский представляет как короля Англии того времени. После того как римляне вывели свои легионы с этого острова, невоинственные бритты оказались неспособны отразить вторжение нецивилизованных шотландцев и пиктов, и Вортигерн не видел иного выхода, кроме как пригласить на помощь саксов с северного континента. Саксы успешно отбили захватчика, но, сделав это, отказались возвращаться домой. Они решили обосноваться здесь и, захватив несколько городов, в конце концов пригласили Вортигерна и его главную знать на пир под Солсбери под предлогом заключения мира, где вероломно убили триста главных людей острова и бросили Вортигерна в цепи. Здесь, чтобы выкупить восстановление его свободы, они побудили его отдать приказ о сдаче Лондона, Йорка, Винчестера и других главных городов. Лишившись всех своих крепостей, он посоветовался со своими магами, как ему обезопасить себя от этого страшного врага. Они посоветовали ему построить неприступную башню и указали место, где она должна быть возведена. Но, к сожалению, их совет не оправдался: все работы, которые его инженеры проделали при строительстве в один день, земля поглотила, так что на следующий день от башни не осталось и следа. По поводу этого нового несчастья снова обратились к магам, и они сказали королю, что исправить это бедствие можно только скрепив стены его здания кровью человека, который родился не от человеческого отца.

Вортигерн разослал своих эмиссаров во все стороны в поисках этой жертвы, и в конце концов по странной удаче они набрали на Мерлина близ города Кермартена, который рассказал им, что его мать была дочерью короля, но что она родила от него ребенка от существа ангельской природы, а не от человека. Не успели они получить эти сведения, как схватили его и поспешили к Вортигерну, как того требовала жертва. Но в присутствии короля он посрамил магов; он сказал королю, что на месте, которое они выбрали для его башни, есть озеро, осушив которое, они найдут на дне двух драконов с неистребимой враждой, что под этим обликом скрываются бритты и саксы, и все это на опыте оказалось правдой.

Вортигерн вскоре умер, и его сменил сначала Амброзий, а затем Утер Пендрагон. Мерлин был уверен в себе всех этих королей. По отношению к Утеру он проявил преступную покладистость. Утер отчаянно влюбился в Игерну, жену герцога Корнвальского, и тщетно пытался соблазнить ее всеми способами. Посоветовавшись с Мерлином, волшебник придумал с помощью необыкновенного снадобья превратить Утера в герцога. Герцог укрыл жену для безопасности в очень крепкой башне; но Утер в новом облике проник туда незамеченным, и добродетельная Игерна приняла его в свои объятия, благодаря чему у него родился Артур, впоследствии самый знаменитый государь этого острова. Утер подстроил так, чтобы герцог, ее муж, был убит в бою, и тут же женился на прекрасной Игерне, сделав ее своей королевой.

Следующий подвиг Мерлина был связан с намерением воздвигнуть памятник, который должен стоять вечно, в память о трехстах английских дворянах, истребленных саксами. В результате этого замысла появилось необычное сооружение под названием Стоунхендж. Эти могучие камни, которые никакая человеческая сила не смогла бы поставить в такое положение, в котором мы их видим, первоначально были установлены в Африке, а затем неизвестными путями перевезены в Ирландию. Мерлин повелел перевезти их через море и установить там, где они находятся сейчас, на Солсберийской равнине. Рабочие, получив его указания, приложили все свои силы и умение, но не смогли сдвинуть ни одного из них. Мерлин, некоторое время наблюдая за их усилиями, наконец применил свою магию, и, к

всеобщему изумлению, камни самопроизвольно покинули место, в которое их поместили, поднялись на огромную высоту в воздух, а затем продолжили путь, предписанный Мерлином, и в конце концов осели в Уилтшире, именно в том положении, в котором мы их сейчас находим, и которое они сохраняют навсегда.

Последнее из описанных приключений Мерлина связано с его замыслом окружить родной город Кермартен медной стеной. Он поручил исполнение этого проекта множеству извергов, которые трудились над планом под землей в соседней пещере. [Тем временем Мерлин влюбился в сверхъестественное существо по имени Леди Озера. Леди долго сопротивлялась его настойчивым просьбам и вообще не желала уступать ему. Однако однажды она поспешила за ним, и Мерлин, конечно же, не преминул выполнить ее приглашение. Тем не менее, прежде чем отправиться в путь, он строго-настрого приказал извергам ни в коем случае не прекращать работу, пока они не увидят его возвращения. По замыслу дамы, он должен был пошутить с ним и ускользнуть от его внимания. Мерлин же, надеясь смягчить ее суровость, взялся продемонстрировать ей чудеса своего искусства. Среди прочего он показал ей гробницу, в которую поместились два тела, а заодно научил ее чарам, с помощью которых гробница закрывалась и больше никогда не открывалась. Леди притворилась, что не верит в то, что гробница достаточно широка для своей цели, и уговорила доверчивого Мерлина войти в нее и поместить себя в качестве мертвеца. Не успела она добиться успеха, как закрыла крышку усыпальницы и, произнеся заклинание, сделала так, чтобы ее нельзя было открыть до самого судного дня. Так, по преданию, Мерлин был закрыт, превратившись в тленное и гниущее тело с живой душой, в которую все еще была вложена способность возвращать в звуках пророческий ответ тем, кто обращался к нему как к оракулу. Тем временем изверги, работавшие в пещере близ Каермартена, помня о предписании своего наставника не прерывать трудов до его возвращения, вечно продолжали свое дело; И путник, проезжающий по этой дороге, если приложит ухо к устью пещеры, может услышать жуткий шум железных цепей и медных котлов, громкие удары молота и звон наковальни, перемежающиеся со стуком и стонами рабочих, достаточный, чтобы расстроить мозг и привести в замешательство способности того, кто хоть какое-то время будет прислушиваться к этому грохоту.

Поскольку между временем Мерлина и самыми ранними известными записями о его достижениях прошло шестьсот лет, невозможно сказать, что он действительно претендовал на исполнение, и как велики были дополнения, которые последующие репортеры приложили к чудесам его искусства, больше, чем сам пророк, возможно, когда-либо мечтал. В более поздние времена, когда историки были современниками тех, кто совершал предполагаемые чудеса, или те, кто по этим причинам прославился, завещали потомству определенные литературные произведения, мы, возможно, сможем составить некоторое предположение о том, в какой степени герои сказки заблуждались или заблуждаются, и сможем проявить свою проницательность в вопросе, благодаря какой странной особенности ума приключения, которые мы сейчас считаем невозможными, получили столь всеобщее признание. Но в случае с Мерлином, который жил во времена, столь отдаленные от тех, в которые, как известно, впервые была записана его история, невозможно определить, в какое время начали сообщать о вымысле, ставшем впоследствии общепринятым, и слышал ли человек, которому вменялись чудеса, или видел ли он во сне те необыкновенные вещи, которые ему представляются как совершенные.

СВ. ДУНСТАН.

Не менее известным человеком в темные века, который, подобно Мерлину, жил в доверии у сменявших друг друга королей, был святой Дунстан. Он родился и умер в десятом веке.

Записывать приключения и происшествия из жизни таких людей небезынтересно, так как они, хотя и перемежаются неправдоподобными историями, помогают нам понять вкусы и пристрастия тех времен, в которые жили эти люди, а также те достижения, которые были необходимы для их успеха.

Говорят, что святой Дунстан был человеком знатного происхождения, а первые годы своей жизни провел в разврате. Однако он, несомненно, был человеком с самыми необычными природными данными. Честолюбие рано зажглось в его груди, и он проявлял величайшую способность к приобретению любого таланта или искусства, на которое обращал свое внимание. Его распутная карьера была быстро остановлена опасной болезнью, в которой его уличили врачи. Когда он лежал, казалось, на пороге смерти, ему внезапно явился ангел, принесший лекарство, которое мгновенно исцелило его. Святой немедленно поднялся с постели и поспешил в ближайшую церковь, чтобы возблагодарить Бога за свое выздоровление. Когда он проходил мимо, дьявол, окруженный сворой черных собак, вмешался, чтобы преградить ему путь. Однако Дунстан смело пустил в ход жезл, который держал в руке, и его противники обратились в бегство. Когда он подошел к церкви, то обнаружил, что двери закрыты. Но тот же ангел, который совершил его исцеление, оказался рядом и, взяв его за волосы, поставил перед главным алтарем, где он с должным рвением совершал свои богослужения.

Чтобы искупить вину за неправильную жизнь, святой Дунстан уединился от мира и построил для себя келью в аббатстве Гластонбери, настолько узкую, что он не мог ни стоять в ней прямо, ни вытянуть конечности в покое. Он принимал едва ли столько пищи, сколько хватало на жизнь, и истязал свою плоть частыми издевательствами.

Однако во время уединения он не проводил время в праздности и безделье. Он с величайшим рвением занимался учебой и достиг больших успехов в философии, богословии, живописи, скульптуре и музыке. Кроме того, он был замечательным химиком, преуспел в изготовлении золота и других металлов, а также отличался удивительным мастерством в искусстве магии.

Во время всех этих мучений и тяжелой работы он, похоже, стал жертвой необычных видений и фантазий. Среди прочего, дьявол посетил его в келье и, просунув голову в окно, беспокоил святого непристойными и богохульными речами и самыми страшными искажениями черт его лица. В конце концов Дунстан, устав от своего упорства, схватил раскаленные щипцы, которыми он проводил какой-то химический эксперимент, и, схватив дьявола за нос, держал его с величайшей твердостью, в то время как сатана наполнял своими воплями всю округу на много миль вокруг. Как бы необычно это ни выглядело, но это одно из самых ярких происшествий в жизни святого, и его изображения вечно повторялись на древней резьбе и в иллюминации церковных витражей.

Это был как раз тот период, когда папа и его приверженцы завоевывали наибольшее господство в христианском мире. Доктрина транссубстанции была теперь в высшей моде, а вместе с ней и еще более важная для империи католической церкви заповедь - безбрачие духовенства. Поначалу это было установлено не без ожесточенной борьбы. Светское духовенство, от которого требовалось сразу же отказаться от своих жен как от наложниц, а от детей - как от бастардов, всеми силами своей природы восставало против этого предписания. Регулярное духовенство, или монахи, явно соперничало со светским и присваивало себе, насколько это было возможно, все повышения и достоинства, как церковные, так и гражданские. Святой Августин, впервые насадивший христианство на этом острове, был монахом-бенедиктинцем, и бенедиктинцы долгое время пользовались

высочайшей репутацией в католической церкви. Святой Дунстан также был бенедиктинцем. В его время вопрос о безбрачии духовенства был самым ожесточенным, и Дунстан был главным поборником нового института в Англии. Спор велся с большим ожесточением. Многие из самых влиятельных дворян, движимые жалостью к страдальцам или побуждаемые родственными связями, поддерживали дело светских лиц. По этому вопросу было проведено три последовательных синода; и, как утверждают, дело природы одержало бы верх, если бы Дунстан и его единомышленники не призвали на помощь чудеса. В одном случае распятие, установленное на видном месте в месте собрания, в критический момент подало голос: "Будьте тверды! Вы однажды приняли правильное решение; не изменяйте своим постановлениям". В другой раз пол места собрания частично провалился, сбросив нечестивых противников безбрачия вниз, в то время как Дунстан и его спутники, находившиеся в другой части собрания, чудом остались невредимы.

В этих случаях Дунстан, казалось, участвовал в деле религии и мог считаться ревностным, хотя и ошибочным, защитником христианской простоты и чистоты. Но он не довольствовался ролью святого. Он проникся благосклонностью к Эдреду, внуку Альфреда, который после двух или трех коротких правлений унаследовал трон. Эдред был неактивным принцем, но находился под властью религиозных предрассудков, и Дунстан, будучи представлен ему, нашел в нем подходящий объект для своих махинаций. Сначала Эдред сделал его аббатом Гластонбери, одного из самых влиятельных церковных сановников в Англии, а затем казначеем королевства. Во время правления этого принца Дунстан распоряжался всеми церковными делами и даже сокровищами королевства по своему усмотрению.

Но Эдред занимал трон всего девять лет, и в раннем семнадцатилетнем возрасте его сменил Эдви, который, как говорят, был наделен всеми изяществами форм, а также максимальной твердостью и неустрашимостью духа. Дунстан сразу же воспылал ревностью к этим качествам и воспользовался удобным случаем, чтобы попытаться обезвредить их. Эдви воспылал страстью к принцессе королевского дома и даже женился на ней, хотя и в пределах степеней, запрещенных каноническим правом. Остальная часть истории дает живое представление о нравах этих варварских времен. Одо, архиепископ Кентерберийский, послушное орудие Дунстана, в день коронации вместе со своим пособником вторгся в личные апартаменты, куда король удалился со своей королевой, сопровождаемый только ее матерью; и здесь честолобивый аббат, осыпав Эдви самыми горькими упреками за его бесстыдную чувственность, силой вытолкнул его обратно в зал, где вельможи королевства все еще были заняты пиром.

Пылкий молодой принц был глубоко возмущен таким недостойным обращением и, воспользовавшись случаем, призвал Дунстана к ответу за махинации в казне при жизни покойного короля. Священник отказался отвечать, и в результате он был изгнан из королевства.

Но он оставил после себя верного и преданного коадьютора в лице архиепископа Одо. Этот прелат, как говорят, действительно ворвался с отрядом солдат во дворец и, схватив королеву, варварски прижег ей щеки раскаленным железом и отправил пленницей в Ирландию. Затем он приступил к оформлению развода, которому несчастный король был вынужден подчиниться. Тем временем королева, вернув себе красоту, нашла способ бежать и, переправившись через Ла-Манш, поспешила к мужу. Но и здесь священники проявили ту же активность, что и раньше. Они перехватили королеву в пути и самыми жестокими способами попытались сделать ее калекой на всю жизнь. Однако принцесса не поддавалась на эксперимент и покончила со своим существованием и бедами вместе.

Против святотатца Эдви поднялось восстание, и весь север Англии, взбунтовавшись, перешел под власть его брата, мальчика тринадцати лет от роду. В разгар этих приключений Дунстан вернулся с континента и бесстрашно явился в родную страну. Его партия повсюду одерживала победы; Одо был мертв, его поставили архиепископом Кентерберийским, а Эдви, которого со всех сторон угнетали беды, безвременно сгинул в могиле.

Остаток жизни Дунстана прошел в сравнительном спокойствии. Он ставил и снимал королей по своему усмотрению. Эдгар, преемник Эдви, обнаружил счастливую середину энергии и власти государя в сочетании со склонностью потакать честолубивой политике священства. Он был развратен в своих похождениях, не теряя при этом ни капли своего превосходства в качестве государя. Однако процарствовал он всего несколько лет; после его смерти Дунстан нашел способ посадить на трон своего старшего сына под особым покровительством, вопреки интригам честолубивой Эльфриды, второй жены короля, которая подвигла небо и землю, чтобы корона перешла к ее собственному сыну, еще сравнительно младенцу.

В этом повествовании перед нами предстает живая картина того, какими средствами честолубие достигало своих целей во тьме десятого века. Дунстан был наделен всеми теми достоинствами, которые, казалось бы, в любую эпоху могли привести к высочайшим достижениям. И все же, кажется, напрасно он был так квалифицирован, если бы не опустил до искусства, которое соответствовало грубым предрассудкам его современников. Он постоянно прибегал к помощи чудес. Он предавался практике строжайшей дебилизации. Он изучал и преуспевал во всех известных в то время науках и искусствах. Но главной его зависимостью было искусство магии. История о том, как он взял дьявола за нос раскаленными щипцами, кажется, оказала ему большую услугу, чем любое другое приключение в его жизни. В другие времена он мог бы добиться успеха в реализации своих политических амбиций с помощью благовидных и ухищренных средств. Но в те времена, в которые он жил, необходимо было действовать с блеском и так, чтобы сбить с толку всех противников. Требовалась максимальная решимость, чтобы одержать верх над теми, кто в противном случае мог бы побудить его к борьбе с ним. Поэтому кажется, что он правильно оценил понимание своих современников, когда вытащил молодого короля из места его уединения и силой привел его в собрание знати. А немыслимое варварство, проявленное по отношению к королеве, которое сделало бы его имя ужасным в более цивилизованный век, было точно рассчитано на то, чтобы подавить чувства и подчинить себе понимание людей, среди которых он жил. Главным качеством, которым он отличался, была уверенность в себе, поведение, которое показывало, что он действовал из самых полных убеждений и никогда не сомневался в том, что его действия получили непосредственное одобрение небес.

СВЯЗЬ ЕВРОПЫ С САРАЦИНАМИ

Судя по всему, примерно в конце десятого века любопытные и пытливые духи Европы впервые обратились к Востоку как к источнику информации и искусства, в которых они обнаружили явный недостаток среди своих соотечественников. Мы видели, что в Персии была непрерывная череда профессоров в искусстве магии: и когда последователи Магомета своими успехами завоевали превосходство над большей частью Азии, над всем, что было известно об Африке, и над значительной частью Европы, у них постепенно проснулось желание культивировать науки, и в частности стать мастерами всего, что было наиболее либеральным и выдающимся среди учеников Зороастра. К этому они добавили любопытство к греческой учености, особенно в том, что касалось медицины и исследования физических сил природы. Багдад стал выдающимся центром обучения; и, возможно, рядом с Багдадом

Испания под властью сарацинов, или мавров, была главной обителью для профессоров изобретательности и литературы.

ГЕРБЕРТ, ПАПА СИЛЬВЕСТР II.

Вследствие такого положения вещей наиболее любознательные люди Европы постепенно стали прибегать к практике посещения Испании с целью расширения сферы своих наблюдений и знаний. Среди прочих Герберт, как сообщается, был первым из христианского духовенства, кто решил смешаться с последователями Магомета, чтобы узнать от них вещи, знание о которых было невозможно получить на родине. Говорят, что этот щедрый авантюрист, движимый неутолимой жаждой информации, тайно удалился из своего монастыря Флери в Бургундии и провел несколько лет среди сарацинов Кордовы. Здесь он познакомился с языком и знаниями аравийцев, в частности с их астрономией, геометрией и арифметикой; считается, что он был первым, кто передал северу и западу Европы знание арабских цифр - науки, которую на первый взгляд можно презреть за ее простоту, но которая по своим последствиям является немаловажным инструментом в одурманивании человеческого интеллекта. Он также ввел использование часов. Он также считается необычайно искусным в искусстве магии; среди прочего, говорят, что он сконструировал медную голову, которая отвечала, когда к ней обращались, и оракульно решала многие сложные вопросы. [Тот же историк уверяет нас, что Герберт с помощью искусства некромантии совершал различные открытия спрятанных сокровищ, и рассказывает во всех подробностях о волшебном дворце, который он посетил под землей, с многократным великолепием арабской сказки, но отличавшимся тем, что, хотя его великолепие ослепляло зрение, оно не выдерживало испытания чувств, а исчезало в воздухе, как только к нему пытались прикоснуться.

С Гербертом, как и со святым Дунстаном, случилось так, что он соединил в себе честолюбивый ум и безграничный дух амбиций с интеллектуальным любопытством, которое уже было описано выше. Первый шаг, который он сделал в общественной жизни, и карьера, к которой он стремился, состояли в том, что он был назван прецептором сначала Роберта, короля Франции, сына Хью Капета, а затем Отто Третьего, императора Германии. Хью Капет назначил его архиепископом Реймским; но, поскольку это достоинство оспаривалось у него, он удалился в Германию и, став необычайно любимым Отто Третьим, под влиянием этого принца был возведен сначала в архиепископы Равенны, а затем в папы под именем Сильвестра Второго. [152]

Кардинал Бенно, который был приверженцем антипап и по этой причине, как предполагается, клеветал на Герберта и нескольких его преемников, утверждает, что его постоянно подстерегали демоны, что с их помощью он получил папскую корону, и что дьявол, которому он продался, честно обещал ему, что он будет жить, пока не отслужит в Иерусалиме первую мессу. Однако это было всего лишь плутовством злого духа, и Герберт действительно умер, вскоре после того как официально совершил причастие в церкви Святого Креста в Иерусалиме, которая является одним из семи районов города Рима. Это событие произошло в 1008 году. [153]

БЕНЕДИКТ ДЕВЯТЫЙ.

Согласно тому же авторитету, в это время колдовство широко практиковалось некоторыми из высших сановников церкви, а пять или шесть пап подряд были печально известны этими святотатственными практиками. Примерно в этот же период папская кафедра достигла своего наинизшего состояния деградации; этот сан неоднократно выставлялся на продажу, а правление Герберта, человека выдающихся способностей и достижений, является почти

единственной искупительной чертой века, в котором он жил. В конце концов тиара стала покупкой честолубивой семьи, которая уже поставила двух пап, в пользу мальчика двенадцати лет, правившего под именем Бенедикта Девятого. Этот юноша, повзрослев, запятнал свое правление всевозможным распутством и развратом. Но даже он, по словам Бенно, был учеником в школе Сильвестра и стал неплохим знатоком колдовских искусств. Среди прочего он своими заклинаниями заставлял римских матрон следовать за ним в войсках по лесам и горам, будучи околдованными, а их души покорены непреодолимыми чарами его магии. [154]

ГРИГОРИЙ СЕДЬМОЙ.

Бенно представляет нам регулярный каталог церковных колдунов этого периода: Бенедикт Девятый и Лаврентий, архиепископ Мельфи, (каждый из которых, по его словам, обучался искусству у Сильвестра), Иоанн XX и Григорий VI. Но самые яростные обвинения он направляет против Григория VII, который, как он утверждает, в начале своей карьеры был постоянным спутником и помощником этих сановников в незаконных практиках такого рода.

Григорий VII, чье первоначальное имя было Гильдебранд, является одним из великих поборников римской церкви и сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы установить закон о безбрачии духовенства и вырвать покровительство церковных сановников из рук мирян. Суровость нравов и непреклонность решимости выполнить все, что он задумал, как нельзя лучше подходили для этого дела.

Его великим противником был Генрих Четвертый, император Германии, молодой принц высокого духа, которому в то время (1075) было двадцать четыре года. Григорий послал вызвать его в Рим, чтобы ответить на обвинение в том, что он, как и все его предшественники, будучи мирянином, присвоил себе церковные достоинства. Генрих отказался подчиниться и был немедленно отлучен от церкви. В отместку за этот проступок император, как говорят, отдал приказ одному из разбойников, который, воспользовавшись удобным случаем, схватил папу во время чтения мессы в одной из церквей Рима и отнес его пленником в башню в городе, находившуюся во владении этого авантюриста. Но не успели об этом узнать, как жители Рима массово поднялись и спасли своего духовного отца. Тем временем Генрих, чтобы продолжить свой удар, собрал в Вормсе синод, который объявил папе, что за многочисленные преступления он низложен со своего верховного сана, и, соответственно, издал указ о его низложении. Но у Генриха не было сил, чтобы привести этот указ в исполнение, и Григорий со своей стороны вынес императору приговор о низложении, повелев немцам избрать вместо него нового императора. Тогда стало очевидно, что в этот век невежества и религиозного порабощения духовная рука, по крайней мере в Германии, была сильнее мирской; и Генрих, зрело рассмотрев опасности, которые его окружали, принял решение перейти Альпы только с несколькими domestici и, явившись к папе, подвергнуть себя такому покаянию, какое понтифик наложит. Григорий в это время находился в Канозе, крепости за Неаполем, которая была окружена тремя стенами. Генрих, без сопровождающих, был допущен в первую стену. Здесь от него потребовали сбросить все символы королевской власти, надеть волосяную рубашку и босиком ожидать благоволения его святейшества. Так он и стоял, постясь с утра до вечера, не получая ни малейшего уведомления от понтифика. Это было в январе месяце. Он прошел через то же испытание на второй день, и на третий. На четвертый день утром он был допущен к святому отцу. Однако они расстались еще более непримиримыми в душе, чем прежде, хотя каждый сохранял видимость доброй воли. Папа настаивал на том, чтобы Генрих подчинился решению конгресса в Германии, президентом которого он себя назначил; а император, возмущенный таким обращением, решил не поддерживать никаких отношений с Григорием. Генрих

приступил к избранию антипапы, Климента Третьего, а Григорий покровительствовал новому императору, Родольфу, герцогу Суабскому. Однако Генрих обычно добивался успеха в своих военных предприятиях; он победил Родольфа в двух сражениях, в последнем из которых его противник был убит. На Бриксенском синоде, на котором был избран Климент Третий, Григорий был осужден как маг и некромант. Император, окрыленный своими победами, двинулся на Рим и взял его, за исключением замка Сант-Анджело, в котором затворился папа; а тем временем Генрих устроил торжественную инаугурацию антипапы, своего креатура, в Латеранской церкви. Однако Григорий, никогда не унывающий и не исчерпывающий своих возможностей, призвал на помощь норманнов, которые недавно отличились своими победами в Неаполе и Сицилии. Роберт Гискар, норманнский вождь, изгнал немцев из Рима, но после некоторых размолвок между понтификом и его освободителем город был отдан на разграбление, и Григорий с радостью укрылся в Салерно, столице своего норманнского союзника, где вскоре скончался, будучи изгнанником и беглецом.

Григорий, несомненно, был человеком необычайных способностей и непобедимого мужества. Он не дожил до триумфа своей политики, но его проекты по возвышению церкви в конце концов увенчались успехом, на который могли рассчитывать самые смелые его желания. Вдобавок ко всему прочему случилось так, что графиня Матильда, принцесса, которая сама по себе обладала обширными владениями в Италии, почти соизмеримыми с тем, что с тех пор называют церковным государством, при жизни передала папе и подтвердила своим завещанием все эти территории, что в основном способствовало тому, что он и его преемники стали столь значительными мирскими князьями, какими они предстали с тех пор.

Однако именно как колдун Григорий VII (Гильдебранд) занимает место в этом томе. Бенно рассказывает, что, приехав однажды со своей виллы в Альбане, он обнаружил, входя в Латеранскую церковь, что оставил позади себя свою магическую книгу, которую имел обыкновение носить при себе. Он немедленно послал за ней двух верных слуг, пригрозив им, что попытается заглянуть в книгу. Однако любопытство взяло верх над страхом. Они открыли книгу и начали читать, как вдруг появились несколько дьяволов и сказали: "Мы пришли повиноваться твоим приказам, но, если нам покажется, что с нами шутки плохи, мы непременно обрушимся на тебя и уничтожим". Слуги, сильно испугавшись, ответили: "Наша воля состоит в том, чтобы вы немедленно обрушили такую часть городской стены, которая сейчас перед нами". Дьяволы послушались, и слуги избежали нависшей над ними опасности. [155] Далее говорится, что Григорий был настолько сведущ в магических искусствах, что мог извергать молнии, тряся рукой, и пускать громы из рукава. [156]

Но самое яркое обстоятельство из жизни Григория, которое послужило основанием для обвинения его в некромантии, заключается в том, что, когда Родольф выступил в поход против Генриха IV, папа был настолько уверен в его успехе, что осмелился публично пророчествовать, как в устной, так и в письменной форме, что его противник будет побежден и погибнет в этой кампании. "Нет, - добавил он, - это пророчество исполнится до дня святого Петра; и я не желаю больше быть признанным папой, кроме как при условии, что это сбудется". Добавим, что Родольф, полагаясь на предсказание, шесть раз возобновлял битву, в которой в конце концов погиб он, а не его соперник. Но этого недостаточно, чтобы обосновать обвинение в некромантии. Далее отмечается, что Григорий был глубоко погружен в притворную науку судебной астрологии; и это, без необходимости прибегать к дьявольской помощи, может в достаточной степени объяснить несомненную уверенность, с которой он рассчитывал на это событие.

Между тем это высказывание имеет большое значение, поскольку иллюстрирует дух времени в целом и характер Григория в частности. Родольф, претендент на империю, настолько воодушевился этим пророческим заверением, что, пять раз получив отпор, на шестой раз все же повел свои войска и погиб жертвой своей веры. Его последователи также не были менее воодушевлены, чем он, и по той же причине. Из той же истории мы видим, что Григорий не был искусным и хитрым самозванцем, а был человеком, воодушевленным подлинным энтузиазмом. И это действительно необходимо для объяснения всего его поведения. Дерзость, с которой он противостоял притязаниям Генриха, и неслыханная суровость, с которой он обошелся с ним в крепости Каноса, объясняются одной и той же чертой характера. Непобедимое упорство в сочетании с огромными ресурсами интеллекта и возвышенным духом позволяет человеку в полной мере осуществить то, о чем человек с более низкими способностями не осмелился бы даже мечтать. И Григорий, как и святой Дунстан, добился невероятного, умело приспосабливаясь к обстоятельствам и пользуясь нравами и слабостями своих современников.

ДУФФ, КОРОЛЬ ШОТЛАНДИИ.

Не стоит удивляться, что, когда такие вещи происходили в Италии, главном очаге всей образованности и утонченности, существовавшей в то время в Европе, крайние северные и западные районы были преданы слепому суеверию. Среди прочих примеров мы имеем следующий рассказ о Даффе, короле Шотландии, который вступил на престол около 968 года. Он нашел свое королевство в величайшем беспорядке из-за многочисленных разбойничьих шаяк, многие из которых были людьми высокого происхождения, но не имели достаточных средств к существованию. Дафф решил положить конец их грабёжам и оградить от насильственного вторжения тех, кто искал спокойной поддержки в возделывании плодов земли. Он исполнял закон против этих нарушителей без различия лиц, чем нажил себе многочисленных и могущественных врагов. Однако в разгар своей деятельности он внезапно заболел и оказался прикованным к постели. Врачи никак не могли объяснить причину его недомогания. Они не нашли в его теле избытка какого-либо вещества, которому можно было бы приписать болезнь; цвет его кожи был свеж, глаза живы, аппетит умеренный и здоровый. Но при всем этом он совершенно не любил спать; у него было неумеренное потоотделение, и от него почти ничего не осталось, кроме кожи и костей. Тем временем поступила тайная информация, что все это зло - результат колдовства. И когда был указан дом, в котором колдуны проводили свои шабаши, отряд солдат был послан, чтобы застать их врасплох. Распахнув двери, они обнаружили, что одна женщина жарит на вертеле у огня восковое изображение короля, настолько похожее на него во всех чертах, что не оставалось сомнений в том, что оно было создано искусством дьявола, а другая сидела рядом, деловито произнося какие-то заклинательные стихи, по которым, когда воск таял, король покрывался потом, и, как только он полностью растворялся, немедленно наступала его смерть. Ведьмы были схвачены и по их собственному признанию сожжены заживо. Образ был разбит на куски, и каждый его фрагмент уничтожен. И не успело это произойти, как Дафф провел всю ту ночь в самом освежающем и здоровом сне, а на следующий день встал без малейших остатков своей болезни". [157]

Однако это облегчение длилось недолго. Едва поправившись, он, как и прежде, занялся преследованием преступников, которых без разбора предавал суровому наказанию. Среди них случайно оказались два молодых человека, близкие родственники правителя замка Форес, которые до сих пор были самыми верными приверженцами короля. Эти юноши были введены в заблуждение дурной компанией, и губернатор самым искренним образом просил Даффа об их помиловании. Но король был неумолим. Как он всегда полностью доверял их

отцу, так и продолжал доверять, не вызывая ни малейших подозрений. В ночь после казни король спал в замке Форес, как он часто делал это раньше; но правитель, испытывая сильнейшую злобу из-за полученного отпора и к тому же подстрекаемый своей женой, среди ночи убил Даффа в его постели, когда тот спал. Его правление продлилось всего четыре года. [158]

МАКБЕТ.

Седьмым королем Шотландии после Даффа, с интервалом в шестьдесят восемь лет, был Макбет. Историк начинает свой рассказ о колдовстве в конце правления Дункана, своего предшественника, со слов: "Вскоре после этого случилось странное и нелюдимое чудо, которое впоследствии стало причиной многих бед в королевстве Шотландии. По счастливой случайности, когда Макбет и Банко направлялись в Форес, где в то время лежал король, они шли по дороге вместе, не имея другой компании, кроме себя, проходя через леса и поля, как вдруг посреди прачечной им встретились три женщины в странных и странных одеждах, похожих на существ из древнего мира, которых они внимательно разглядывали, сильно удивляясь этому зрелищу, и первая из них заговорила и сказала: "Приветствую тебя, Макбет, танец Глэмиса (ибо он недавно вступил в этот сан и должность после смерти своего отца Сайнела). Второй из них сказал: "Приветствуем Макбета, тана Кавдора". Третий же сказал: "Приветствую тебя, Макбет, который в будущем станет королем Шотландии". Тогда Банко: "Что вы за женщины, - сказал он, - что так мало благоволите ко мне, тогда как моим товарищам, кроме высоких должностей, вы даете еще и королевство, ничего не назначая для меня? Да, говорит первая из них, мы обещаем тебе большие блага, чем ему, ибо он действительно будет царствовать, но с неудачным концом, и не оставит после себя потомства, которое могло бы занять его место; ты же, напротив, не будешь царствовать вовсе, но от тебя родятся те, кто будет управлять Шотландским королевством по давнему порядку непрерывного происхождения. При этом вышеупомянутые женщины сразу же исчезли из виду.

"Поначалу Макбет и Банко считали это не более чем пустой фантастической иллюзией, так как Банко в шутку называл Макбета королем Шотландии, а Макбет в шутку называл его отцом многих королей. Но впоследствии было распространено мнение, что эти женщины были либо странными сестрами, то есть (как вы бы сказали) богинями судьбы, либо какими-то нимфами или феями, наделенными пророческими способностями благодаря своей некромантической науке, потому что все сбывалось так, как они говорили.

"Ибо вскоре после этого, осужденный в Форесе за измену королю, тэн Кавдорский по милости короля отдал Макбету свои земли, владения и должности". [159]

У Малькольма, предыдущего короля Шотландии, было две дочери, одна из которых была матерью Дункана, а другая - Макбета; и в силу этого происхождения Дункан наследовал корону. Таким образом, воцарение Макбета было не очень отдаленным, если он пережил нынешнего короля. В связи с этим Макбет, хотя и с большим вниманием отнесся к предсказаниям странных сестер, все же решил выждать время, полагая, что, как и в случае с его прежним престолонаследием, все может произойти без его помощи. Но у Дункана было два сына, Малькольм Каммор и Дональд Бейн. Закон престолонаследия в Шотландии гласил, что если после смерти царствующего государя тот, кто должен был стать преемником, не достигал достаточного возраста, чтобы взять на себя управление государством, то им становился тот, кто был ближайшим по крови к нему. Однако в этот момент Дункан сделал своего старшего сына Малькольма принцем Камберлендским, и этот титул стал считаться его наследником престола. Макбет был сильно встревожен этим, поскольку это лишало его

надежд, на которые, как он считал, он имел право: слова странных сестер все еще звучали в его ушах, а жена честолюбивыми речами побуждала его к подвигу, и он, вместе с несколькими надежными друзьями, среди которых был Банко, пришел к решению убить короля в Инвернессе. Когда дело было сделано, Малькольм, старший сын Дункана, бежал в Камберленд, а Дональд, второй, - в Ирландию. [160]

Макбет, ставший королем Шотландии в 1010 году, правил десять лет с большой популярностью и овациями, но по истечении этого срока изменил свой образ правления и стал тираном. Первое его действие в этом образе было направлено против Банко. Он вспомнил, что странные сестры пообещали Банко, что он станет отцом целого рода королей. Охваченный этим воспоминанием, Макбет пригласил Банко и его сына Фланса на ужин и назначил убийц, которые должны были убить их обоих по возвращении. Банко был убит, но Фланс, пользуясь темнотой ночи, спасся. [161]

Это убийство навлекло на Макбета большую дурную славу, так как каждый человек стал сомневаться в безопасности своей жизни, а Макбет в то же время опасался недоброжелательного отношения своих подданных. Поэтому он принялся уничтожать всех, против кого у него возникали хоть какие-то подозрения, и с каждым днем все больше и больше обаграл свои руки кровью. Чтобы обезопасить себя, он построил замок на вершине высокого холма, называемого Дансиннан, который располагался на таком возвышении, что к нему невозможно было подойти враждебно. Эту работу он вел, требуя, чтобы все ярлыки королевства, каждый по очереди, приходили с набором рабочих, чтобы помочь в строительстве. Когда очередь дошла до Макдуфа, тана Файфа, он прислал рабочих, но сам не пришел, как это сделали другие. С тех пор Макбет стал относиться к Макдуфу с вечной подозрительностью. [162]

Между тем Макбет, помня, что истоки его нынешнего величия заключались в пророчестве странных сестер, постоянно пристрастился к консультациям с чародеями. Те, с кем он советовался, предупреждали его, чтобы он остерегался Макдуфа, который в грядущее время попытается его погубить. Это предупреждение, несомненно, оказалось бы роковым для Макдуфа; если бы, с другой стороны, Макбет не был воодушевлен предсказанием некой ведьмы, которой он очень доверял, что он никогда не будет побежден, пока лес Бернана не подойдет к замку Дансиннан, и что он не будет убит ни одним мужчиной, рожденным от женщины; и то, и другое он считал невозможным. [163]

Однако эта тщетная уверенность побуждала его совершать множество возмутительных поступков; в то же время он был так вечно обеспокоен, что в каждом дворянском доме держал по одному слуге, чтобы быть в курсе всего, что говорили или замыслили против него. Примерно в это время Макдуф бежал к Малькольму, который укрылся при дворе Эдуарда Исповедника, и Макбет с сильным отрядом прибыл в Файф с целью его удивить. Хозяин был в безопасности, и те, кто находился в замке Макдуфа, отворили ворота, думая, что от приема короля не случится беды. Но Макбет, раздраженный тем, что упустил свою добычу, велел зарезать жену и детей Макдуфа и всех, кто оказался в замке. [164]

Вскоре после этого Малькольм и Макдуф, подкрепленные десятью тысячами англичан под командованием Сейварда, графа Нортумберленда, выступили в поход на Шотландию. Подданные Макбета ежедневно уходили от него, чтобы присоединиться к захватчикам; но он был настолько уверен в предсказаниях, которые были ему даны, что по-прежнему считал, что никогда не будет побежден. Тем временем Малькольм, приблизившись к замку Дансиннан, велел своим людям срубить каждому по суку из дерева Бернана, настолько большому, насколько он сможет выдержать, чтобы застать тирана врасплох. Макбет увидел и подумал,

что дерево приближается к нему; но он вспомнил о пророчестве, вывел и собрал своих людей. Когда же враги отбросили сучья и показалась их грозная численность, Макбет со своими силами немедленно обратился в бегство. Макдуф преследовал его и шел по пятам, когда тиран повернул коня и воскликнул: "Зачем ты преследуешь меня? Знай, что предписано, чтобы ни одно существо, рожденное от женщины, никогда не смогло одолеть меня". Макдуф мгновенно ответил: "Я тот, кто призван убить тебя. Я не был рожден от женщины, но был безвременно вырван из чрева моей матери". И, сказав это, он убил его на месте. Макбет царствовал целых семнадцать лет. [165]

ВИРГИЛИЙ.

Одна из самых любопытных подробностей, которую нельзя не упомянуть в истории колдовства, - это различные достижения в искусстве магии, о которых рассказывал поэт Вергилий. Я привожу их здесь, потому что они не могут быть прослежены дальше одиннадцатого или двенадцатого века. Место погребения этого выдающегося человека находилось в Паусилиппо, недалеко от Неаполя; неаполитанцы на протяжении многих веков питали особое почтение к его памяти; предполагается, что старые баллады и песни менестрелей севера Италии впервые породили эту идею о нем. [Вульгарные жители этого города, полные воображения и поэзии, придумали считать его гением-хранителем этого места; и, развивая эту концепцию, они представляли его при жизни одаренным сверхъестественными способностями, которые он использовал различными способами для блага города, который он так любил. Как бы то ни было, похоже, что Жерве из Тилбери, канцлер Оттона Четвертого, императора Германии, Гелинандус, монах-цистерианец, и Александр Некам, жившие примерно в это время, впервые записали эти сведения в своих трудах.

Они рассказывают, что Вергилий поставил над одними из ворот города медную муху, которая, пока она там находилась, то есть в течение восьми лет, имела свойство оберегать Неаполь от москитов и всех вредных насекомых: что он построил множество шалашей, мясо в которых всегда было свободно от гниения: что над воротами города он поставил два образа, один из которых называл Радостным, а другой Печальным, один - блистательной красоты, а другой - отвратительный и уродливый, и что тот, кто войдет в город под первым образом, преуспеет во всех своих начинаниях, а под вторым - так же непременно потерпит неудачу: что по его приказу на горе близ Неаполя была воздвигнута медная статуя с трубой во рту, которая при дуновении северного ветра издавала такой пронзительный звук, что сгоняла в море огонь и дым, выходившие из соседних кузниц Вулкана: что он построил в Неаполе различные бани, специально приготовленные для лечения всех болезней, которые впоследствии были разрушены по злему умыслу врачей: И что он зажег вечный огонь для освежения всех путешественников, рядом с которым поставил медного лучника с согнутым луком и надписью: "Кто ударит меня, пушу стрелу"; один глупый парень все же ударил статую, но стрела тут же попала в огонь, и огонь был потушен. Добавим, что Неаполь был заражен огромным количеством заразных пиявок, и Вергилий сделал пиявку из золота, которую бросил в яму и таким образом избавил город от заразы: что он окружил свой сад воздушной стеной, внутри которой никогда не выпадал дождь; что он построил медный мост, который переносил его, куда бы он ни пожелал: что он сделал множество статуй, названных спасением Рима, которые обладали тем свойством, что, если какой-либо из подвластных народов готовился к восстанию, статуя, носившая имя и обожаемая этим народом, звонила в колокол и указывала пальцем в направлении опасности: что он сделал голову, которая обладала способностью предсказывать будущее; и, наконец, среди множества других чудес, он прорубил подземный ход через гору Паусилиппо, чтобы путешественники могли пройти

по нему в полной безопасности, так как до этого гора была настолько кишасей змеями и драконами, что никто не мог решиться пересечь ее.

РОБЕРТ ЛИНКОЛЬН.

Следующим после пап Сильвестра II и Григория VII наиболее выдающимся человеком, подвергшимся обвинению в магии, является Роберт Гроссете, или Роберт Линкольнский, назначенный епископом в 1235 году. Он был, как и те, о ком говорилось ранее, человеком самых выдающихся способностей ума и необычайных приобретений. Говорят, что его родители были настолько бедны, что в детстве он был вынужден заниматься самой скудной работой, чтобы заработать на хлеб, и даже попрошайничать на дороге. В конце концов мэр Линкольна, пораженный его внешностью и быстротой ответов на вопросы, которые ему предлагали, взял его в свою семью и отдал в школу. Здесь его пылкая любовь к учебе и восхитительные способности к ее приобретению вскоре обеспечили ему множество покровителей, благодаря помощи которых он смог продолжить свое обучение сначала в Кембридже, затем в Оксфорде и, наконец, в Париже. Он владел греческим и древнееврейским языками, которые в то время были очень редкими достижениями; по словам Роджера Бэкона, очень компетентного судьи, о котором у нас еще будет повод поговорить, большую часть своего времени, почти сорок лет, он проводил в изучении геометрии, астрономии, оптики и других отраслей математического образования, во всех из которых он значительно преуспел. Так что, как нам сообщают те же авторитеты, этот самый Роберт Линкольнский и его друг, монах Адам де Мариско, были двумя самыми учеными людьми в мире и превосходили все остальное человечество как в человеческих, так и в божественных знаниях.

Этот великий человек особенно отличился своим твердым и непоколебимым противостоянием коррупции при римском дворе. Папа Иннокентий IV, занимавший папскую кафедру в течение одиннадцати лет, с 1243 по 1254 год, похоже, превзошел всех своих предшественников в бесстыдстве злоупотреблений. Нам рассказывают, что иерархия английской церкви была захлестнута, как потоком, наплывом иностранных сановников, среди которых было немало мальчишек, по большей части необразованных, не знающих языка острова и неспособных принести пользу людям, номинально находящимся под их опекой, тем более что они продолжали жить в своих странах и едва ли хоть раз в жизни посещали соборы, на которые были назначены. [167] Гроссете возвысил свой голос против этих скандалов. Он сказал, что невозможно, чтобы подлинный апостольский собор, получивший свою власть от Господа Иисуса для назидания, а не для разрушения, был виновен в таком преступлении, ибо это лишило бы его всей славы и ввергло бы в адские муки. Поэтому он не постеснялся в кругу своих самых близких друзей объявить правящего папу истинным антихристом, а к самому понтифику он обращался в не менее сдержанных выражениях.

Среди прочих достижений епископа Гроссете говорят, что он был глубоко искушен в искусстве магии: старый поэт Гоуэр рассказывает о нем, что он сделал голову из меди, специально сконструированную таким образом, чтобы она могла отвечать на вопросы, которые ей задавали, и предсказывать будущие события.

МИХАИЛ СКОТ.

Майкл Скот из Балвири в графстве Файф был почти современником епископа Гроссете. Он отличался знанием греческого и арабского языков. Ему покровительствовал император

Фридрих II, который побудил его взяться за перевод трудов Аристотеля на латынь. Он увлекался астрологией, химией и еще более легкомысленными науками - хиромантией и физиогномикой. Не похоже, чтобы он делал какие-либо притязания на магию; но вульгарные люди, как нам говорят, вообще считали его колдуном и, как говорят, зашли в свою суеверии так далеко, что испытывали ужас от одного только прикосновения к его работам.

ДЕКАН БАДАХОСА.

В сборнике афоризмов и анекдотов под названием *Mensa Philosophica* есть история, рассказанная этим опытным ученым, которая заслуживает того, чтобы ее процитировали как иллюстрацию идей, существовавших в то время по поводу колдовства. У некоего великого некроманта, или нигроманта, был однажды ученик значительного ранга, который признался, что очень хотел бы хоть раз получить удовольствие от того, что считает себя императором. Некромант, устав от его просьб, в конце концов согласился на его мольбу. Он принял соответствующие меры и своим искусством заставил ученого поверить, что к нему переходят одна провинция и достоинство за другой, пока, наконец, его самые смелые желания не были удовлетворены. Однако маг, казалось, все еще оставался у его локтя; и однажды, когда ученый был в наивысшем ликовании от своей удачи, хозяин смиренно попросил его даровать ему какое-нибудь земельное владение в награду за оказанное им необычайное благодеяние. Воображаемый император бросил на некроманта взгляд, выражающий крайнее презрение и пренебрежение. "Кто ты?" - спросил он, - "Я действительно не имею с тобой ни малейшего знакомства". "Я тот, - ответил маг с язвительной суровостью в лице и тоне, - кто дал тебе все эти вещи и заберет их". И, сказав это, иллюзия, которой был опьянен бедный ученый, тут же исчезла, и он стал тем, кем был раньше, и не более.

История, вкратце рассказанная Майклом Скотом, впоследствии прошла через множество рук и была значительно расширена. В своей последней форме, изложенной аббатом Бланше, она представляет собой хорошо известную и приятную историю о декане Бадахоса. Этот преподобный бог приходит к колдуну и просит показать ему образец своего искусства. Маг отвечает, что встречал столько примеров неблагодарности, что решил больше не вводить себя в заблуждение. Декан упорствует и в конце концов преодолевает нежелание хозяина. Он приглашает гостя в гостиную и приказывает повару положить на огонь двух куропаток, чтобы декан Бадахоса отужинал с ним. Вскоре он начинает свои заклинания, и декан в воображении становится поочередно епископом, кардиналом и папой. Затем фокусник требует свою награду. Тем временем декан, раздвигаясь от своего мнимого возвышения, обращается к своему благодетелю и говорит: "Я с горечью узнал, что под видом тайной науки вы переписываетесь с князем тьмы. Повелеваю тебе покаяться и отречься, а тем временем приказываю в три дня покинуть территорию церкви под страхом предания светской руке и суровости пламени". Колдун, получив такое обращение, тут же распускает заклинание и громко призывает своего повара: "Положите только одну куропатку, декан Бадахоса сегодня со мной не обедает".

ЧУДО С БАДЬЕЙ ВОДЫ.

Эта история служит дополнительным примером сходства между древними азиатскими и европейскими легендами, убеждая нас в том, что практически невозможно, чтобы одна из них не была каким-то образом заимствована из другой. В сборнике под названием "Турецкие сказки" есть история о неверном султани Египта, который позволил себе перед ученым магометанским врачом высмеять некоторые из чудес, приписываемых пророку, например, его перемещение на седьмое небо и девяносто тысяч бесед с Богом, а тем временем кувшин

с водой, который был сброшен на первой ступени его восхождения, был найден с не полностью пролитой водой при его возвращении.

Врач, обладавший даром творить чудеса, сказал султану, что, с его согласия, он даст ему практическое доказательство вероятности того обстоятельства, о котором рассказывал Магомет. Султан согласился. Врач велел принести огромную кадку с водой, и, пока принц стоял перед ней со своими придворными, святой человек велел ему погрузить голову в воду и снова вынуть ее. Султан погрузил голову, и не успел он это сделать, как оказался один у подножия горы на пустынном берегу. Сначала принц начал гневаться на врача за это вероломство и колдовство. Однако, поняв, что вся его ярость напрасна, и смирившись с тяжестью своего положения, он начал искать какое-нибудь пригодное для жизни место. То и дело ему попадались люди, рубившие в лесу дрова, и, не найдя никакого средства, он с радостью прибегал к тому же занятию. Со временем его привели в город, и там по счастливой случайности, после других приключений, он женился на женщине красивой и богатой и прожил с ней достаточно долго, чтобы она родила ему семь сыновей и семь дочерей. После этого он совсем обнищал и был вынужден работать носильщиком на улицах, чтобы заработать себе на пропитание. Однажды, когда он в одиночестве гулял по берегу моря, размышляя о своей нелегкой судьбе, его охватил приступ набожности, и он сбросил с себя одежду, чтобы, по магометанскому обычаю, омыться перед молитвой. Однако не успел он окунуться в море и поднять голову над водой, как обнаружил, что стоит у борта принесенной ванны, а вокруг него собрались все великие люди его двора, а святой человек находится рядом с ним. Он обнаружил, что длинная череда воображаемых приключений, через которые он прошел, в действительности заняла всего одну минуту времени.

ИНСТИТУТ МОНАХОВ.

Примерно в это время произошел великий переворот в состоянии литературы в Европе. Монахи, которые в свое время внесли значительный вклад в сохранение памятников античной образованности, заметно упали в репутации и деятельности. Их общины на пожертвования благочестивых людей разбогатели, а сами монахи, поселившись в великолепных дворцах, стали роскошными, рассеянными и праздными. На руинах их доброй славы поднялась необычная раса людей, называемых монахами. Монахи исповедовали безбрачие и не имели никакой личной собственности; монахи же отрекались от всякой собственности, как частной, так и общей. У них не было места, где бы они могли приклонить голову, и они жили как нищенствующие на милостыню своих современников. Они не прятались в трапезных и общежитиях, а постоянно жили на виду у всех. Впоследствии они построили для своего проживания монастыри, но они отличались не меньшей простотой и скромностью своего облика, чем монастыри своим величием и почти царственным великолепием. Монахи неустанно проповедовали и молились, добровольно подвергали себя самым суровым испытаниям, отличались пылкой набожностью и благотворительностью, не знавшей границ. Мы могли бы представить их себе поглощенными этими обязанностями. Но к своим достоинствам они добавляли неустанное усердие в учебе и науке. С ними началась новая эра в интеллекте и тонкости ума, и в этот период появилось множество самых замечательных людей по глубине применения, логической остроте и открытиям в науке. Их было очень мало по сравнению с миром невежества, который повсюду окружал их; но по этой причине они были еще более заметны. В основном они делились на два ордена - доминиканцев и францисканцев. И все, кто был наиболее выдающимся интеллектуалом в этот период, принадлежали либо к одному, либо к другому.

АЛЬБЕРТУС МАГНУС.

Альбертус Магнус, доминиканец, был одним из самых известных из них. Он родился, по одним данным, в 1193 году, по другим - в 1205-м. О нем рассказывают, что от природы он был очень туп и настолько неспособен к обучению, что уже собирался покинуть монастырь от отчаяния узнать, что требует его призвание, когда ему в видении явилась Пресвятая Дева и спросила, в чем он хочет преуспеть - в философии или божественности. Он выбрал философию, и Дева заверила его, что в ней он станет несравненным, но в наказание за то, что не выбрал божественность, перед смертью погрузится в прежнюю тупость. К этому добавляют, что после этого явления он стал бесконечно остроумным и продвигался в науках так быстро, что приводил в изумление мастеров. Впоследствии он стал епископом Ратисбона.

Об Альбертусе рассказывают, что он сделал целого человека из меди, собрав его конечности под разными созвездиями, и потратил на его формирование не менее тридцати лет. Этот человек отвечал на всевозможные вопросы и даже был нанят своим создателем в качестве домашнего слуги. Но что еще более необычно, эта машина, как говорят, стала в конце концов настолько болтливой, что Фома Аквинский, будучи учеником Альбертуса и находя, что его неконтролируемая болтливость постоянно мешает ему в его самых заумных рассуждениях, в ярости схватил молоток и разбил его на куски. Согласно другим версиям, человек Альберта Магнуса состоял не из металла, а из плоти и костей, как и другие люди; но впоследствии это было признано невозможным, а сила изображений, колец и планетарных сигиллов была в большой моде, и было принято считать, что эта фигура была сформирована из меди и обязана своей силой определенным соединениям и аспектам планет. [168]

Еще одна необычная история, рассказанная Альбертусом Магнусом, хорошо иллюстрирует представления о магии, которыми изобиловали эти века. Вильгельм, граф Голландии и король римлян, должен был в определенное время проехать через Кельн. Альбертус твердо решил добиться от этого принца уступки определенного участка земли, на котором можно было бы возвести монастырь. Чтобы добиться успеха, он разработал следующий план. Он пригласил принца во время его путешествия принять участие в великолепном развлечении. К всеобщему удивлению, когда принц прибыл, он обнаружил, что приготовления к банкету разложены под открытым небом. Это было в разгар зимы, когда земля скована морозом, а все вокруг покрыто снегом. Придворные были удручены и стали выражать свое недовольство громким ропотом. Однако не успели король с Альбертусом и придворными сесть за стол, как снег мгновенно исчез, наступила летняя жара, и солнце вспыхнуло ослепительным блеском. Земля покрылась богатейшей зеленью, деревья сразу оделись листвой, цветами и плодами, а урожай богатейшего винограда, сопровождаемый восхитительным ароматом, приглашал зрителей отведать его. На каждой ветке пели тысячи птиц. Появилась целая вереница пажей, свежих и изящных в лицах и нарядах, готовых усердно снабжать всех желающих, и каждый с изумлением спрашивал, кто они и откуда пришли. Гости были вынуждены сбросить верхнюю одежду, чтобы охладиться. Все собравшиеся были в восторге от их развлечения, и Альбертус без труда добился своего расположения короля. Вскоре после этого пиршество исчезло; все было ветрено и уединенно, как и прежде; снег лежал толстым слоем на земле; гости поспешно схватили отложенные в сторону одежды и поспешили в апартаменты, чтобы многочисленными огнями на пылающем очаге противостоять опасному холоду, грозившему охватить их конечности. [169]

РОДЖЕР БЭКОН.

Роджер Бэкон, о котором рассказывали необыкновенные истории о магии и который был примерно на двадцать лет моложе Альбертуса, был одним из самых редких гениев, существовавших на земле. Он был францисканским монахом. Он написал грамматику латинского, греческого и древнееврейского языков. Он глубоко разбирался в науке оптики. Он объяснил природу очков для выжигания, увеличивающих и уменьшающих стекол, микроскопа и телескопа. Он открыл состав пороха. Он установил истинную продолжительность солнечного года; впоследствии его теория была введена в обиход, но в узком масштабе, папой Григорием XIII, спустя почти триста лет после его смерти. [170]

Но за все эти открытия он подвергся целому ряду жесточайших гонений. Начальники его ордена вменяли ему в вину, что предложенные им усовершенствования в натурфилософии были следствием магии и были подсказаны ему общением с inferнальными духами. Они запретили ему сообщать о своих рассуждениях. Они изнуряли его строгим постом, часто ограничивая его диетой из хлеба и воды, и запрещали всем посторонним иметь к нему доступ. Тем не менее он продолжал неустанно искать тайны природы. [171] В конце концов Климент IV, к которому он обратился, обеспечил ему значительную степень свободы. Но после смерти этого понтифика он снова был заключен в темницу и находился в таком состоянии еще десять лет. Он был освобожден лишь за некоторое время до своей смерти.

Фрейнд утверждает, [172] что, помимо прочих хитроумных изобретений, он приводил в движение статуи и извлекал членораздельные звуки из медной головы, однако не с помощью магии, а путем искусственного применения принципов натурфилософии. Это, вероятно, послужило основой для сказки о монахе Бэконе и монахе Банги, которая была одним из самых ранних произведений, к которым в Англии было применено искусство печати. Говорят, что эти два человека задумали обнести Англию стеной, чтобы сделать ее недоступной для любого захватчика. Для этого они вызвали дьявола, как человека, способного подсказать им, как это сделать. Дьявол посоветовал им сделать медную голову со всеми внутренними органами и строением человеческой головы. На ее изготовление уйдет много времени, а затем они должны будут терпеливо ждать, пока она обретет дар речи. Однако в конце концов она превратилась в оракул и, если задать ей вопрос, подсказала бы решение проблемы. Монахи потратили семь лет на доведение конструкции до совершенства, а затем день за днем ждали, когда она произнесет членораздельные звуки. В конце концов природа в них истощилась, и они легли спать, предварительно строго поручив это своему слуге, клоуну по натуре, но строгому в верности, чтобы он разбудил их в тот момент, когда изображение заговорит. Этот момент наступил. Голова произнесла звуки, но такие, которые клоун счел недостойными внимания. "Время есть!" - говорило оно. На это не обратили внимания, и наступила долгая пауза. "Время было!" Такая же пауза, и никакого внимания. "Время прошло!" И как только эти слова были произнесены, началась сильнейшая буря с громом и молниями, и голова разлетелась на тысячу осколков. Так эксперимент монаха Бэкона и монаха Банги окончился ничем.

ФОМА АКВИНСКИЙ.

Фома Аквинский, которого также обвиняют в магии, был одним из глубочайших ученых и тончайших логиков своего времени. Он также представляет собой замечательный пример того, как монахи в то время одерживали верх над умами бесхитростных молодых людей, охваченных жадой знаний. Он был юношей знатного происхождения и получил начальное образование у монахов Монте-Кассино и в Неаполитанском университете. Но, не удовлетворившись этими преимуществами, он в семнадцать лет тайно вступил в общество

монахов-проповедников, или доминиканцев. Его мать, возмущенная тем, что он должен дать обет бедности и на всю жизнь отгородиться от мира, использовала все возможные средства, чтобы побудить его изменить свое намерение, но тщетно. Чтобы избавить его от ее назойливости, монахи перевезли его из Неаполя в Террачину, из Террачины в Ананьи, а из Ананьи в Рим. Его мать следовала за ним во всех этих переменах места жительства, но ей не разрешалось даже видеть его. В конце концов она вызвала двух его старших братьев, чтобы захватить его силой. Они задержали его на пути в Париж, куда он был отправлен для завершения обучения, и увезли в замок Аквино, где он родился. Здесь его продержали в заточении два года, но он нашел способ переписываться с начальством своего ордена и в конце концов сбежал из окна замка. Святой Фома Аквинский (так как он был канонизирован после смерти) превзошел, пожалуй, всех людей, когда-либо существовавших, в строгости и суровости своих метафизических изысканий, и поэтому получил имя Серафического доктора.

Следовало ожидать, что человек, погружившийся в глубины мысли, должен быть неумолимым врагом шума и перерывов. Мы видели, что он разбил в щепки искусственного человека из меди, которого Альбертус Магнус, бывший его воспитателем, тридцать лет доводил до совершенства, будучи вынужденным к этому насилью из-за его вечной и непрекращающейся болтовни. [173] Далее говорится, что, поскольку его кабинет находился на большой улице, где конюхи целыми днями упражняли своих лошадей, он счел необходимым применить средство против этой неприятности. Он изготовил по законам магии маленькую лошадку из меди, которую закопал на два-три фута под землю посреди этого шоссе; и, сделав это, ни одна лошадь больше не могла проехать по дороге. Напрасно конюхи с кнутом и шпорами пытались побороть отвращение. В конце концов они были вынуждены отказаться от этой попытки и выбрать другое место для своих ежедневных упражнений. [174]

Кроме того, Фоме Аквинскому пытались вменить в вину магию, приписывая ему некоторые книги, написанные по этой науке; но теперь признано, что они поддельные. [175]

ПЕТР АПОНСКИЙ.

Петр из Апоно, названный так по одноименной деревне в окрестностях Падуи, где он родился в 1250 году, был выдающимся философом, математиком и астрологом, но особенно преуспел в физике. Находя эту науку на родине в упадке, он отправился в Париж, где она особенно процветала, а вернувшись на родину, с необычайным успехом применял свое искусство и таким образом накопил огромное богатство.

Но вся его слава и достижения были отравлены обвинением в магии. Помимо прочего, говорили, что он обладает семью духами, каждый из которых заключен в хрустальный сосуд, и от них он получает любую информацию, которую желает получить в семи гуманитарных искусствах. Сообщалось также, что он обладал необыкновенной способностью заставлять деньги, которые он тратил на свои расходы, немедленно возвращаться в его собственный кошелек. Кроме того, он был вспыльчив и мстителен. Вследствие этого с ним случилось так, что, имея соседа, у которого в саду был восхитительный источник воды, и который привык, чтобы лекарь посылал его за ежедневным запасом, но который из-за какого-то недовольства или неудобства отменил свое разрешение, Петр д'Апоно с помощью дьявола удалил источник из сада, в котором он протекал, и превратил его в отходы на общественной улице. За некоторые из этих обвинений он был призван к ответу трибуналом инквизиции. Однако пока его судили, несчастный умер. Но суждение инквизиторов о нем было столь неблагоприятным, что они постановили выкопать его кости и публично сжечь. Некоторые из

его друзей узнали об этом и спасли его от неминуемого позора, убрав останки. Разочаровавшись в этом, инквизиторы приступили к сожжению его чучела.

АНГЛИЙСКИЙ ЗАКОН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ.

Может показаться странным, что в трактате о некромантии мы имеем повод говорить об английском законе о государственной измене. Но если поразмыслить, возможно, это покажется не совсем чуждым теме. Это преступление обычно рассматривается нашими юристами как ограниченное и определенное статутом от 25 Эдуарда III. Как заметил Блэкстоун: "По древнему общему праву судьям оставлялась большая свобода действий в определении того, что является изменой, а что нет: таким образом, существа тиранической власти имели возможность создавать множество конструктивных измен; то есть, возводить, путем принудительных и произвольных построений, преступления в преступление и наказание за измену, которые никогда не подозревались в том, что являются таковыми. Чтобы предотвратить эти неудобства, был принят статут от 25 Эдуарда III". [176] Этот статут разделяет измену на семь отдельных ветвей; первая и главная из них - "когда человек замышляет или воображает смерть нашего господина короля".

Первое обстоятельство, которое поражает нас в этом деле, - почему преступление не было выражено более ясным и подходящим языком? Почему, например, не было сказано, что первой и главной ветвью измены является "убийство короля"? Или, если это ограничение не было сочтено достаточным, нельзя было добавить, что изменой является "попытка, намерение или умысел убить короля"? Мы склонны делать слишком большие скидки на то, что считается неясным и устаревшим языком наших предков. Логика была тем элементом, в котором ученые того времени, которое называют темными веками, чувствовали себя как дома. Именно в этот период наибольшего расцвета достигло описание человеческих гениев, называемых школярами. Писатели, предшествовавшие христианской эре, обладали в необычайной степени даром воображения и изобретательства. Но они мало чем могли похвастаться в области аранжировки и не обнаруживали особого мастерства в строгости точной дедукции. Между тем школяры отличались удивительной тонкостью в плетении паутины аргументации и приходили путем тщательной дедукции, через множество шагов, к обоснованному и неотразимому выводу. Наши юристы в определенной степени сформировались на основе дисциплины школяров. Ничто не может быть более убедительно противопоставлено, чем способ ведения дела у древних и тот, который характеризует процессы современных юристов. Доводы древних были практикой ораторского искусства убеждения; доводы современных иногда, хотя и редко, переходят в ораторское искусство, но в основном состоят из ловких ухищрений на словах или красивой серии умозаключений, весь контекст которых стараются сплести в единую неразрывную субстанцию. Сохранилось несколько поразительных примеров того, как велось судопроизводство в царствование Эдуарда II, в которых исключения, сделанные для ответчика, и ответы, поддерживающие способ ведения дела от имени истца, ни в каком отношении не уступают самым восхитительным сдвигам, причудам и тонкостям великих юристов более поздних времен. [177]

Поэтому было бы, конечно, неверно считать, что юридическая фраза "догадаться или представить себе смерть короля" означает то же самое, что и "убить или намереваться убить" его. Во всяком случае, мы можем считать само собой разумеющимся, что "помыслить" не означает совершить, а скорее "взять в руки, приступить к исполнению". Поэтому здесь нет формы слов, запрещающих "убить царя". Фраза "вообразить" кажется не менее поразительной. Что, по пословице, может быть более беззаконным, чем воображение?

Зло в уме Бога или человека

Может прийти и уйти, так неодобрительно, и не оставить

Ни пятна, ни вины за собой.

Что может быть более тираническим, чем инквизиция в спорте и причудах фантазии? Что может быть более невосприимчивым к обнаружению или доказательствам? Сколько незаметных оттенков различия между виной и невинностью, которые их характеризуют! Между тем сила и уместность этих терминов поразительно проявится, если мы отнесем их к популярным представлениям о колдовстве. Считалось, что ведьмы обладают способностью уничтожать жизнь без необходимости приближаться к человеку, чья жизнь должна была быть уничтожена, или вызывать у него сознание того, что преступление должно быть совершено. Один из методов заключался в том, что восковое изображение подвергалось воздействию огня; при этом, по мере того как изображение исчезало, подрывалась и уничтожалась жизнь человека, против которого была направлена эта затея. Другой способ - заклинания и заговоры. Любой из этих способов можно с полным правом назвать "наведением или воображением смерти". Воображение - это, кроме того, особая область колдовства. А у этих притворных колдуний оно уже не является случайным и неустойчивым. Осознавая свою силу, они, как предполагается, подчинили ее системе и дисциплине. Они применяют ее тайную и бескрайнюю энергию с намерением и энергией, которым простые смертные могут тщетно пытаться подражать в применении силы инертной материи или различных физических сил, с помощью которых часто производятся такие потрясающие эффекты. -Насколько универсальными и привычными должны были быть представления о колдовстве, прежде чем язык, который правильно описывает тайную практику таких людей и не подходит ни к какому другому, смог проникнуть в структуру самого торжественного акта нашего законодательного органа, акта, который помимо всего прочего был призван сузить или закрыть тонкие и опасные вторжения произвола власти!

ЗИИТО.

Во второй половине XIV века при дворе Вацлава, короля Богемии, а затем императора Германии, происходили весьма необычные вещи, связанные с колдуном Зиито. Это, пожалуй, самый удивительный образец магической силы, который только можно найти. О нем с большой серьезностью пишет Дубравий, епископ Ольмуцкий, в своей "Истории Богемии". Оно было публично выставлено по случаю бракосочетания Вацлава с Софией, дочерью курфюрста Палатина Баварского, перед огромной толпой собравшихся.

Тесть короля, зная о пристрастии жениха к театральным представлениям и магическим иллюзиям, привез с собой в Прагу, столицу Вацлава, целую повозку моррисов и жонглеров, которые появились среди королевской свиты. Тем временем Зиито, любимый фокусник короля, занял свое место в тени среди обычных зрителей. Однако он сразу же привлек внимание чужестранцев: его отметили за необычайное уродство и рот, растянутый от уха до уха. Некоторое время Зиито спокойно наблюдал за демонстрируемыми фокусами и трюками. В конце концов, когда главный фокусник курфюрста Палатина все еще был занят демонстрацией самых восхитительных образцов своего искусства, богемец, возмущенный тем, что его брат-артист, как ему казалось, демонстрирует неуклюжие представления, вышел вперед и упрекнул его в неумелости. Вскоре между двумя профессорами завязался жаркий спор. Зиито, спровоцированный дерзостью своего соперника, не стал больше спорить, а проглотил его целиком перед толпой, одетый так же, как и он, во все, кроме обуви, против которой он возражал, потому что она была грязной. Затем он ненадолго удалился в чулан и вскоре вернулся, ведя за собой фокусника.

Избавившись таким образом от соперника, Зиито приступил к демонстрации чудес своего искусства. Сначала он представал в своем облике, а затем в облике разных людей, лицом и ростом совершенно не похожих на него самого; то в великолепном одеянии из пурпура и шелка, то в мгновение ока в грубом льняном и клоунском плаще из фриза. Он двигался по полю плавными и волнистыми движениями, не меняя ни одной конечности, словно его везли на корабле. Он не отставал от королевской колесницы, запряженной амбарными птицами. Он также забавлял царских гостей, когда они сидели за столом, заставляя их, когда они протягивали руки к различным блюдам, иногда превращать свои руки в перепончатые ноги быка, а в другое время - в копыта лошади. Он надевал на них рога оленя, так что, когда они высывали голову из окна, чтобы посмотреть на проплывающее мимо зрелище, они ни в коем случае не могли вернуть ее обратно, а он в это время на досуге трапезничал разложенными перед ними солеными пирожками.

Однажды он притворился, что ему не хватает денег, и поручил своей сообразительности придумать, как их раздобыть. По такому случаю он взял горсть зерен кукурузы и вскоре придал им форму и вид тридцати свиней, откормленных для рынка. Он отвез этих свиней к дому некоего Майкла, богатого торговца, но отличавшегося скупостью и бережливостью в сделках. Он предложил их Майклу за ту цену, которую тот сочтет разумной. Сделка состоялась, и Зиито одновременно предупредил покупателя, чтобы тот ни в коем случае не гонял их к реке пить. Однако Майкл не прислушался к этому совету, и не успели свиньи подойти к реке, как превратились в зерна кукурузы, как и прежде. Торговец, сильно разгневанный такой выходкой, стал искать продавца, чтобы отомстить ему. В конце концов он нашел его в лавке виноторговца, казалось, в мрачном и рассеянном состоянии духа, отдыхающего, вытянув ноги на форме. Торговец окликнул его, но тот, казалось, не слышал. Наконец он схватил Зиито за одну ногу и изо всех сил стал ее дергать. Нога оторвалась вместе с ногой и бедром, и Зиито закричал, видимо, в сильной агонии. Он схватил Майкла за шею и потащил его к судье. Здесь они предъявили друг другу претензии: Майкл - за совершенное над ним мошенничество, а Зиито - за нанесенный ему непоправимый ущерб. От этого приключения произошла поговорка, часто встречающаяся во времена историка, говорящего о человеке, заключившем необдуманную сделку: "Он совершил такую же покупку, как Михаил со своими свиньями".

ТРАНСМУТАЦИЯ МЕТАЛЛОВ.

Среди различных занятий, которые привлекали любопытство деятельных умов в эти непросвещенные века, было и такое, как трансмутация обычных металлов в золото и серебро. Это искусство, хотя и не имело некромантической природы, было, однако, возведено его профессорами с помощью воображаемой связи между ним и астрологией, и даже между ним и общением с невидимыми духами. Они верили, что их исследования могут быть успешно продолжены только при благоприятных аспектах планет, и что им даже необходимо заручиться сверхъестественной помощью.

По мере того как трансмутация и поиски эликсира бессмертия становились все более популярными, адепты стремились облечь их в почтенные одежды древности. Они пытались довести исследование до времен Соломона; не обошлось и без тех, кто приписывал его первоотцу человечества. Они хотели проследить его следы в Древнем Египте; и они нашли мифологическое представление о нем в экспедиции Ясона за золотым руном и в котле, с помощью которого Медея вернула отцу Ясона его первоначальную молодость. [178] Но, как уже было сказано, первое неоспоримое упоминание об этом предмете следует отнести ко

времени Диоклесиана. [179] С этого времени следы исследований алхимиков время от времени регулярно обнаруживаются.

Изучение химии и ее предполагаемых бесценных результатов усердно культивировалось Гебером и аравийцами.

АРТЕФИЙ.

Артефий - одно из самых ранних имен, встречающихся среди учеников, искавших философский камень. О нем рассказывают необыкновенные вещи. Он жил примерно в 1130 году и написал книгу "Искусство продления человеческой жизни", в которой утверждает, что уже достиг возраста тысячи двадцати пяти лет. [180] По этим данным, он должен был родиться примерно через сто лет после нашего Спасителя. Он утверждал, что посетил адские области и видел там Тантала, восседающего на золотом троне. Некоторые считают, что это тот же человек, чья жизнь была написана Филостратом под именем Аполлония Тианского. [Он написал книгу о философском камне, которая была опубликована на латинском и французском языках в Париже в 1612 году.

РЭЙМОНД ЛУЛЛИ.

Среди европейских исследователей этих интересных тайн первенство принадлежит Раймону Люлли и Арнольду из Вильнева.

Лулли, несомненно, был человеком, наделенным в весьма выдающейся степени способностями интеллекта. Он был уроженцем острова Майорка и родился в 1234 году. Говорят, что ранние годы он провел в распутстве и безрассудстве, но был восстановлен благодаря случайной любви к молодой женщине, страдавшей раком. Это обстоятельство побудило его усердно заняться изучением химии и медицины, чтобы найти лекарство от ее болезни, в чем он и преуспел. После этого он вступил в общину францисканских монахов.

Эдуард Первый был одним из самых необычных принцев, когда-либо восседавших на троне. Он возродил изучение римского гражданского права с таким успехом, что заслужил титул английского Юстиниана. Не менее выдающимся он был и как покровитель искусств и литературы. Он пригласил в Англию Гвидо далла Колонна, автора "Книги Трои", и Раймонда Лулли. Последний, как считалось в его время, продолжал свои исследования с таким успехом, что открыл *эликсир жизни*, с помощью которого можно было уберечься от нападков старости, по крайней мере на века, и философский камень. Утверждается, что с помощью этих средств он снабдил Эдуарда Первого шестью миллионами денег, чтобы тот мог вести войну с турками.

Но он был неутомим не только в занятиях естественными науками. Он также был охвачен непобедимым желанием обратить магометан в христианскую веру. С этой целью он серьезно занялся изучением восточных языков. Он пытался убедить различных европейских принцев согласиться с его планом и возвести колледжи для этой цели, но безуспешно. В конце концов он отправился в путь один, но не встретил поддержки. Он проник в Африку и Азию. Обращенных было немного, и ему с трудом удалось уйти, получив торжественное предписание не возвращаться. Но Лулли решил послушаться Бога, а не человека, и решился на вторую попытку. Магометане пришли в ярость от его упрямства и, как говорят, забили его камнями до смерти в возрасте восьмидесяти лет. Однако его тело было перевезено в родные места; сообщается, что на его могиле происходили чудеса. [182]

Раймонд Лулли известен также тем, что он с удовольствием называл своим Великим Искусством. Однако обычные рассказы об этом искусстве скорее напоминают бурлеск, чем

философию. Говорят, он хвастался, что с его помощью любой человек может логически рассуждать на любую тему в течение целого дня, независимо от предыдущего изучения предмета спора. По-видимому, именно деталям этого процесса Свифт был обязан одним из юмористических проектов, описанных им в путешествии в Лапуту. Лулли рекомендовал сначала собрать некоторые общие термины из логики, метафизики, этики или теологии. Их нужно было написать отдельно на квадратных кусках пергамента. Затем их следовало поместить в рамку, сконструированную таким образом, чтобы при повороте ручки они могли свободно вращаться и образовывать бесконечные комбинации. Один термин должен был обозначать субъект, другой - предикат. Затем ученик должен был прилежно изучить различные комбинации, которые случайно возникали, и, используя тонкость своих способностей, выбрать те, которые он считал наиболее подходящими для своих целей. Таким образом он продолжал процесс своих дебатов, и время от времени возникала необычайная удача, предлагая самые гениальные подсказки и приводя к самым важным открытиям. Если человек с выдающимися способностями, которыми, судя по всему, обладал Лулли, действительно установил правила такого искусства, то, должно быть, он хотел сатирически изобразить серьезность, с которой ученые доктора его времени вели свои серьезные диспуты в настроении и образе, заботясь лишь о строгости правил, по которым они дискутировали, и совершенно безразлично, добивались ли они реального прогресса в открытии истины" [183].

АРНОЛЬД ВИЛЛЕНЕВСКИЙ.

Арнольд из Вильнева, живший примерно в то же время, был человеком выдающихся способностей. Он в совершенстве знал греческий, иврит и арабский языки. Он в большой степени посвятил себя астрологии и был настолько уверен в своем искусстве, что рискнул предсказать, что конец света наступит через несколько лет; но он дожил до того времени, когда убедился в ошибочности своего пророчества. Он пользовался большой репутацией как врач. Судя по всему, он был смелым мыслителем. Он утверждал, что дела милосердия приносят больше пользы, чем жертвоприношение на мессе, и что в будущем никто не будет проклят, кроме тех, кто показал пример безнравственного поведения. Как и всех людей того времени, отличавшихся глубокими познаниями, его обвиняли в магии. За это или по обвинению в ереси он был привлечен к ответственности инквизицией. Но его встревожила судьба Петра из Апоно, и благодаря отречению или каким-то другим благоразумным ухищрениям ему удалось спастись. Он является одним из тех, кому вменяется в вину написание книги "*De Tribus Impostoribus*" - "О трех самозванцах (Моисее, Иисусе Христе и Магомете)"! [184]

АНГЛИЙСКИЕ ЗАКОНЫ О ТРАНСМУТАЦИИ.

В это время была объявлена столь сильная тревога по поводу искусства трансмутации, что на пятом году правления Генриха IV, в 1404 году, был принят парламентский акт, который лорд Коук называет самым коротким из наших законов, определяющим, что изготовление золота или серебра должно считаться преступлением. Этот закон, как говорят, был принят в результате опасений, которые в то время испытывали палаты лордов и общин, чтобы исполнительная власть, обнаружив, что с помощью этих средств она может увеличить доходы короны в любой степени, в какой пожелает, не отказалась просить помощи у законодательной власти и, как следствие, не превратилась бы в тиранию и произвол. [185]

Джордж Рипли, из Рипли в графстве Йорк, упоминается во второй половине пятнадцатого века как открывший философский камень и с его помощью пожертвовавший сто тысяч фунтов рыцарям Родоса, чтобы они могли вести войну против турок. [186]

Однако примерно в это время ситуация изменилась, и тревога по поводу приумножения драгоценных металлов настолько ослабла, что в тридцать пятом году правления Генриха VI были выданы патенты для поощрения тех, кто был склонен искать универсальное лекарство и пытаться трансмутировать низшие металлы в золото. [187]

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

Пока все это происходило в Европе, постепенно приближался период, когда энергия человеческого разума должна была ослабить свои оковы, а его независимость в конечном итоге должна была погасить те заблуждения и суеверия, которые так долго поработали его. Петрарка, родившийся в 1304 году, был глубоко пропитан страстью к классической литературе, воспламенен любовью к республиканским институтам и особенно отличился поклонением Гомеру. Данте, более возвышенный и оригинальный гений, чем Петрарка, был его современником. Примерно в то же время Боккаччо в своем "Декамероне" сразу же придал итальянской прозе ту чистоту и изящество, которые никто из его преемников на литературном поприще так и не смог превзойти. А на нашем острове Чосер смелой рукой выкупил свой родной язык из неиспользования и бесчестия, в которые он впал, и излил бессмертные строки, которые истинные любители английского языка с тех пор с удовольствием перечитывают, а те, кто обескуражен его кажущейся корявостью, все еще знакомятся с его мыслями в более гладком и современном стихосложении Драйдена и Поупа. С тех пор принципы истинного вкуса стали более или менее культивироваться, а независимость мысли и пылкий дух открытий непрерывно развивались и стремительно продвигались к совершенному дню.

Но рассвет литературы и интеллектуальной свободы еще долго не давал о себе знать. Остатки старухи цепко держались за сердце. Прошло три или четыре столетия, а в некоторых слоях общества все еще жива была вера в колдовство и чародейство. И тогда, как это часто случается в подобных случаях, угасающая глупость время от времени подавала признаки своего существования с судорожной силой и становилась только более живописной и впечатляющей благодаря сильному контрасту света и тени, который сопровождал ее проявления.

ДЖОАН АРК.

Одна из самых запоминающихся историй - история Жанны д'Арк, которую обычно называют Орлеанской девой. Генрих Пятый выиграл решающую битву при Азенкуре в 1415 году, а через некоторое время после этого заключил договор с правящим королем Франции, по которому он признавался наследником престола в случае смерти этого короля. Генрих V умер в 1422 году, а Карл VI Французский - менее чем через два месяца после этого. Генриху VI было всего девять месяцев от роду, когда умер его отец; но положение Франции было настолько плачевным, что в том же году он был провозглашен королем в Париже, и в течение нескольких лет казалось, что у него есть все перспективы на удачное правление. Джон герцог Бедфорд, дядя короля, был объявлен регентом Франции: сын Карла VI был доведен до последней крайности; Орлеан был последним сильным городом в сердце королевства, который держался в его пользу, и этот город, казалось, был готов сдаться завоевателю.

В этот страшный кризис появилась Жанна д'Арк и самым невероятным образом перевернула весь ход событий. Она была служанкой в бедном трактире в Домреми и привыкла выполнять самую грубую работу, в частности, водить лошадей к соседнему ручью за водой. Разумеется, положение Франции и ее наследного короля было главной темой разговоров, и Жанна глубоко прониклась плачевным состоянием своей страны и несчастьями своего короля. В

результате постоянных размышлений, чувствуя в своей груди побуждения к энергии и предприимчивости, она пришла к мысли, что небеса предназначили ей стать освободительницей Франции. В соответствии с уровнем интеллектуальных знаний того времени, она убеждала себя, что видит видения и общается со святыми. Она беседовала со святой Маргаритой и святой Екатериной Фьербуа. Они рассказали ей, что Бог поручил ей снять осаду Орлеана и проводить Карла VII на коронацию в Реймс. Святая Екатерина велела ей потребовать меч, хранящийся в ее церкви в Фьербуа, который дева описала особыми приметами, хотя никогда его не видела. Затем она явилась к Бодрикуру, губернатору соседнего города Вокулер, сообщила ему о своем поручении и попросила отправить ее к королю в Шинон. Бодрикур сначала отнесся к ее просьбе с легкостью, но ее настойчивость и пыл, который она выражала, в конце концов взволновали его. Он облачил ее в мужское одеяние, дал ей оружие и отправил в сопровождении двух кавалеров и их слуг в Шинон. Здесь она сразу же обратилась лично к королю, который специально спрятался за спинами своих придворных, чтобы она его не узнала. Затем она передала свое послание и предложила во имя Всевышнего снять осаду Орлеана и проводить короля Карла в Реймс для помазания. В качестве еще одного подтверждения она, как говорят, открыла королю перед несколькими избранными друзьями тайну, которую не могло открыть ей ничто, кроме божественного вдохновения.

В отчаянии от такого положения дел Карл и его министры немедленно решили воспользоваться представившимся случаем и выдвинуть Жанну в качестве орудия, способного возродить поникшее мужество его подданных. Не успел он решиться на это, как притворился, что подвергает истинность ее миссии самому строгому испытанию. Он созвал собрание богословов и врачей, которые тщательно исследовали Жанну и высказались в ее пользу. Он передал вопрос на рассмотрение парламента Пуатье, и те, кто, встретившись, был уверен, что она самозванка, убедились в ее вдохновении. Ее посадили на породистого коня, снабдили освященным знаменем и в сопровождении пяти тысяч человек отправились на помощь Орлеану. Французы, убежденные столь явным вмешательством небес, вновь обрели мужество, которого давно уже не знали. Подобное явление как нельзя лучше соответствовало суеверию и легковерию эпохи. Англичане были ошеломлены слухами о том, что она повсюду, и охвачены страхом и ужасом, от которых не могли избавиться. Гарнизон, извещенный о ее приближении, предпринял вылазку на другую сторону города; Жанна и ее конвой вошли без сопротивления. Она выставила свой штандарт на рыночной площади и была принята как небесная избавительница.

Судя по всему, она была наделена благоразумием, не уступавшим ее мужеству и духу предприимчивости. С великой покорностью она улавливала намеки полководцев, которыми была окружена, и, убедившись в недостатке опыта и мастерства, передавала их силам по велению небес. Таким образом, знания и проницательность генералов были пущены в ход, в то время как их предложения приобретали новый вес, срываясь с уст героини, получившей небесные наставления. Прибыл второй караван; повозки с войсками прошли между редутами англичан, а среди войск, столь недавно предприимчивых и стойких, воцарилась мертвая тишина и изумление. Теперь Жанна призвала гарнизон больше не стоять в обороне, а смело атаковать армию осаждающих. Она взяла один редут, затем другой. Англичане, ошеломленные изумлением, едва ли осмелились поднять на нее руку. Их генералы-ветераны были околдованы и бессильны, а их солдаты гнали пророчицу, как стадо овец. Осада была снята.

Жанна последовала за английским гарнизоном в укрепленный город, который они выбрали местом своего отступления. Осада продолжалась десять дней, город был взят, а все

находившиеся в нем англичане взяты в плен. Победоносные войска сосредоточились в Патае на реке Орлеануа; Жоан выступил им навстречу. Сражение длилось недолго; это было скорее бегство, чем бой; Фастольф, один из самых храбрых наших полководцев, бросил оружие и бежал, спасая свою жизнь; Тальбот и Скейлз, другие генералы, были взяты в плен. Осада Орлеана была снята восьмого мая 1429 года; битва при Патэ состоялась десятого числа следующего месяца. Жанне в это время было двадцать два года.

После такого необычного поворота в делах королевства Жанна настояла на том, чтобы король отправился в Реймс для коронации. Реймс лежал в направлении, пролегающем прямо через гарнизоны врагов. Но все поддавалось чудесной удаче, которая сопутствовала героине. Труа открыл свои ворота; Шалон последовал примеру; Реймс отправил депутацию с ключами от города, которая встретила Карла на марше. Предложенная торжественная церемония прошла под шум и восторженные крики его народа. Не успела она закончиться, как вперед вышла Жанна. Она сказала, что теперь она выполнила все, что поручил ей Бог; она довольна; она просит короля уволить ее в неизвестность, из которой она вышла.

Однако министры и генералы Франции сочли Жанну слишком полезным инструментом, чтобы расстаться с ней так рано; и она уступила их искренним уговорам. Под ее руководством они штурмовали Лаон, Суассон, Шато-Тьерри, Провин и многие другие места, и брали их одно за другим. Она бросилась в Компьень, который осаждал герцог Бургундский вместе с некоторыми английскими командирами. На следующий день после прибытия она бросилась на врага; дважды она отбила его; но, обнаружив, что его численность с каждым мгновением увеличивается благодаря свежим подкреплениям, она направила отступление. Дважды она настигала своих преследователей и заставляла их отступать, но в третий раз ей повезло меньше. Она оказалась одна, окруженная врагом, и, продемонстрировав чудеса храбрости, была вынуждена сдаться в плен. Это случилось двадцать пятого мая 1430 года.

Оставалось решить, какова будет дальнейшая судьба этой восхитительной женщины. И друзья, и враги сходились во мнении, что в ее карьере присутствовала сверхъестественная сила. Французы, которые были бесконечно обязаны ей своими достижениями и которые были обязаны внезапным и славным поворотом своих дел только ей одной, были убеждены, что она была немедленно уполномочена Богом, и наперебой рассказывали о чудесных явлениях, которыми был отмечен каждый шаг ее продвижения. Англичане, видевшие, как все победоносные приобретения Генриха V рушатся от их руки, были так же впечатлены явным чудом, но приписывали все ее удачи союзу с князем тьмы. Они говорили, что ее хвастливые видения - это многочисленные дьявольские галлюцинации. Они решили привлечь ее к суду за чудовищные преступления - колдовство и чародейство. Они верили, что, если ее осудят и поведут на казнь, к ним вернутся доблесть и отвага, которыми они до сих пор отличались, и они получат такое же превосходство над своими разочарованными врагами. Дьявол, который до сих пор был ее постоянным союзником, в ужасе от вида поглощающего ее пламени, мгновенно вернется в преисподнюю и оставит поле боя открытым для английской предприимчивости и энергии, а также для заступничества Бога и Его святых.

Против нее было подготовлено обвинение и соблюдены все торжественные условия публичного суда. Но доказательства были настолько слабыми и неудовлетворительными, а Жанна, хотя ее угнетали и обращались с ней крайне сурово, проявила столько остроты и присутствия духа, что суд, не решившись пойти на последнюю крайность, довольствовался тем, что приговорил ее к вечному заточению и пожизненному питанию только хлебом и водой. Прежде чем уступить этому смягчению наказания, они заставили ее подписать своим

клеймом отречение от своих преступлений. Она признала, что руководивший ею энтузиазм был иллюзией, и пообещала никогда больше не прислушиваться к его внушениям.

Однако ненависть ее врагов еще не была утихомирена. Они решили каким-то образом заманить ее в ловушку. Одев ее в женское одеяние, они коварно подложили на ее пути мужские одеяния. Огонь, затушенный в груди служанки, ожил при виде этого; она была одна; она подхватила одежды и одну за другой приладила их к своему лицу. К ней приставили шпионов, чтобы следить за этим событием; они ворвались в квартиру. То, что она сделала, было истолковано как преступление не меньшее, чем преступление еретика-отступника; такого подтвержденного проступка уже нельзя было простить; ее вывели, чтобы сжечь заживо на рыночной площади Руана, и она умерла, обняв распятие и в последние мгновения призывая имя Иисуса. С момента ее первого пленения до казни прошло несколько дней, а не двенадцать месяцев.

ЭЛЕОНОРА КОБЭМ, ГЕРЦОГИНЯ ГЛОСТЕРСКАЯ.

Это был период, когда идеи колдовства прочно завладели умами людей; и те обвинения, которые просвещенная часть человечества сейчас сочла бы достойными лишь презрения, тогда рассматривались как обвинения самого жестокого [Errata: *читай* - вопиющего] характера. Пока Джон, герцог Бедфордский, старший дядя короля Генриха VI, был регентом Франции, Хамфри Глостерский, ближайший брат Бедфорда, был лордом-протектором Английского королевства. Хотя Генриху уже исполнилось девятнадцать лет, Хамфри продолжал исполнять обязанности суверена, так как был принцем с небольшими способностями. Он обладал выдающимися народными качествами и был любим большинством народа. Однако у него было много врагов, одним из главных которых был Генрих Бофорт, двоюродный дед короля и кардинал Винчестерский. Одним из средств, использованных этим прелатом для подрыва власти Хамфри, было обвинение в колдовстве, выдвинутое против Элеоноры Кобхэм, его жены.

Вероятно, эта женщина поддалась заблуждениям, которые пытались применить к ней хитрые люди, уловившие слабость ее характера. Она была второй женой Хамфри, и его подозревали в излишней близости с ней, пока он не овдовел. Сообщалось, что его нынешняя герцогиня прибегла к колдовству в первую очередь, чтобы уберечь его склонности. Герцог Бедфордский умер в 1435 году, и теперь Хамфри, помимо фактического осуществления властных полномочий, был следующим наследником короны в случае смерти короля. Эта слабая и развратная женщина, будучи теперь герцогиней Глостерской и женой лорда-протектора, устремила свои амбиции к более высокому титулу и прерогативам королевы и, чтобы подпитать свои дурные страсти, призвала к себе в советники Марджери Журден, которую обычно называют ведьмой Глаза, Роджера Болингброка, астролога и предполагаемого мага, Томаса Саутвела, каноника церкви Святого Стефана, и некоего Джона Хьюма, или Гуна, священника. Эти люди часто встречались с герцогиней в тайных заговорах. Их обвинили в том, что они вызывают духов из адского мира; они сделали изображение из воска, которое медленно сжигали на огне, рассчитывая, что, как изображение постепенно истлеет, так и телосложение и жизнь бедного короля придут в упадок и в конце концов погибнут.

Предполагается, что Хьюм, или Гунн, стал осведомителем, и по его информации несколько человек были взяты под стражу. После предварительного допроса, двадцать пятого июля 1441 года, Болингброк был помещен на эшафот перед крестом собора Святого Павла, с любопытно раскрашенным стулом, который, как предполагалось, был одним из его орудий некромантии, и одет в мистическое одеяние, и там, перед архиепископом Кентерберийским,

кардиналом Винчестерским и несколькими другими епископами, отрекся от всех своих противозаконных искусств.

Через некоторое время после этого герцогиня Глостерская, бежав в святилище в Вестминстере, передала свое дело тем же высокопоставленным лицам, и Болингброк был приведен для дачи показаний против нее. Вследствие этого она была заключена под стражу в замке Лидс близ Мейдстона, чтобы предстать перед судом в октябре месяце. Лорду-казначею, нескольким дворянам и некоторым судьям обеих коллегий было поручено расследовать всевозможные измены, колдовство и прочие вещи, которые могут нанести вред особе короля, и Болингброк и Саутвель как главные участники, а герцогиня Глостерская как соучастница предстали перед ними. Одновременно с ними была привлечена к суду Марджери Журден; ее, как ведьму и отступницу-еретичку, приговорили к сожжению в Смитфилде. Герцогиня Глостерская была приговорена к покаянию в течение трех дней, проходя по улицам Лондона с зажженным факелом в руке, в сопровождении лорд-мэра, шерифов и избранных представителей ливреи, а затем к пожизненному изгнанию на остров Мэн. Томас Саутвел умер в тюрьме, а Болингброк был повешен в Тайберне восемнадцатого ноября.

РИЧАРД III.

Вскоре после этого произошло событие, которое заслуживает упоминания, поскольку оно хорошо показывает, насколько глубокое впечатление произвели идеи колдовства на общественное сознание даже в самых серьезных делах и советах нации. Ричард герцог Глостерский, впоследствии Ричард III, незадолго до своей узурпации короны в 1483 году прибег к этому средству, чтобы обезоружить силу своих врагов, которых он опасался как препятствия для своего проекта. Будучи лордом-протектором, он внезапно вошел в собрание совета, которое незадолго до этого покинул, и неожиданно спросил, какого наказания заслуживают те, кто будет уличен в заговоре против его жизни, будучи человеком, как ближайший родственник молодого короля, которому доверены главные дела нации? И, получив подходящий ответ, он сказал, что обвиняемые им - вдовствующая королева и Джейн Шор, любимая наложница покойного короля, которые с помощью колдовства и запретных искусств пытались погубить его. И, пока он говорил, он обнажил свою левую руку до локтя, которая выглядела сморщенной и истощенной в жалком виде. "До такого состояния, - сказал он, - довели меня эти брошенные женщины". Историк добавляет, что было хорошо известно, что его рука была такой с рождения.

В январе 1484 года собрался парламент, который признал титул Ричарда и объявил брак Эдуарда IV недействительным, а его потомство - незаконнорожденным. [188] Тот же парламент принял судебный акт против Генриха графа Ричмонда, впоследствии Генриха VII, графини Ричмонд, его матери и множества других лиц, многие из которых были самыми значительными приверженцами дома Ланкастеров. Среди этих лиц перечислены Томас Нандик и Уильям Книвет, некроманты. В первом парламенте Генриха VII этот приговор был отменен, и Томас Нандик из Кембриджа, фокусник, был специально назначен объектом свободного помилования. [189]

КРОВАВЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОТИВ КОЛДОВСТВА.

Теперь я перехожу к самой болезненной части моего предмета, но которая не в меньшей степени является одной из его составных частей, и которая, хотя и болезненна, но глубоко поучительна и представляет собой наиболее важную отрасль в науке о человеческой природе. Там, где я мог, я старался сделать темы, которые предлагались моему

рассмотрению, занимательными. Когда люди притворялись, что инвертируют известные законы природы, "убивая невозможность; чтобы сделать то, что не может быть, легким делом", я был готов рассматривать все это как гениальную выдумку, служащую лишь примером того, как далеко может зайти легкоеверие, отбрасывая умозаключения нашего разума и доказательства чувства. Художники в этих случаях не переставали вызывать восхищение и получать своеобразные аплодисменты современников, хотя и с ощущением, что все не совсем так, как должно быть, и с признанием, что профессора занимаются непозволительным искусством. Это было похоже на то, что известно об актерском искусстве; тех, кто им занимался, ласкали и везде принимали с радостью, но не допускали к христианскому погребению.

Но, особенно в пятнадцатом веке, ситуация приняла новый оборот. На заре дня здравого смысла, когда исторические свидетельства начали взвешиваться на весах суда, люди стали менее беспечны к истине и стали по-другому относиться к прорицаниям и чудесам. И, как это часто бывает, кризис, точный переход от плохого к лучшему, оказался более катастрофическим, более полным чудовищ и злодеяний, чем период, когда понимание было полностью одурачено, а люди переваривали абсурд и невозможность с такой же легкостью, как свою повседневную пищу. Теперь они не прощали подтасовки аксиом вечной истины; они смотрели на обман и самозванство совсем другими глазами; они прибегали к колям и пинжакам, чтобы доказать, что с ними больше не будут шутить. Они обращались с преступниками как с самыми жестокими из преступников, и таким образом, хотя и очень косвенным и кружным путем, привели к полному рассеиванию тех туч, которые висели, не давая покоя, над человеческим пониманием.

Парижский университет в 1398 году обнародовал эдикт, в котором жаловался на то, что колдовство стало более частым и распространенным, чем в любой другой период. [190]

В это время церковные гонители придумали хитрость, чтобы объединить преступления ереси и колдовства. Первого из них, казалось бы, было достаточно во времена фанатизма и неявной веры, чтобы вызвать ужас вульгарных людей; но поборники религиозного единообразия считали, что им удастся добиться большего, если они смогут объединить грех дешевого авторитета признанных глав христианской веры с грехом того, что люди вербуются под знамена сатаны и становятся явными и заклетыми вассалами его адской империи. В связи с этим они, похоже, придумали саббат ведьм - многочисленное собрание людей, отбросивших всякое чувство стыда и всякое отношение к тем вещам, которые остальные представители рода человеческого считают самыми священными, где дьявол появлялся среди них в своем самом запретном облике, и, совершая обряды, столь же нелепые и непристойные, присутствующие признавали себя его подданными. И, придумав эту сцену, эти хитрые и озорные гонители находили способы, как мы увидим в дальнейшем, заставить своих несчастных жертв признаться, что они лично помогали в церемонии и выполняли все те унижительные действия, которые должны были обречь их в грядущем мире на вечный огонь.

Выражаясь таким образом, я ни в коем случае не хочу подтолкнуть к мысли о том, что церковные власти тех времен в целом были лицемерами. Они полностью соответствовали узости мышления того периода, в котором жили. Они считали, что грех еретической праведности "похож греху колдовства"; [191] они относились к ним с ужасом и были убеждены, что между ними существует естественное согласие и союз. Вдохновленные этой идеей, они использовали средства, против которых восстает наша подлинная и не развращенная природа, чтобы вырвать у своих заблуждающихся жертв признание в том, что их экзаменаторы считали правдой; они задавали им наводящие вопросы, подсказывали

ответы, которые хотели получить, и заставляли невежественных и бездушных людей воображать, что, если эти ответы будут приняты, они могут ожидать немедленного избавления от невыносимых мучений. Зablуждение распространялось. Эти несчастные, оказавшись объектом всеобщего отвращения и ненависти человечества, в конце концов многие из них поверили, что заключили договор с дьяволом, что были перенесены им по воздуху в собрание душ, обреченных на вечное порицание, что связали себя узами верности своим адским наставникам [Errata: *читается* "наставник"] и получили от него взамен дар совершать сверхчеловеческие и сверхъестественные подвиги. Это - невероятное состояние деградации того, что Мильтон называл "безупречными свойствами природы", [192] которое в более просвещенные времена мы считали бы невозможным, но которое неопровержимый и достоверный голос истории заставляет нас признать.

Альбигойцы и вальденсы были людьми, которые в процветающих провинциях Лангедока, в самые темные века, когда понимание человеческих существ силой, не менее памятной, чем сила Прокруста, было сведено к единому росту, каким-то странным и необъяснимым образом стряхнули цепи, наложенные повсеместно, и пришли к смелости мышления, подобной той, которую Лютер и Кальвин по прошествии веков отстаивали при более счастливых обстоятельствах. Однако к этим мужественным и великодушным чувствам они добавили немалую долю дикого энтузиазма. Они проповедовали необходимость общности благ, учили, что нужно носить сандалии, потому что сандалии носили только апостолы, и посвящали себя жизни в строгом воздержании и самом суровом самоотречении.

В те времена католическая церковь не знала иного способа обращения еретиков, кроме как огнем и мечом, и поэтому папа Иннокентий Третий объявил крестовый поход против них. Инквизиция была специально создана для того, чтобы вернуть этих бродячих овец в стадо Христово; и чтобы поддержать это учреждение в его деятельности, Симон Монфор отправил многочисленную армию для истребления преступников. Говорят, что погибло сто тысяч человек. Они исчезли из страны, которая была свидетелем их начала, и рассеялись по долинам Пьемонта, в Артуа и в других местах. Этот крестовый поход произошел в начале тринадцатого века, и больше они не привлекают внимания истории до середины пятнадцатого.

Монстреле в своей "Хронике" приводит один из самых ранних отчетов о судебных разбирательствах, начатых в это время против этих несчастных людей, под датой 1459 года. "В этом году, - говорит он, - в городе Аррас произошла жалкая и бесчеловечная сцена, которой, не знаю почему, было дано название *Водуазия*. Там были схвачены и заключены в тюрьму несколько значительных лиц, жителей этого города, и другие люди, принадлежащие к очень низшему сословию. Этих последних так жестоко пытали, что они признались, будто были перенесены сверхъестественным образом в уединенное место среди леса, где перед ними предстал дьявол в облике человека, хотя они не видели его лица. Он наставлял их, как они должны выполнять его приказы, и требовал от них почтения и послушания. Он пировал с ними, а после, погасив огни, они приступили к самым грубым развратным действиям". Эти рассказы, по словам Монстреле, были продиктованы жертвам их мучителями; затем они добавили, под тем же предлогом, имена различных лордов, прелатов и губернаторов городов и графств, которых, по их словам, они видели на этих собраниях и которые участвовали в тех же нечестивых церемониях. Историк добавляет, что нельзя скрыть, что эти обвинения были выдвинуты некоторыми злонамеренными лицами либо для удовлетворения древней ненависти, либо для вымогательства у богатых денег, с помощью которых они могли бы избежать дальнейшего преследования. Задержанные были подвергнуты пыткам, многие из них так жестоко и долго, и их пытали снова и снова, что они были вынуждены признаться в

том, в чем их обвиняли. Некоторые, однако, проявляли такое упорство, что их ни в коем случае нельзя было заставить отказаться от заверений в своей невинности. В итоге многие из бедных жертв были бесчеловечно сожжены, а более богатые, обладавшие большими деньгами, добились освобождения, но в то же время были вынуждены сослать себя в отдаленные места, удаленные от места этого жестокого злодеяния". Балдуин из Артуа приводит аналогичный рассказ и добавляет, что приговор судей был обжалован в рамках ревизии Парижского парламента и отменен этим судом в 1491 году. [193]

Мне не удалось выяснить в оригинальных источниках даты следующих примеров, и поэтому я отнесу их к периодам, указанным в книге Хатчинсона о колдовстве. Сами факты по большей части опираются на самые неоспоримые авторитеты.

Иннокентий VIII опубликовал в 1484 году буллу, в которой утверждал: "До наших ушей дошли сведения, что множество людей обоего пола не избегают общения с адскими извергами и что своими чарами они причиняют страдания как людям, так и животным; они омрачают брачное ложе, уничтожают роды женщин и приплод скота; они уничтожают кукурузу на земле, виноград в винограднике, плоды деревьев, траву и травы в поле". По этим причинам он наделяет инквизиторов апостольской властью "заключать в тюрьму, осуждать и наказывать" всех, кто может быть обвинен в этих преступлениях. - Последствия этого эдикта были ужасными по всему континенту, особенно в Италии, Германии и Франции.

Альциат, выдающийся юрист того времени, рассказывает, что некий инквизитор прибыл в это время в долины Альп, получив задание выяснить и еретических женщин, которыми были кишат эти места. Каждый день он предавал огню, как новый костер, более ста человек, принося в жертву Вулкану тех, кто, по мнению историка, требовал не столько огня, сколько геллебореи; в конце концов окрестные крестьяне поднялись на борьбу и изгнали безжалостного судью из страны. Виновных обвинили в том, что они обесчестили распятие и отвергли Христа как своего Бога. Утверждалось, что они отвратительным образом проводили дьявольский шабаш, во время которого изверг лично являлся к ним и обучал их обрядам своего поклонения. Между тем возник вопрос, лично ли они помогали в этом деле или только видели торжество в видении, но достоверные свидетели поклялись, что в то самое время, когда их обвиняли в участии в этих богохульствах, они находились дома в своих постелях. [194]

В 1515 году в городе Женеве в течение трех месяцев за преступление колдовства капитально пострадали более пятисот человек. [195]

В 1524 году тысяча человек была сожжена по этому обвинению на территории Комо, и по сто человек в год в течение нескольких лет после этого. [196]

Данаи начинает свой "Диалог о ведьмах" таким замечанием. "За три месяца настоящего времени (1575) было схвачено почти бесконечное число ведьм, над которыми Парижский парламент вынес приговор: и тот же трибунал не перестает заседать ежедневно, поскольку обвиненные в этом преступлении злоумышленники постоянно предстают перед ним из всех провинций".

В 1595 году Николас Реми, иначе Ремигиус, напечатал очень любопытную работу под названием "Демонология", в которой он подробно излагает принципы договора, заключаемого дьяволом со своими смертными союзниками, и способы поведения, специально соблюдаемые обеими сторонами. Он хвастается, что его изложение основано на точном наблюдении за судебными процессами, которые проходили под его наблюдением в герцогстве Лотарингия, где за предыдущие пятнадцать лет девятьсот человек, более или

менее, подверглись крайнему наказанию закона за преступление колдовства. Большинство испытуемых, по-видимому, были достаточно общительны в том, что касается различных видов угроз и принуждения, с помощью которых дьявол привел их в свои условия, и различных явлений, которые он демонстрировал, и подвигов, которые он совершал; но другие, говорит автор, "сохраняя упрямое молчание, показали себя неуязвимыми для всех видов пыток, которые могли быть применены к ним".

Но самая памятная запись, сохранившаяся до нас по теме колдовства, содержится в обширном томе формата кварто, озаглавленном "Представление (*Tableau*) о злой вере в злых духов и демонов" Пьера де Ланкра, королевского советника в парламенте Бордо. Этот человек был назначен вместе с одним коадьютором расследовать некоторые акты колдовства, которые, как сообщалось, были совершены в округе Лабурад, недалеко от подножия Пиренеев; его поручение датируется маем 1609 года, а значит, за двенадцать месяцев до смерти Генриха Четвертого.

Книга посвящена М. де Силлери, канцлеру Франции; в посвящении автор отмечает, что раньше те, кто занимался колдовством, были хорошо известны как люди низкого положения и узкого ума; но теперь колдуны, которые признаются в своих проступках, утверждают, что на обычных собраниях, проводимых такими людьми, можно увидеть большое количество людей высокого уровня, которых Сатана скрывает от обычного взгляда, и которым разрешается приблизиться к нему, в то время как люди более бедного и вульгарного класса оттеснены в самую дальнюю часть собрания. Все повествование принимает форму регулярной войны между сатаной с одной стороны и королевскими комиссарами с другой.

Сначала дьявол пытался придать обвиняемым силы, чтобы выдержать пытки, с помощью которых от них пытались добиться признания, так что в перерывах между пытками несчастные заявляли, что, засыпая, они словно оказываются в раю и наслаждаются прекраснейшими видениями. Однако комиссары, заметив это, постарались не давать им отпущения грехов, пока не вытянули из них, по возможности, исчерпывающее признание. Затем дьявол стал затыкать обвиняемым рты, чтобы они не могли признаться. Он набросился на их горло и, очевидно, создал препятствие для органов речи, так что они тщетно пытались облегчить свое положение, рассказывая все, что от них требовали.

Далее историк рассказывает, что во время этих святотатственных собраний они начали роптать на дьявола, как не имеющего силы облегчить их положение. Дети, дочери и другие родственники жертв упрекали его, не стесняясь говорить: "Прочь от тебя! Ты обещал, что наши матери, которые были в плену, не умрут; и посмотри, как ты сдержал свое слово с нами! Их сожгли, и они превратились в кучу пепла". В ответ на это обвинение дьявол упорно твердил, что их родители, которые вроде бы пострадали, не умерли, а находятся в безопасности в чужой стране, уверяя недовольных, что, если они обратятся к ним, то получат ответ. Дети позвали, и, как по волшебной иллюзии, пришел ответ, в точности повторяющий голоса умерших, в котором говорилось, что они находятся в состоянии счастья и безопасности.

Чтобы удовлетворить жалобщиков, дьявол развел иллюзорные костры и побудил недовольных пройти через них, уверяя, что костры, зажженные по судебному указу, так же безвредны и не причиняют вреда, как и эти. Далее демон пригрозил, что заставит обвинителей сгореть в их собственном огне, и даже заставил их как бы парить и слетать на ветви соседних деревьев. Кроме того, он вызвал целый рой жаб, которые, словно гирлянда, увенчали головы страдальцев, и когда в одном случае прохожие стали бросать камни, чтобы отогнать их, одна чудовищная черная жаба осталась до последнего невредимой, а в конце

поднялась на крышу и исчезла из виду. Далее де Ланкр описывает церемонии саббата дьявола; в книгу вставлена табличка, изображающая собрание в разгар торжеств. В нескольких главах он описывает договор, заключенный между дьяволом и колдунами, знаки, по которым их можно было узнать, пиршество, которым демон их потчевал, их искаженный и чудовищный танец, совокupление между дьяволом и ведьмой и его результат... Легко представить, с какой справедливостью проводились судебные процессы, если судья так описывает то, что происходило на этих собраниях. Шестьсот человек были сожжены по этому обвинению.

Последняя глава посвящена точному описанию того, что происходило на *auto da fe* в ноябре 1610 года в Логроньо на Эбро в Испании, жертвами которого стали по большей части несчастные, бежавшие через Пиренеи от беспощадного преследования, которое устроил против них историк всего мира.

САВОНАРОЛА.

Джером Савонарола был одним из самых выдающихся людей своего времени, и его судьба хорошо подходит для иллюстрации особенностей того периода. Он родился в 1452 году в Ферраре в Италии. Он стал доминиканским монахом в Болонье без ведома родителей на двадцать втором году жизни. Сначала его начальство занималось разъяснением принципов физики и метафизики. Но, проработав так несколько лет, он заявил, что навсегда оставляет эти тонкости и посвящает себя исключительно изучению Священного Писания. Вскоре он стал выдающимся проповедником, изяществом и чистотой своего стиля снискав аплодисменты слушателей со вкусом, а непревзойденной пылкостью своего красноречия завладев сердцами многих. Вскоре стало очевидно, что благодаря своей власти, приобретенной таким образом, он мог делать все, что ему заблагорассудится, с жителями Флоренции, среди которых он проживал. Обладая таким превосходством, он не довольствовался тем, что был духовным наставником душ людей, но еще больше посвятил себя временному процветанию и величию своей страны. В это время дом Медичи был хозяином государства, а знаменитый Лоренцо де Медичи занимался управлением делами. Но политические установки Лоренцо расходились с идеями нашего проповедника. Лоренцо стремился сосредоточить всю власть в руках немногих богачей; Савонарола же, руководствуясь образцом лучших времен Древнего Рима, старался передать суверенную власть в руки народа.

На тридцать четвертом году жизни он поселился во Флоренции, получив приглашение стать настоятелем монастыря святого Марка в этом городе; его популярность была такова, что через четыре года после этого Лоренцо на смертном одре послал за Савонаролой, чтобы тот дал ему духовное утешение. Между тем республиканец проявил себя столь сурово, что настоял на отказе Лоренцо от своей абсолютной власти, прежде чем тот примет у него причастие и отпущение грехов; и Лоренцо выполнил эти условия.

Когда принц умер, Савонарола немедленно вступил в высшую власть. Он восстановил государство на чистых республиканских принципах и во всех своих публичных проповедях особенно настаивал на четырех вещах: страхе Божьем, любви к республике, забвении всех прошлых обид и равных правах для всех на будущее.

Но Савонарола не довольствовался Флоренцией, где, как говорят, он произвел полный переворот нравов, от распутства до самой образцовой чистоты и честности; он также стремился произвести такой же эффект на всю Италию. Александр VI, самый распутный из пап, занимал тогда кафедру в Риме; и Савонарола обрушил на него в соборе во Флоренции самые страшные обличения. Папа, не колеблясь ни минуты, пошел на крайние меры против

монаха. Он вызвал его в Рим под страхом, в случае неповиновения, отлучения священника от церкви и интердикта для республики, которая его приютила. Флорентийцам несколько раз удавалось добиться отмены отлучения, и, заключив соглашение с понтификом, Иероним снова и снова приостанавливал свои проповеди, которые, однако, продолжали другие монахи, его коллеги и единомышленники. Савонарола тем временем не мог долго молчать; он возобновил свои филиппики так же яростно, как и прежде.

В это время во Флоренции бушевали раздоры. У Жерома было много сторонников; все доминиканцы и большая часть населения. Но против него ополчились различные враги: приверженцы дома Медичи, папы, либертины и все ордена монахов и монахов, кроме доминиканцев. Насилие дошло до того, что проповедника нередко оскорбляли на его кафедре, а собор эхом отзывался на несогласия сторон. В конце концов против Савонаролы был организован заговор, и, когда его сторонники одержали верх, монах не решился доверить наказание своих врагов общему собранию, где этот вопрос привел бы к сцене военных действий, а передал его на рассмотрение более узкого трибунала, и в конце концов приступил к смертной казни по единоличному решению.

Эта крайность еще больше разъярила его врагов. Папа распорядился, чтобы его последователям было отказано в отпущении грехов, причастии и обрядах погребения. Теперь он был изгнан из Флорентийского собора и перенес свои проповеди в часовню своего монастыря, которая была расширена, чтобы приспособить ее к многочисленным слушателям. В это время произошла необычайная сцена. Некий Франциск де Пуй предложил себя на суд огня в пользу обоснованности отлучения папы от церкви против притворного вдохновения и чудес пророка. Он заявил, что не сомневается в том, что погибнет в ходе эксперимента, но ему будет приятно увидеть, как вместе с ним погибнет Савонарола. Однако Доминик де Пешиа и другой доминиканец предали себя огню вместо Иеронима, заявив, что он предназначен для более высоких дел. Де Пуй сначала отказался от такой замены, но потом его убедили подчиниться. Для испытания на рынке разожгли огромный костер, посередине которого проходила низкая и узкая железная галерея, по которой претендент и претендентка должны были попытаться пройти. Но, как говорят, в тот момент, когда все было готово, начался неистовый ливень; огонь погас, и испытание стало невозможным.

Савонарола в серьезности своих проповедей претендовал на роль пророка и уверенно предсказывал будущие события. Он говорил о Карле VIII Французском как о Кире, который освободит Италию и покорит все народы, и даже назвал весну 1498 года периодом, когда все это должно произойти.

Но не только в пророчествах Савонарола претендовал на сверхъестественную помощь. Он описывал различные состязания, которые вел в своем монастыре против множества дьяволов одновременно. Они по-разному мучили монахов святого Марка, но всегда с трепетом боялись его личного вмешательства. Они пытались обращаться к нему по имени, но дух Божий превозмог их, так что они никогда не могли правильно произнести его имя, но при этом смешно переставляли слоги и буквы. Они произносили страшные угрозы в его адрес, но тут же в страхе отступали, потрясенные святыми словами и предостережениями, которые он произносил в их адрес. Кроме того, Савонарола взялся изгонять их по ночам, окропляя святой водой и распевая торжественным хором гимны. Однако пока он занимался этими священными делами и расхаживал по монастырю, дьяволы задерживали его шаги и внезапно делали воздух перед ним таким густым, что он не мог продвинуться дальше. В другой раз один из его коллег уверял Франциска Пикуса из Мирандолы, автора его "Жизни", что сам не раз видел, как Святой Дух в виде голубя садился на плечо Савонаролы, трепетал

перьями, осыпанными серебром и золотом, и, приложив клюв к его уху, шептал ему свои божественные внушения. Кроме того, в книге собственного сочинения приор подробно рассказывает о диалоге, который он вел с дьяволом, представляясь отшельником и будучи принятым писателем за него.

Однако жизнь Савонаролы подошла к быстрому и трагическому концу. Народ, всегда непостоянный в своих порывах, получив неблагоприятное впечатление от того, что он лично отказался от испытания огнем, ополчился против него. В тот же вечер они осадили монастырь, в котором он жил и в котором укрылся. Синьор, видя неотложность дела, послал к братии приказ выдать приора и двух доминиканцев, которые явились вместо него на суд огня. Папа прислал двух судей, чтобы они судили их на месте. Вскоре они были преданы пыткам. Савонарола, который, как нам рассказывают, отличался нежным телосложением, быстро признался и выразил раскаяние в содеянном. Но не успели его освободить от ремней, как он отказался от всего, в чем признался ранее. Эксперимент повторялся несколько раз, и всегда с одинаковым успехом.

В конце концов он и двое других были приговорены к гибели в огне. Не успели огласить этот приговор, как Савонарола вновь обрел стойкость мученика. Он шел к месту казни ровным шагом и с безмятежным лицом, а посреди пламени смиренно отдал свою душу в руки Создателя. Его приверженцы считали его свидетелем истины и благочестиво собирали его мощи; но судьи, чтобы противостоять этому пренебрежению к власти, приказали бросить его останки и пепел в реку. [197]

ТРИТЕМИЙ.

Имя, ставшее в некотором роде знаменитым в анналах магии, принадлежит Иоанну Тритемиусу, аббату Шпанхайма, или Спонхейма, в окружности Верхнего Рейна. Он родился в 1462 году. Он рано отличился своей преданностью литературе; настолько, что, согласно общепринятой хронологии, в 1482 году, будучи около двадцати лет от роду, он был избран аббатом бенедиктинского монастыря Святого Мартина в Шпанхайме. Он написал большое количество работ и оставил несколько воспоминаний о своей жизни. Когда он был избран в этот сан, образование находилось на низком уровне. Библиотека монастыря насчитывала не более сорока томов. Но вскоре под его руководством она стала насчитывать многие сотни. Он настоял на том, чтобы его монахи усердно занимались приумножением рукописей. Монахи, которые до сих пор проводили свои дни в роскошном безделье, были очень недовольны этой революцией и вели своему настоятелю очень беспокойную жизнь. Вследствие этого в 1506 году он был переведен в аббатство Святого Жака в Вюрцбурге, где и умер в спокойствии и мире в 1516 году.

Тритемиуса обвиняли в некромантии и торговле с демонами. Главным основанием для этого обвинения послужила история, рассказанная о его связи с императором Максимилианом. Первой женой Максимилиана была Мария Бургундская, которую он потерял в самом расцвете сил. Император был безутешен по этому поводу; и Тритемий, который был призван как необычайно квалифицированный специалист, чтобы утешить его, безрезультатно испробовав все другие способы, в конце концов сказал Максимилиану, что он возьмет на себя обязательство представить ему его покойную супругу именно в том состоянии, в котором она жила. После соответствующих приготовлений Мария Бургундская предстала перед ним. Император был поражен. Он обнаружил, что стоящая перед ним фигура во всех отношениях похожа на ту супругу, которую он потерял. В конце концов он воскликнул: "Есть один признак, по которому я безошибочно узнаю, что это та же самая особа. У Мэри, моей жены, на затылке была бородавка, о существовании которой никто, кроме меня, не был

осведомлен". Он осмотрел ее и обнаружил, что бородавка была на месте, во всех отношениях такой, какой она была при жизни. Далее рассказывается, что Максимилиан был настолько отвращен и потрясен увиденным, что навсегда изгнал Тритемия из своего дома.

Эта история была опровергнута, в частности, из-за периода смерти Марии Бургундской, которая произошла в 1481 году, когда Тритемию было всего девятнадцать лет. Сам он категорически отвергает все обвинения в колдовстве. Одним из оснований для обвинения послужило существование его работы под названием "Стеганография", или искусство с помощью тайнописи передавать свои мысли отсутствующему человеку. Однако он утверждает, что в этой работе он просто использовал язык магии, ни в коей мере не прибегая к их способам действия. Тритемий, по-видимому, был первым писателем, который упомянул о необыкновенных подвигах Иоанна Фауста из Виттенбурга, причем так, чтобы показать, что он рассматривал эти чары как работу сверхъестественной силы. [198]

ЛЮТЕР.

Здесь особенно уместно упомянуть Лютера; не потому, что он каким-то образом замешан в вопросе о некромантии, но потому, что в его трудах есть отрывки, в которых он говорит о дьяволе в том, что мы сейчас считаем весьма необычным. И любопытно, и не в малой степени поучительно, посмотреть, как человек столь мужественного интеллекта, во многом опередивший просвещение своей эпохи, привык судить о сношениях смертных с обитателями inferнального мира. Лютер родился в 1483 году.

Из его "Трактата о злоупотреблениях, связанных с частными мессами" следует, что у него была беседа с дьяволом по этому вопросу. Он говорит, что этот сверхъестественный персонаж причинил ему своими визитами "много горьких ночей и много беспокойного и утомительного отдыха". В частности, однажды он пришел к Лютеру "в глубокой ночи, когда он только что пробудился от сна". Дьявол, - продолжает он, - хорошо знает, как строить свои аргументы и настаивать на них с мастерством мастера. Он говорит серьезным и в то же время пронзительным голосом. Он не использует иносказаний и не бьется о кусты, но превосходит всех в убедительных заявлениях и быстрых репликах. Я уже не удивляюсь, - добавляет он, - что людей, которых он таким образом атакует, иногда находят мертвыми в своих постелях. Он умеет сжимать и разжимать, и не раз он так нападал на меня и загонял мою душу в угол, что мне казалось, будто в следующий момент она должна покинуть мое тело. Я считаю, что Геснер, Оеколампадиус и другие подобным образом пришли к своей смерти. Манера дьявола открывать диспут достаточно приятна; но он так императивно настаивает на своем, что отвечающий через некоторое время не знает, как оправдаться". [199] В другом месте он говорит: "Причины, по которым сакраментарии так мало понимают Писание, в том, что они не сталкиваются с истинным противником, то есть с дьяволом, который сразу же загоняет человека в угол и таким образом заставляет его понять справедливое толкование. Со своей стороны я хорошо знаком с ним и съел с ним целый бушель соли. Он спит со мной чаще и лежит ближе ко мне в постели, чем моя собственная жена". [200]

КОРНЕЛИЙ АГРИППА.

Генрих Корнелий Агриппа родился в 1486 году. Он был одним из самых знаменитых людей своего времени. Его таланты были необычайно велики, и он обладал удивительной способностью к изучению языков. О нем с высочайшей похвалой отзываются Тритемий,

Эразм, Меланктон и другие величайшие люди своего времени. Но он был человеком самых бурных страстей и очень неустойчивого нрава. Вследствие этого он был подвержен незабываемым превратностям. Он пользовался большой репутацией астролога и усердно занимался химией. Он имел репутацию обладателя философского камня и постоянно испытывал на себе лишения бедности. Он подвергался сильным гонениям и неоднократно оказывался в тюрьме. В одно и то же время он получил приглашения от Генриха VIII, канцлера императора, знатного итальянского маркиза и Маргариты Австрийской, правительницы Низких стран. Он сделал свой выбор в пользу последней и не нашел способа так явно выразить свою благодарность за ее покровительство, как написать подробный трактат о превосходстве женского пола, который он посвятил ей. Вскоре после этого он выпустил не менее замечательную работу, демонстрирующую тщету и пустоту научных приобретений. После смерти Маргариты Австрийской он был назначен врачом Луизы Савойской, матери Франциска I. Однако эта дама поручила ему задание, не соответствующее его склонностям, - расчеты по правилам астрологии, и он не побрезговал ополчиться против нее, заявив, что отныне должен считать ее жестокой и вероломной Иезавелью. После жизни, полной бурь и вечных превратностей, он умер в 1534 году, в возрасте 48 лет.

Однако в работу, которую я пишу, он входит главным образом из-за необыкновенных историй, которые рассказывают о нем на тему магии. В своем "Трактате о тщете наук" он говорит о себе: "Будучи тогда совсем молодым человеком, я написал в трех книгах значительного размера "Дисквизиты, касающиеся магии".

Первая из историй, о которых я собираюсь рассказать, интересна прежде всего тем, что связана с историей одного из самых прославленных украшений нашей ранней английской поэзии, Генри Говарда, графа Суррея, который умер в конце правления короля Генриха VIII. Граф Суррей, как нам рассказывают, познакомился с Корнелием Агриппой при дворе Иоанна Георга, курфюрста Саксонии. На этом приеме присутствовали, помимо английского дворянина, Эразм и многие другие видные деятели литературы. Эти лица пришли в восторг от распространившихся об Агриппе сведений и пожелали, чтобы он представил курфюрсту что-нибудь памятное. Один из них просил позвать Плавта и показать ему, как он выглядит в одежде и с лицом, когда молот кукурузу на мельнице. Другой прежде всего желал увидеть Овидия. Но Эразм убедительно просил показать Туллия в момент произнесения оратории в честь Росия. Это предложение получило больше всего голосов. И, собрав толпу зрителей, Туллий явился по приказу Агриппы и с трибуны произнес речь, точно в тех словах, в которых она дошла до нас, "с таким удивительным оживлением, таким пылким подъемом духа и такими волнующими душу жестами, что все присутствующие были готовы, подобно древним римлянам, объявить своего клиента невиновным во всех обвинениях, которые против него выдвигались". История добавляет, что, когда сэр Томас Мор находился в том же месте, Агриппа показал ему во сне все разрушение Трои. Томасу лорду Кромвелю он показал в перспективном стекле короля Генриха VIII и всех его лордов, охотящихся в его Виндзорском лесу. Карлу V он показал Давида, Соломона, Гедеона и других, а также девять достойных, в их привычках и подобию, как они жили.

Между тем лорд Суррей, познакомившись с Агриппой, попросил его во время их путешествия показать ему его любовницу, прекрасную Джеральдину, показывая при этом, что она делает и с кем разговаривает. Агриппа показал волшебное стекло, в котором благородный поэт увидел эту прекрасную даму, больную, плачущую на своем ложе и безутешную из-за отсутствия своего поклонника. - Теперь известно, что единственным авторитетом для этой

истории является Томас Нэш, драматург, в своих "Приключениях Джека Уилтона", напечатанных в 1593 году.

Паулюс Йовиус рассказывает, что Агриппа всегда держал при себе дьявола, который сопровождал его во всех путешествиях в виде черной собаки. Когда он лежал на смертном одре, его убедительно увещевали покаяться в своих грехах. Вследствие этого, охваченный глубоким раскаянием, он взял собаку на руки и снял с нее ошейник, утыканный гвоздями, на которых была начертана некромантическая надпись, одновременно сказав ей: "Прочь, жалкое животное, ставшее причиной моей гибели!" - И добавляют, что собака тут же убежала и окунулась в реку Соан, после чего ее больше не видели. [201] Далее об Агриппе, как и о многих других магах, рассказывают, что он имел привычку, когда отдыхал в трактире, оплачивать свой счет фальшивыми деньгами, которые в момент оплаты казались стерлингами, но через несколько дней превращались в куски рога и бесполезные раковины. [202]

Но самая необычная история об Агриппе рассказана Дельрио и заключается в следующем. Однажды Агриппе довелось на несколько дней отлучиться из своей резиденции в Лувене. На время своего отсутствия он доверил своей жене ключ от своего музея, но с серьезным запретом, чтобы никто и ни за что не мог войти. В это время в доме Агриппы появился постоялец, молодой человек с ненасытным любопытством, который не переставал упрашивать хозяйку, пока в конце концов не получил от нее запретный ключ. Первое, что привлекло его внимание в музее, была книга заклинаний и заклинаний. Он разложил ее на столе и, не думая ни о чем плохом, начал читать вслух. Он недолго продолжал это занятие, когда в дверь комнаты постучали. Юноша ничего не заметил, но продолжал читать. Вскоре последовал второй стук, который несколько встревожил читателя. Прошла минута, и ответа не последовало, тогда дверь отворилась, и в нее вошел демон. "С какой целью я призван?" - сурово спросил незнакомец. "Что ты требуешь от меня?" Юношу охватила сильнейшая тревога, и он потерял дар речи. Демон подошел к нему, схватил его за горло и задушил, возмущенный тем, что его присутствие было вызвано из чистого безрассудства и самонадеянности.

В назначенное время Агриппа вернулся домой и, к своему удивлению, обнаружил на крыше своего дома множество чертей, которые капризничали и разыгрывали странные сценки. Своим искусством он заставил их прекратить свои забавы и властно спросил, в чем причина такого необычного появления. Главный из них ответил. Он рассказал, как их вызывали, оскорбляли и как они отомстили. Агриппа сильно встревожился, опасаясь последствий этого злополучного приключения для себя. Он приказал демону, не теряя времени, оживить тело своей жертвы, затем выйти вперед и три или четыре раза пройтись доской по рыночной площади на виду у всех. Адский дух сделал то, что ему было приказано, показал студенту, что он жив, и, сделав это, заставил тело упасть - следов сознательного существования уже не осталось. Некоторое время считалось, что студент погиб от внезапного приступа болезни. Но вскоре были обнаружены следы удушения, и истина открылась. Агриппа был вынужден внезапно удалиться и поселиться в отдаленной провинции. [203]

Виерус в своей широко известной книге "*De Praestigiis Demonum*" сообщает, что он жил в течение многих лет, ежедневно посещая Корнелия Агриппу, и что черная собака, относительно которой распространялись столь странные предположения, была совершенно невинным животным, которое он часто водил за собой на веревке. Он добавляет, что единственным основанием для этой истории послужил тот факт, что Агриппа был очень привязан к собаке, которой он позволял есть со стола вместе с хозяином и даже ложиться ночами в его постель. Далее он отмечает, что Агриппа имел обыкновение часто не выходить

из своей комнаты в течение недели, и что люди, соответственно, удивлялись, что он мог иметь такую точную информацию о том, что происходит во всех частях света, и хотели бы, чтобы информацию ему передавала его собака. Однако он добавляет, что на самом деле у Агриппы были корреспонденты во всех уголках земного шара, и он ежедневно получал от них письма, что и было истинным источником его необыкновенного ума. [204]

Науде в своей "Апологии великих людей, обвиненных в магии" упоминает, что Агриппа написал книгу "Правила и предписания искусства магии", и что, если такая работа может дать человеку право на звание мага, Агриппа действительно вполне заслужил его. Но он считает, что это было единственным основанием для того, чтобы закрепить это обвинение за этим прославленным персонажем.

Однако, не веря ни одной из историй о магических практиках Корнелия Агриппы и даже, возможно, не предполагая, что он всерьез претендовал на подобные искусства, мы получаем поразительную картину нравов и легковерия тех времен, в которые он жил. Из свидетельства современника Виеруса мы ясно видим, что в него верили его соседи; а в тот период было достаточно обычным делом подвергнуться подобным обвинениям со стороны любого человека с глубокими исследованиями, затворническими привычками и определенным сентиментальным и магическим воздухом. Более чем вероятно, что Агриппа хотел всеобщим молчанием и таинственностью поощрить удивление вульгарного ума. Ему льстили ужас и трепет, которые внушало его появление. Он не хотел опускаться до обыденного уровня. А если к этому добавить его занятия алхимией и астрологией, с грозными и разнообразными приспособлениями, которые, как предполагалось, требовались для этих занятий, то мы уже не будем удивляться результатам, которые последовали за ними. Ему нравилось бродить по краю опасности, и он был доволен тем, что к нему могут пристать, чем не обладать тем превосходством над обычным человечеством, которое, очевидно, удовлетворяло его тщеславие.

ФАУСТУС.

Следующим по времени после Корнелия Агриппы идет знаменитый доктор Фаустус. Об этом выдающемся человеке в анналах некромантии известно очень мало. Его претенциозная история, похоже, была написана лишь в 1587 году, возможно, через полвека после его смерти. Эта работа, очевидно, в своих основных чертах полностью вымышлена. Однако у нас нет причин отрицать ранние утверждения о его жизни. Камерариус и Виерус утверждают, что он родился в Кундлинге под Краковом в Польском королевстве и, как считается, провел большую часть своей жизни в Виттенбергском университете. Вероятно, он был хорошо известен Корнелию Агриппе и Парацельсу. Меланхтон упоминает его в своих "Письмах", а Конрад Гесснер называет его своим современником. Автор "Жизни" приводит мнения, высказанные о нем Лютером. Филипп Камерарий говорит о нем в своих "Horae Subsecivae" как о знаменитом имени среди магов, по-видимому, без ссылки на дошедшее до нас "Житие"; [205] и Виерус делает то же самое. [206] Вероятно, он был не более чем искусным жонглером, который, судя по всему, с большим успехом практиковал свое искусство в нескольких городах Германии. Он также, несомненно, был претендентом на некромантию.

На этой основе была построена широко известная история его жизни. Автор с большим искусством расширил очень скудные материалы и превратил свой труд в поразительной степени в свод и вместилище всех наиболее одобряемых идей о некромантии и оскверненном и святотатственном общении с дьяволом. Он с большим мастерством вплел в него притворные искусства колдунов и переписал или тщательно имитировал дошедшие до нас рассказы о многих необыкновенных подвигах, которые они, как говорят, совершали.

Поэтому для нашей цели будет уместно остановиться на последовательных деталях этой истории.

Считается, что это житие было написано в Испании Франциском Шоттусом из Толедо на латинском языке. [207] Но этот биографический труд датируется 1594 годом, до которого, как известно, "Жизнь" существовала на немецком языке. Невероятно, чтобы испанский писатель выбрал немца в качестве героя своего романа, тогда как ничто не может быть более естественным, чем то, что у немца возникла идея прославить и прославиться своего соотечественника. Ошибка, по-видимому, та же, хотя и по другой причине, что и та, которая, по-видимому, была допущена при представлении "Жиль Бласа" Ле Сажа как перевода.

Биографический рассказ утверждает, что он был начат самим Фаустусом, хотя и написан в третьем лице, и продолжен Вагнером, его доверенным слугой, которому доктор, как утверждается, завещал свои мемуары, письма и рукописи, а также дом и его мебель.

Фаустус, согласно его истории, был сыном крестьянина, жившего на берегу Роды в герцогстве Веймар, и рано был усыновлен дядей, проживавшим в городе Виттенберге, у которого не было детей. Здесь он был отправлен в колледж и вскоре отличился величием своих талантов и быстрым прогрессом во всех видах обучения, которые перед ним ставили. Родственник предназначил его к профессии богослова. Но, как ни странно, учитывая, что он был представлен как источник материалов для своих собственных мемуаров, он, как говорят, без сожаления свел на нет благочестивые намерения своего дяди, высмеяв слово Божье, и уподобился Каину, Рувиму и Авессалому, которые, исходя от благочестивых родителей, огорчили сердца своих отцов своим отступничеством. Экзамены прошли под аплодисменты, и он занял все первые места среди шестнадцати конкурентов. Таким образом, он получил степень доктора богословия, но успех только усилил его гордыню и упрямство. Он презрел свое богословское превозношение и жаждал отличиться как мирской человек. Он получил степень доктора медицины и стремился прославиться как практикующий врач. Примерно в то же время он сблизился с некоторыми современниками, вкусы которых были схожи с его собственными, и вместе с ними изучал халдейские, греческие и арабские науки, странные заклинания и сверхъестественные воздействия, короче говоря, все колдовские искусства.

Достигнув таких успехов, какие только можно было достичь благодаря учебе и напряженному труду, он в конце концов решил еще больше преследовать свои цели, фактически воскресив дьявола. Однажды вечером он прогуливался в густом темном лесу, расположенном на небольшом расстоянии от Виттенберга, и ему пришло в голову, что это подходящее место для осуществления его замысла. Он остановился в уединенном месте, где сходились четыре дороги, и с помощью своей палочки начертил большой круг, а затем два маленьких внутри большого. В одном из них он закрепился, а другой выделил для ожидаемого гостя. Он тщательно продумал весь набор чар и заклинаний, ничего не упуская. Наступила темная ночь между девятым и десятым часом. Дьявол проявил себя обычными признаками своего появления. "Зачем я призван?" - сказал он, - "и чего ты требуешь?" "Я требую, - ответил Фаустус, - чтобы ты внимательно следил за мной, отвечал на мои вопросы и выполнял мои просьбы".

Сразу же после того, как Фаустус произнес эти слова, над головой поднялся такой шум, будто небо и земля сошлись вместе. Деревья в своих верхних ветвях согнулись до самых корней. Казалось, весь лес был населен дьяволами, которые грохотали, как тысяча повозок, спеша направо и налево, впереди и позади, во всех возможных направлениях, с громом и молниями и непрерывной стрельбой из огромных пушек. Казалось, что ад опустел, чтобы обеспечить

этот грохот. Вслед за этим зазвучала прелестная музыка из всевозможных инструментов, звуки веселья и танцев. Затем раздался шум турнира и звон бесчисленных копий. Это продолжалось так долго, что Фаустус не раз порывался выйти из круга, в котором он замкнулся, и бросить свои приготовления. Однако мужество и решимость взяли верх, и он остался непоколебим. Он продолжал свои заклинания без перерыва. Тогда к самому краю круга подошел сначала грифон, а затем дракон, который в разгар своих чар страшно оскалился на него зубами, но в конце концов упал к его ногам и растянулся во много вёрст. Фаустус продолжал упорствовать. Тогда был устроен фейерверк: огненный столб, на вершине которого стоял человек в огне, который прыгнул вниз; и тут же появилось множество раскаленных шаров, а человек в огне в течение четверти часа ходил и приходил во все концы круга. В конце концов дьявол вышел вперед в облике седого монаха и спросил Фаустуса, чего тот хочет. Фаустус прервал их дальнейший разговор и назначил дьяволу явиться к нему в его жилище.

Тем временем он занялся необходимыми приготовлениями. В назначенное время он вошел в свой кабинет и застал там дьявола, который ждал его. Фаустус сказал ему, что подготовил определенные условия, с которыми демон должен полностью согласиться, - что он должен присутствовать при нем в любое время, когда потребуется, во все дни его жизни, что он должен приносить ему все, что тот пожелает, что он должен приходить к нему в любом облике, какой Фаустус пожелает, или быть невидимым, и Фаустус тоже должен быть невидимым, когда он этого пожелает, что он ни в чем не должен ему отказывать и отвечать с полной правдивостью на все, что он потребует. На некоторые из этих требований дух не мог согласиться, не имея на то полномочий от своего хозяина, начальника дьяволов. В конце концов все эти уступки были улажены. Дьявол со своей стороны также выдвинул свои условия. Фаустус должен отречься от христианской религии и всякого почитания верховного Бога; он должен находиться в полном подчинении у своего сопровождающего демона в течение определенного срока, а по истечении этого срока дьявол должен распоряжаться его телом и душой по своему усмотрению [срок был определен в двадцать четыре года]; что он должен всегда упорно отказываться слушать любого, кто захочет обратить его, или убедить его в ошибочности его путей, и привести его к покаянию; что Фаустус должен составить письмо, содержащее эти сведения, и подписать его своей кровью, что он должен передать это письмо дьяволу, и оставить дубликат для себя, чтобы не было никаких недоразумений. Далее Фаустус назначил, чтобы дьявол обычно приходил к нему в одежде кордельера, с приятным лицом и вкрадчивой манерой поведения. Фаустус также спросил у дьявола его имя, на что тот ответил, что обычно его называют Мефостофилом (возможно, точнее Нефостофилом, любителем облаков).

До этой прискорбной сделки, в ходе которой Фаустус продал себя, душу и тело, дьяволу, он проел свое наследство и был доведен до крайней нищеты. Но теперь он больше не испытывал никаких трудностей. Заведения князя Чуцкого, герцога Баварского и архиепископа Зальцбургского ежедневно вносились для его более удобного снабжения. Благодаря усердию Мефостофиля в его окна постоянно влетала всевозможная провизия, а самые лучшие вина постоянно находили у него на столе, к досаде и позору погребальщиков и дворецких этих выдающихся особ, которых чрезвычайно упрекали за проступки, в которых они не принимали никакого участия. Он также ежемесячно привозил ему деньги, достаточные для поддержания его заведения. Кроме того, он снабдил его целой чередой любовниц, каких только пожелало его сердце, которые на самом деле были не чем иным, как дьяволицами, маскирующимися под видом прекрасных женщин. Кроме того, он подарил Фаустусу книгу, в которой были подробно описаны процессы колдовства и чародейства, с помощью которых доктор мог получить все, что пожелает.

Одной из первых поблажек, которую Фаустус предложил себе, пользуясь властью над своим слугой-демоном, было удовлетворение своего любопытства в изучении различных народов мира. Поэтому Мефостофил превратился в коня, с двумя горбами на спине, как у дромадера, между которыми он перевозил Фаустуса по воздуху, куда тот пожелает. В своих странствиях они провели пятнадцать месяцев. Среди стран, которые они посетили, в истории упоминаются Паннония, Австрия, Германия, Богемия, Силезия, Саксония, Мисния, Тюрингия, Франкония, Суабия, Бавария, Литва, Ливония, Пруссия, Московия, Фрисландия, Голландия, Вестфалия, Зеландия, Брабант, Фландрия, Франция, Испания, Италия, Польша и Венгрия; а затем Турция, Египет, Англия, Швеция, Дания, Индия, Африка и Персия. В большинстве этих стран Мефостофил указывает своему попутчику на их главные диковинки и древности. В Риме они пробыли три дня и три ночи и, будучи сами невидимыми, посетили резиденцию папы и другие главные дворцы.

В Константинополе Фаустус посетил императора турок, приняв на себя образ пророка Магомета. Его приближению предшествовало великолепное освещение, не меньшее, чем у солнца во всем его великолепии. Он сказал императору: "Счастлив ты, о султан, который счел себя достойным посещения великого пророка". И император в ответ пал перед ним ниц, поблагодарив Магомета за его снисходительность в этом визите. Врач также вошел в сераль, где пробыл шесть дней в том же положении, причем здание и сады все это время были окружены густым мраком, так что никто, кроме самого императора, не осмеливался войти. По истечении этого времени врач, все еще под фигурой Магомета, был публично замечен, возносясь, как казалось, на небо. После этого султан спросил у женщин своего сераля, что происходило с ними во время мрака, и они ответили, что бог Магомет был с ними, что он наслаждался их телом и сказал им, что от его семени должен произойти великий народ, способный на неодолимые подвиги.

Фаустус задумал, как пробраться в земной рай, не вызвав подозрений у своего демонического проводника. Для этого он приказал ему подняться на самые высокие горы Азии. В конце концов они приблизились настолько, что увидели ангела с огненным мечом, запрещающего входить в сад. Фаустус, заметив это, спросил Мефодия, что это значит. Проводник рассказал ему, но добавил, что напрасно они, да и вообще кто-либо, кроме ангелов Господних, думают войти внутрь.

Удовлетворив свое любопытство другими способами, Фаустус загорелся желанием побывать в адских чертогах. Он предложил этот вопрос Мефодию, который сказал ему, что это дело не в его компетенции и что в этом путешествии у него не может быть другого проводника, кроме Вельзевула. Итак, все было заранее оговорено, и однажды в полночь появился Вельзевул, уже снаряженный седлом, сделанным из костей мертвецов. Фаустус быстро взобрался на него. Вскоре они оказались в пропасти и столкнулись с множеством огромных змей; но на помощь им пришел медведь с крыльями и отогнал змей. Следом появился летающий бык с ужасным ревом, таким яростным, что Вельзевулу показалось, что он отступит, и Фаустус сразу же рухнул в яму пятками вперед. После падения на значительную глубину ему на помощь пришли два дракона с колесницей, а обезьяна помогла ему забраться в транспортное средство. Однако вскоре разразилась буря с громом и молниями, настолько страшная, что доктора выбросило наружу, и он утонул в бурном море на огромной глубине. Однако ему удалось ухватиться за скалу и устоять на ногах. Взглянув вниз, он увидел огромную пропасть, в которой плавали многие люди, а также императоры, короли, принцы и те, кто был могущественными владыками. Фаустус с внезапным порывом бросился в гущу пламени, которым они были окружены, желая выхватить из ямы одну из проклятых душ. Но

как только он подумал, что поймал его за руку, несчастный выскользнул из его пальцев и снова утонул.

В конце концов доктор совсем изнемог от усталости, которую он перенес, от дыма и тумана, от удушливого сернистого воздуха, от бушующих ветров, от сменяющих друг друга жары и холода, от криков, причитания, агония и вой проклятых, окружавшие его повсюду, - как вдруг Вельзевул снова явился ему и пригласил взойти в седло, которое он занимал во время своего адского путешествия. Здесь он заснул, а проснувшись, обнаружил себя в своей постели в своем доме. Затем он всерьез задумался о том, что произошло. Одно время он верил, что действительно находился в аду и был свидетелем всех его тайн. В другое время он убеждался, что был подвержен лишь иллюзии и что дьявол провел его через воображаемую сцену, что действительно было так; ведь дьявол позаботился не показывать ему настоящий ад, опасаясь, что это могло бы вызвать слишком сильный ужас и побудить его раскаяться в своих злодеяниях, возможно, пока не стало слишком поздно.

Случилось так, что однажды император Карл V находился в Инспруке в то время, когда там жил и Фаустус. Его придворные сообщили императору, что Фаустус находится в городе, и Карл выразил желание увидеться с ним. Его представили. Карл спросил его, действительно ли он может совершать такие чудесные подвиги, как о нем рассказывают. Фаустус скромно ответил, что приглашает императора испытать его мастерство. "Тогда, - сказал Карл, - из всех выдающихся личностей, о которых я когда-либо читал, Александр Великий - человек, который больше всего возбуждает мое любопытство и который больше всего удовлетворил бы мои желания увидеть его в том самом виде, в котором он жил". Фаустус ответил, что воскрешать мертвых не в его власти, но что у него есть духи, которые часто видели этого великого завоевателя, и Фаустус охотно представит его императору, как тот пожелает. Он поставил условие, чтобы Карл не разговаривал с ним и не пытался прикоснуться к нему. Император обещал выполнить это условие. После нескольких церемоний Фаустус открыл дверь и ввел Александра точно в том виде, в каком он жил, в той же одежде и со всеми соответствующими обстоятельствами. Александр поклонился императору и несколько раз обошел вокруг него. Затем таким же образом была представлена королева Александра. Тут Карл вспомнил, что читал, будто у Александра была бородавка на затылке, и с должными предосторожностями Фаустус позволил императору осмотреть явление с помощью этого теста. После этого Александр исчез.

Когда доктор Фаустус ждал в суде, он увидел некоего рыцаря, который заснул в носовом оконце, высунув голову в окно. Врачу пришлось в голову прикрепить ему на лоб рога оленя. Вскоре рыцаря разбудили от дремоты, и он, как ни старался, не смог втянуть голову из-за выросших на ней рогов. Придворные очень смеялись над бедственным положением рыцаря, и, когда они достаточно развлеклись, Фаустус снял с него чары и отпустил рыцаря на свободу.

Вскоре после этого Фаустус удалился из Инспрука. Тем временем рыцарь, затаив сильную обиду на фокусника, выследил его с семьей всадниками на дороге, по которой он должен был проехать. Однако Фаустус заметил их и тут же сделался невидимым. Тем временем рыцарь озирался по сторонам, пытаясь обнаружить фокусника; но когда он был занят этим, то услышал внезапный шум барабанов, труб и кимвалов и увидел, что на него движется конный полк. Он тут же повернул в другую сторону, но был встречен вторым конным полком. Так повторялось не менее шести раз, и рыцарь со своими спутниками был вынужден сдаться по собственному желанию. Эти полки были сплошными дьяволами, и Фаустус теперь предстал в новом облике генерала этой армии. Он заставил рыцаря и его спутников разойтись и отдать свои мечи. Затем с кажушейся щедростью он дал им новых лошадей и новые мечи, но все

это было заколдовано. Вскоре мечи превратились в стрелки, а лошади, упав в реку по дороге, исчезли из-под ног всадников, которые были полностью вымочены в потоке и едва спаслись.

Многие из галлюцинаций Фаустуса скорее примечательны как уловки веселой досады, чем как часть тех серьезных повреждений, которые мы могли бы ожидать от адского орудия. В одном случае он поинтересовался у земляка, везшего груз сена, какую компенсацию тот сочтет разумной за то, что доктор съест столько сена, сколько ему захочется. Извозчик ответил, что за полстивера (один фартинг) он может есть столько, сколько пожелает. Доктор тут же принялся за дело и стал есть с такой скоростью, что крестьянин испугался, как бы не съесть весь груз. Поэтому он предложил Фаустусу золотую монету достоинством в двадцать семь шиллингов, чтобы тот откупился. Доктор взял ее, и, когда крестьянин подошел к концу своего путешествия, он обнаружил, что его груз не уменьшился даже на один клинок.

В другой раз, когда Фаустус шел по дороге близ Брунсвика, ему взбрело в голову попросить проезжавшего мимо извозчика подвезти его на своей машине. "Нет, не поеду", - ответил грубиян, - "моим лошадям и так хватает работы, чтобы тащить свой груз". "Ах ты, чурбан, - сказал доктор, - раз уж ты не позволил своим колесам везти меня, то пронеси их сам до самых городских ворот". Колеса отделились и полетели по воздуху к воротам города, из которого прилетели. В то же время лошади упали на землю и не могли подняться. Испугавшись, крестьянин упал на колени перед врачом и пообещал, если тот простит его, никогда больше не совершать подобных проступков. Фаустус, немного успокоившись, велел вознице взять с дороги горсть песка, рассыпать его на лошадей, и они поправятся. В то же время он велел ему отправиться к четырем воротам Брунсвика, и тот найдет свои колеса, по одному у каждого ворот.

В другом случае Фаустус отправился на ярмарку на благородном звере, богато наряженном, при виде которого к нему сразу же сбежались все любители лошадей. После длительного торга он наконец продал свою лошадь одному торговцу за хорошую цену, предупредив его при расставании, что будет ездить на ней к воде. Торговец, презрев предостережение, первым делом повернул коня к реке. Однако не успел он погрузиться в воду, как лошадь исчезла, а всадник оказался сидящим на соломенном седле посреди потока. С трудом он добрался до берега и, узнав, где находится трактир доктора, отправился к нему, чтобы пожаловаться на обманщика. Его направили в комнату Фаустуса, и, войдя, он обнаружил, что фокусник лежит на кровати и, по-видимому, спит. Он громко позвал его, но доктор не обратил на это внимания. Не выдержав, он схватился за ногу Фаустуса, чтобы разбудить его еще сильнее. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что нога и ступня доктора оторвались у него в руке! Фаустус закричал, видимо, от мучительной боли, а торговец выбежал из комнаты так быстро, как только мог, думая, что за ним стоит дьявол.

В одном случае к Фаустусу обратились три молодых дворянина, которые очень хотели присутствовать на свадьбе сына герцога Баварского в Менце, но просрочили время, в которое можно было бы совершить путешествие человеческими средствами. Фаустус, чтобы обязать их, привел их в свой сад и, расстелив на траве большую мантию, попросил их ступить на нее, а сам расположился посередине. Затем он произнес определенную форму заклинания. При этом он поставил их в условие, что они ни в коем случае не должны разговаривать ни с кем на свадьбе, а если заговорят, то не должны отвечать. Их незаметно пронесли по воздуху, и они прибыли в прекрасное время. В определенный момент они стали видимыми, но по-прежнему были связаны обязательством молчать. Однако один из них нарушил запрет и стал развлекаться с придворными. В результате, когда двух других позвал доктор, чтобы они вернулись, он остался позади. В их внезапном появлении и последующем

исчезновении было что-то настолько необычное, что оставшегося посадили в тюрьму и пригрозили пытками на следующий день, если он не даст полного отчета. Однако Фаустус вернулся до рассвета, открыл ворота тюрьмы, усыпил всех стражников и с триумфом унес провинившегося.

Однажды Фаустус, решив провести веселый вечер, взял нескольких своих старых товарищей по колледжу и предложил им освободить подвал архиепископа Зальцбургского. Они взяли лестницу и взобрались на стену. Расселись вокруг, поставив посередине трехногий табурет с бутылками и стаканами. Они были в самом разгаре веселья, когда появился дворецкий и принялся изо всех сил кричать о ворах. Доктор тут же заворчал на него, так что он не мог ни говорить, ни двигаться. Он вынужден был сидеть, пока Фаустус и его спутники обстукивали все чаны в погребке. Затем они с триумфом понесли его за собой. В конце концов они подошли к высокому дереву, где Фаустус приказал им остановиться; дворецкий был в величайшем ужасе, опасаясь, что они сделают не что иное, как повесят его. Однако доктор с помощью своего искусства усадил его на самую верхнюю ветку, где он вынужден был оставаться дрожащим и почти мертвым от холода, пока не вышли на работу крестьяне, которых он окликнул, и наконец они с большим трудом сняли его с мучительного возвышения и благополучно поставили на землю.

В другой раз Фаустус принимал в своих покоях нескольких младших членов Виттенбергского университета. Один из них, ссылаясь на выставку Александра Македонского, которую доктор устроил императору Карлу V, сказал, что ему было бы приятнее всего увидеть знаменитую Елену Греческую, чья красота была столь велика, что пробудила к оружию всех князей ее страны и стала причиной десятилетней войны. Фаустус согласился удовлетворить свое любопытство при условии, что вся компания согласится быть лишь немymi зрителями этой сцены. Пообещав это, он вышел из комнаты и вскоре ввел Елену. Она была именно такой, какой ее описал Гомер, когда она стояла рядом с Приамом на стенах Трои и смотрела на греческих вождей. Черты ее лица были неотразимо привлекательны, а полные влажные губы краснее летних вишен. Вскоре Фаустус подарил своим гостям ее мраморный бюст, с которого было снято несколько копий, причем никто не знал имени художника-оригинала.

После этого прошло не так много времени, когда доктор был занят чтением курса лекций о Гомере в Эрфурте, одном из главных городов Германии. Ему предложили, что интерес к его лекциям значительно повысится, если он представит собравшимся героев Греции именно такими, какими они предстали перед современниками, и Фаустус с готовностью согласился. Герои Троянской войны прошли процессией перед изумленными слушателями, не менее живые в представлении, чем Елена, которую показывали раньше, и каждый из них с характерной позой и ярким выражением лица.

Когда доктор оказался во Франкфорте, туда прибыли четыре фокусника, которые вызвали бурные аплодисменты тем, что отрезали друг другу головы и прикрепляли их снова. Фаустус был раздосадован этим приемом и счел, что они претендуют на мастерство, превосходящее его собственное. Он ушел и незримо присутствовал при их представлении. Они поставили рядом с собой сосуд с жидкостью, которую выдавали за эликсир жизни, и каждый раз бросали в него растение, похожее на лилию, которое не успевало коснуться жидкости, как его бутоны начинали раскрываться, а вскоре оно появлялось в полном цвету. Главный фокусник следил за возможностью и, когда чары были завершены, без лишних слов снес голову своему товарищу, стоявшему рядом с ним, и, окунув ее в спиртное, прикрепил к плечам, где она закрепилась так же надежно, как и до операции. Это повторилось во второй и третий раз. Наконец дошла очередь и до главного фокусника - ему отрубили голову. Фаустус незаметно подошел и в нужный момент сорвал цветок лилии так, что никто об этом

не узнал. Таким образом, голова главного фокусника была отрублена, но тщетно ее мочили в спиртном. Остальные фокусники не могли понять, почему исчезла лилия, и долго возились с головой старого колдуна, которая не держалась ни в каком положении, куда бы ее ни положили.

Фаустус пользовался большой популярностью у принца Анхальтского. Однажды, прожив несколько дней при его дворе, он обратился к принцу: "Не окажет ли мне ваше высочество милость принять участие в небольшом сборе в замке, который принадлежит мне за воротами вашего города?" Принц милостиво согласился. Принц и принцесса последовали за доктором и обнаружили замок, который Фаустус возвел с помощью магии в предыдущую ночь. Замок с пятью высокими башнями и двумя огромными воротами, охватывающими просторный двор, стоял посреди прекрасного озера, изобилующего всевозможными рыбами и водоплавающими птицами. Во дворе были представлены всевозможные животные, а также птицы всех мастей, порхающие с дерева на дерево. Затем доктор провел своих гостей в зал с обширным набором апартаментов, разветвляющихся с каждой стороны. В одной из самых больших был приготовлен банкет с золотой тарелкой папы, которую Мефостофил одолжил на этот день. Яства были самыми изысканными, а вина - самыми лучшими в мире. Закончив банкет, Фаустус проводил принца и принцессу во дворец. Но не успели они отойти далеко, как, повернув головы, увидели, что весь замок взорван, а все, что было приготовлено для этого случая, сразу же исчезло в огромном количестве огня.

Однажды на Рождество Фаустус устроил в Виттенберге грандиозное развлечение для знатных особ обоих полов. Чтобы придать сцене еще большее великолепие, он придумал продемонстрировать незабываемую инверсию времен года. Когда компания приблизилась к дому доктора, они с удивлением обнаружили, что, хотя на окрестных полях шел сильный снег, двор и сад Фаустуса не носили ни малейших признаков времени года, а наоборот, были зелеными и цветущими, как в разгар лета. Здесь была самая свежая растительность, а также прекрасный виноградник, изобилующий виноградом, инжиром, малиной и множеством прекраснейших фруктов. Крупные красные розы Прованса были столь же приятны на запах, как и на вид, и выглядели совершенно свежими и сверкающими от росы.

Поскольку Фаустус приближался к последнему году своего срока, он, казалось, решил побаловать свой аппетит всеми видами роскоши. Он тщательно собирал все материалы для сладострастия и великолепия. Особенно тщательно он подбирал женщин, которые должны были служить для его удовольствий. У него была одна англичанка, одна венгерка, одна француженка, две немки и две из разных частей Италии, и все они отличались теми совершенствами, которые были присущи их странам.

Поскольку поведение Фаустуса было особенно привлекательным, в городе, где он жил, нашлось немало уважаемых людей, которые заинтересовались его благополучием. Они обратились к некоему монаху, отличавшемуся образцовой чистотой жизни и набожностью, и призвали его сделать все возможное, чтобы спасти доктора от грозящей ему гибели. Монах начал с нежных и патетических увещеваний. Затем он нарисовал страшную картину гнева Божьего и вечного проклятия, которое непременно последует. Он напомнил доктору о его необыкновенных дарах и милостях и рассказал, какого иного исхода можно было ожидать от него. Фаустус внимательно выслушал все, что говорил добрый монах, но скорбно ответил, что уже слишком поздно, что он презрел и оскорбил Господа, что он сознательно скрепил торжественный договор с дьяволом, и что нет никакой возможности вернуться назад. Монах ответил: "Ты ошибаешься. Взывай к Господу о милости, и она все равно будет дана. Проявите истинное раскаяние, исповедуйте свои грехи, воздержитесь на будущее от любого колдовства и дьявольского вмешательства, и вы сможете рассчитывать на окончательное

спасение". Однако доктор чувствовал, что все усилия безнадежны, он обнаружил в себе неспособность к истинному раскаянию. И вот к нему явился дьявол, упрекнул его в нарушении договора, когда он слушал благочестивые изречения святого, пригрозил, что в случае неверности заберет его в ад еще раньше срока, и запугал доктора, заставив подписать новый договор в подтверждение того, что он подписал раньше.

В конце концов Фаустус подошел к концу срока, на который он заключил договор с дьяволом. В течение двух или трех лет до истечения срока его характер постепенно менялся. Он стал подвержен приступам уныния, перестал быть восприимчивым к веселью и забавам и с горькой мукой размышлял о том, чем все это должно закончиться. В последний месяц своего периода он уже не искал услуг своего адского союзника, а с величайшим нежеланием встречал его приход. Но Мефодий теперь посещал его без приглашения и обращался с ним с язвительными насмешками и упреками. "Ты хорошо изучил Писание, - говорил он, - и должен был знать, что твоя безопасность заключается в поклонении одному лишь Богу. Вы согрешили с открытыми глазами и ни в коем случае не можете сослаться на незнание. Вы думали, что двадцать четыре года - это срок, которому не будет конца; и теперь вы видите, как быстро он пролетает. Срок, на который вы продались дьяволу, - совсем другое дело; и по прошествии тысяч веков перспектива, открывающаяся перед вами, будет все такой же беспредельной, как и прежде. Вас предупреждали, вас убедительно призывали покаяться, но теперь уже слишком поздно".

После того как демон Мефостофил долго мучил Фаустуса подобным образом, он внезапно исчез, оставив его на произвол судьбы, досады и отчаяния.

Вот и истекли целых двадцать четыре года. Накануне Мефостофил снова появился, держа в руке залог, который доктор подписал своей кровью, предупредив, что на следующий день дьявол, его хозяин, придет за ним, и посоветовав быть наготове. Фаустус, судя по всему, заслужил расположение младших членов университета своими приятными манерами, готовностью услужить им и необычными зрелищами, которыми он иногда их развлекал. В этот день он решил дружески попрощаться с ними. Он пригласил нескольких из них встретиться с ним в доме общественных приемов, расположенном в прилегающей к городу деревушке. Он выделил в доме большую комнату под пиршественный зал, еще одну квартиру над ним - для ночлега гостей, а для себя - меньшую комнату на небольшом расстоянии. Он накрыл стол с изобилием деликатесов и вин. Он старался выглядеть среди гостей в приподнятом настроении, но внутри его сердце было печально.

Когда развлечения закончились, Фаустус обратился к ним, сказав, что это последний день его жизни, напомнил о чудесах, которыми он часто удивлял их, и сообщил, в каком состоянии он обладал этой властью. Все они, один за другим, выразили глубочайшую скорбь по поводу полученной информации. У них возникла мысль, что в его действиях есть что-то противозаконное, но их представления были очень далеки от истины. Они очень сожалели, что он не был откровенен в своих сообщениях в более ранний период. Они бы прибегли к средствам религии и обратились к благочестивым людям, прося их приложить все свои силы, чтобы ходатайствовать перед небесами в его пользу. Молитва и покаяние могли бы многое сделать для него; милосердие небес было беспредельным. Они посоветовали ему по-прежнему звать к Богу и стараться заручиться заслугами Спасителя.

Фаустус заверил их, что все это напрасно и что его трагическая судьба неизбежна. Он привел их в спальную комнату и посоветовал провести ночь так, как они могут, но ни в коем случае, что бы они ни услышали, не выходить из нее, так как их вмешательство никак не

может быть полезным для него и может повлечь за собой серьезнейший вред для них самих. Поэтому они лежали спокойно, как он им велел; но ни один из них не мог сомкнуть глаз.

Между двенадцатью и часом ночи они услышали, как со всех сторон дома поднялся неистовый ветер, который, казалось, мог бы вырвать стены из фундамента. Не успел он немного утихнуть, как послышался шум, похожий на нестройное и яростное шипение, словно дом был полон всевозможных ядовитых рептилий, но доносившийся, очевидно, из покоев Фаустуса. Затем они услышали, как дверь комнаты доктора с силой распахнулась, и крики о помощи были произнесены со страшной мукой, но полузадушенным голосом, который становился все слабее и слабее. Затем все вокруг замерло, словно вечное движение мира было приостановлено.

Когда, наконец, рассвело, студенты толпой направились в квартиру доктора. Но его нигде не было видно. Только стены были измазаны его кровью, и на них виднелись следы, как будто ему выбили мозги. В конце концов его тело обнаружили на некотором расстоянии от дома: конечности были расчленены, а на лице виднелись следы сильного насилия. Студенты собрали изуродованные части его тела и похоронили их в храме Марса в деревне, где он умер.

Нелепая путаница представлений возникла у некоторых людей из-за сходства имен Фаустуса, предполагаемого мага из Виттенберга, и Фауста или Фуста из Менца, изобретателя или первого создателя искусства печати. Утверждалось, что точное сходство копий книг, изданных последним, когда не было известно другого способа умножения копий, кроме переписывания, было обнаружено настолько, что не могло быть объяснено естественными средствами, и поэтому человеку, представившему эти копии, вменялось, что ему обязательно должен был помогать дьявол. Далее утверждалось, что печатник Фауст поклялся мастерам, которых он нанимал в типографии, хранить неприкосновенную тайну, чтобы надежнее поддерживать цены на свои книги. Но такое представление о тождестве этих двух лиц совершенно беспочвенно. Фаустус, маг, описан в романе как родившийся в 1491 году, через двадцать пять лет после смерти печатника, и между историями этих двух людей нет ни одного совпадения, кроме сходства имен и некой таинственности (или магической видимости), неизбежно сопутствующей занятиям доселе неизвестным искусством. Если бы в романе имелаась тайная ссылка на реальный характер прославленного изобретателя искусства, которое принесло человечеству столь неисчислимые блага, было бы невозможно объяснить столь удивительное несоответствие в хронологии.

Другие зашли в своем скептицизме так далеко, что стали сомневаться, существовал ли вообще такой человек, как Фаустус Виттенбергский, предполагаемый маг. Но свидетельства Виеруса, Филиппа Камерария, Меланктона и других его современников в достаточной степени опровергают это предположение. Факт заключается в том, что, несомненно, существовал такой человек, который с помощью ловких трюков создавал себе репутацию, будто в его выступлениях есть что-то сверхъестественное, и что, вероятно, суеверные люди относились к нему с некоторым ужасом и отвращением. На этой теме был построен роман, который в свое время пользовался высочайшей популярностью и послужил темой для драматического гения Марлоу, Лизинга, Гете и других. Достаточно примечательно, что известность этого романа, похоже, навела Шекспира на мысль отправить великий замысел своего мозга, Гамлета, принца Датского, завершить образование в Виттенбергском университете.

И здесь не лишним будет отметить разный тон записи деяний Зийто, богемца, и Фаустуса из Виттенбурга, хотя между периодами их написания прошло чуть более полувека. Дубравий,

епископ Ольмуцкий в Моравии, перу которого мы обязаны тем, что знаем о Зиито, умер в 1553 году. В своей национальной истории Чехии он счел нелишним рассказать о достижениях этого мага, который, по его словам, демонстрировал их перед Вацлавом, королем страны, на праздновании своей свадьбы. По этому случаю в Прагу прибыла целая повозка колдунов для развлечения компании. Но в конце того же века подвиги Фаустуса уже не считались достойными места в национальной истории, а больше подходили для темы романса. К Фаустусу и его представлениям, конечно, относились с не меньшим ужасом, чем к деяниям Зиито. Но народное легковерие уже не было доведено до такого высокого уровня: чудеса, творимые Фаустусом, не представлены как вызов наблюдению тысяч людей на публичном суде и по случаю королевского праздника. Они "прятали свои уменьшенные головы" и совершались сравнительно в углу.

САБЕЛЛИКУС.

Науде сообщает, что в это время жил притворный маг по имени Георгий Сабеллик, который, по его словам, если бы возвышенности и высокомерия было достаточно для утверждения притязаний на обладание сверхъестественными дарами, был бы, вне всяких сомнений, признан главным и непревзойденным колдуном. В его амбициях было стремление с помощью самых звучных наименований такого рода продвинуть свои притязания на бессмертную репутацию. Он называл себя "самым совершенным Георгием Сабелликом, вторым Фаустом, источником и центром некромантического искусства, астрологом, магом, искусным в хиромантии, а в агромантии, пиромантии и гидромантии не уступающим никому из когда-либо живших". Я упоминаю об этом, скорее, как о дополнительном доказательстве того, насколько высоко ценился Фаустус в то время, когда, как говорят, он процветал.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Науде, чья книга представляет собой своего рода реестр всех наиболее выдающихся имен в анналах некромантии, составленный с целью подтверждения их чести, ни разу не упоминает здесь [Errata: *читай* "нигде"] Фаустуса, за исключением одного раза в таком незначительном и беглом виде.

ПАРАЦЕЛЬС

Парацельс, или, как он сам себя называл, Филипп Авреол Теофраст Бомбаст Парацельс де Гогенгейм, был человеком очень известным и знаменитым, примерно в то же время, что и доктор Фаустус. Он родился в 1493 году, а умер в 1541-м. Его отец, как говорят, жил в известности, но сын рано стал скитальцем по свету и провел свою юность в занятиях, предсказывая будущие события по звездам и хиромантии, вызывая мертвых и совершая различные алхимические и магические операции. Он утверждает, что Тритемий был его учителем в науке о металлах. Он был поверхностен в литературе и говорит о себе, что в свое время не открывал ни одной книги в течение десяти лет. Он посетил рудники Богемии, Швеции и Востока, чтобы совершенствоваться в металлургии. Он путешествовал по Пруссии, Литве, Польше, Трансильвании и Иллирии, равнодушно беседуя с врачами и старухами, чтобы вывести у них практические секреты их искусства. Он посетил Египет, Тартарию и Константинополь, в котором, по его словам, он узнал о трансмутации металлов и философском камне. Он также похвастался эликсиром жизни, с помощью которого смог продлить жизнь человека до эпохи антилюдей. Он, несомненно, обладал немалой проникательностью и счастливым духом смелости, что побудило его прибегнуть к применению ртути и опиума для лечения болезней, когда обычные врачи не решались их использовать. Поэтому к нему с успехом прибегали некоторые выдающиеся люди в отчаянных случаях, с ним советовался Эразм. Постепенно его слава росла, и в 1526 году он был избран профессором натурфилософии и хирургии в университете Бейла. Здесь он читал

лекции в очень смелом и самонадеянном стиле. Он провозгласил себя монархом медицины и публично сжег труды Галена и Авиценны как претендентов и самозванцев.

Однако это было вершиной его процветания. Его система была чрезвычайно популярна в течение года, но затем он потерял себя из-за жестокости и невоздержанности. Первые пять с половиной лет своей жизни он пил только воду, а теперь предавался зверскому разврату с отбросами общества и почти не снимал одежды ни днем, ни ночью. После года, проведенного в Бейле, он вернулся к прежней бродячей жизни и, пройдя через множество превратностей, некоторые из которых отличались крайней нищетой, умер в возрасте сорока восьми лет.

Парацельс, по сути, являл собой сочетание шарлатана, хвастливого и наглого притворщика, с немалой долей природной проницательности и смекалки. Такой союз не редкость в наши дни; но он был более уместен на своем месте, когда культивирование способностей ума было более ограниченным, чем сейчас, а закон критики фактов и доказательств был почти неизвестен. Он воспользовался доверчивостью и любовью к чудесам, присущими всем представителям нашего рода, и, навязываясь другим, в немалой степени преуспел в навязывании себя. Его несдержанность и высокомерие придавали его характеру соответствующее завершение. Поэтому он тщательно лелеял в окружающих мысль о том, что в нем есть некая сверхъестественная добродетель и что в его распоряжении находятся агенты невидимого мира. В частности, он выдавал, что проводит совещания со знакомым или демоном, которого для удобства консультаций имел привычку носить с собой в эфесе меча.

КАРДАН.

Иероним Кардан, который был всего на несколько лет моложе Парацельса, был человеком совершенно иного склада характера. Он обладал значительной утонченностью и разборчивостью и был одним из первых ученых своего времени. Однако больше всего он выделяется благодаря оставленным им мемуарам о своей жизни, которые отличаются откровенностью и непринужденностью, почти не имеющими аналогов. В его сочинениях, несомненно, присутствовала значительная доля безумия. Он говорит о себе, что был подвержен необычным приступам абстракции и возвышенности ума, которые по своей интенсивности становились настолько невыносимыми, что он с удовольствием прибегал к очень сильной телесной боли, чтобы избавиться от них. В таких случаях он кусал губы до крови, выкручивал пальцы почти до вывиха и хлестал ноги прутьями, что приносило ему огромное облегчение. Что он специально говорил на темы, которые, как он знал, были особенно оскорбительны для компании, в которой он находился; что он спорил по любому поводу, не заботясь о том, прав он или нет; и что он проводил целые ночи в азартных играх, часто ставя на кон мебель своего дома и драгоценности своей жены.

Кардан описывает три свои особенности, которые он обычно испытывал, но о которых никогда не рассказывал никому из своих друзей. Первое - это способность, которую он ощущал в себе, покидать свое тело в некой экстазе, когда ему заблагорассудится. В таких случаях он ощущал нечто вроде раздвоения сердца, как будто его душа собиралась уйти, и это ощущение распространялось по всему телу, как открывающаяся дверь, чтобы выпроводить гостя. Ему казалось, что он находится вне своего тела, но при энергичных усилиях он все еще сохранял небольшую часть своей телесной фигуры. Вторая его особенность заключалась в том, что он видел, когда хотел, все, что хотел видеть, не силой воображения, а своими материальными органами: он видел рощи, животных, шары, как ему вздумается. Когда он был ребенком, он видел эти вещи, когда они происходили, без всякого

предварительного желания или предвкушения того, что это должно было произойти. Но, достигнув зрелости, он видел их только тогда, когда хотел, и такие, какие хотел. Эти образы сменялись один за другим. В третьем месте он упоминает о том, что не мог вспомнить ни одной вещи, которая когда-либо случалась с ним, хорошей, плохой или безразличной, о которой он не был бы предупрежден, и то за очень короткое время до этого, во сне. Все это служит доказательством того, насколько важным он был в собственных глазах, а также, что он в основном и приводит в доказательство, тонкости и деликатности его животной натуры.

Кардан неопределенно и противоречиво говорит о том, что ему постоянно сопутствовал гений или демон, который подсказывал ему, что должно произойти, и предупреждал о зловещих событиях. Однако он приходит к выводу, что такого помощника у него не было, а все дело в совершенстве его натуры, приближающейся к бессмертию. Он сильно увлекался изучением астрологии и претендовал на большое мастерство как врач. Он посетил лондонский двор и вычислил дату рождения короля Эдуарда VI. Его послал за врачом кардинал Битон, архиепископ Сент-Эндрюсский, которому, по словам Мельвиля, он вернул речь и здоровье, а историк, похоже, приписывает исцеление магии. Он вычислил рождение Иисуса Христа, что было вменено ему в вину как нечестивая затея, поскольку предполагалось, что создатель мира подвержен влиянию звезд. Он также предсказал свою смерть и, как полагают некоторые, предвосхитил это событие, воздержавшись от пищи в возрасте семидесяти пяти лет, чтобы не ошибиться в своем предсказании.

ШАРЛАТАНЫ, КОТОРЫЕ ХЛАДНОКРОВНО ВЗЯЛИСЬ ПЕРЕИГРАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

До сих пор мы рассматривали в основном таких людей, которые, по всей видимости, хотя бы отчасти были жертвами своих собственных заблуждений. Но наряду с ними всегда существовал многочисленный класс людей, которые, обладая совершенно свободным и раскрепощенным умом, прилагали усилия к тому, чтобы найти средства преодолеть простоту или помешать проницательности тех, кто был всего лишь зрителем и непосвященным в тайны искусства, которое на них практиковалось. Так, несомненно, было с говорящими головами и статуями, которые иногда выставлялись в древних оракулах. Так было и с некоторыми оптическими иллюзиями, которые практиковались на ничего не подозревающих людях и были призваны произвести на них эффект сверхъестественных откровений. Такова история о Бэле и драконе в книге апокрифов, где жрецы ежедневно ставили перед идолом двенадцать мер муки, сорок овец и шесть сосудов вина, притворяясь, что идол потребляет все эти продукты, когда на самом деле они входили в храм ночью, через дверь под алтарем, и уносили их.

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ.

У нас есть история, подробно описанная Бенвенуто Челлини в его "Жизни", которая, как теперь известно, была вызвана оптическим бредом, но была навязана художнику и его спутникам как совершенно сверхъестественная. Это произошло за короткое время до смерти папы Климента Седьмого в 1534 году и описывается следующим образом. Это произошло в Колизее в Риме.

"По ряду странных случайностей я познакомился с одним сицилийским священником, который был человеком гениальным и хорошо знал греческий и латинский языки. Однажды, когда разговор с ним зашел об искусстве некромантии, я, имевший большое желание узнать что-нибудь об этом, сказал ему, что всю жизнь испытывал любопытство познакомиться с тайнами этого искусства. Священник ответил, что человек должен быть решительного и стойкого нрава, который взялся за это занятие. Я ответил, что у меня достаточно стойкости и решимости, чтобы желать быть посвященным в это искусство. Священник добавил: "Если вы

считаете, что у вас хватит духу решиться на это, я дам вам все, чего вы только пожелаете". Так мы договорились начать заниматься некромантией.

"Вечером священник приготовился удовлетворить меня и попросил подыскать пару компаньонов. Я пригласил Винченцио Ромоли, который был моим близким знакомым, и он привел с собой уроженца Пистойи, который сам занимался искусством некромантии. Мы отправились в Колизей, и священник, по обычаю фокусников, начал чертить на земле круги с самыми впечатляющими церемониями, какие только можно себе представить. Кроме того, он принес с собой всевозможные драгоценные благовония и огонь, а также несколько составов, распространяющих неприятные и дурные запахи. Как только все было готово, он открыл круг, взял нас за руки и приказал другому некроманту, своему партнеру, в нужное время бросать в огонь благовония, поручив заботу об огне и благовониях остальным; затем он начал свои заклинания.

"Эта церемония продолжалась более полутора часов, когда появилось несколько легионов дьяволов, так что амфитеатр был полностью заполнен ими. Я был занят духами, когда жрец, знавший, что адских духов достаточно много, обратился ко мне и сказал: "Бенвенуто, попроси их о чем-нибудь". Я ответил: "Пусть они сведут меня с моей сицилийской любовницей, Анжеликой". В ту ночь мы не получили никакого ответа, но я получил огромное удовлетворение от того, что мое любопытство так далеко зашло.

"Некромант сказал мне, что необходимо отправиться во второй раз, и заверил, что я буду удовлетворен во всем, что попрошу; но я должен взять с собой мальчика, который никогда не знал женщин. Я взял с собой своего ученика, которому было около двенадцати лет, того же Винченцио Ромоли, который был моим спутником в первый раз, и некоего Аньолино Гадди, моего близкого знакомого, которого я также уговорил помочь в церемонии. Когда мы пришли на назначенное место, священник, подготовившись, как и прежде, с теми же и даже более поразительными церемониями, поместил нас в круг, который он начертил с более удивительным искусством и в более торжественной манере, чем при нашей прежней встрече. Поручив заботу о духах и огне моему другу Винченцио, которому помогал Гадди, он вложил мне в руки пинтаколо, или магическую карту, и велел повернуть ее к тем местам, к которым он должен был меня направить; под пинтаколо я держал своего ученика. Некромант, начав произносить самые грандиозные заклинания, назвал по именам множество демонов, возглавлявших несколько легионов, и спросил их силой и могуществом вечного, несотворенного Бога, живущего вовеки, на еврейском языке, а также на латыни и греческом; так что амфитеатр почти в одно мгновение наполнился демонами во сто крат более многочисленными, чем при прежнем заклинании. Винченцио тем временем с помощью Гадди развел костер и сжег огромное количество драгоценных духов. Я же, по указанию некроманта, вновь пожелал оказаться в обществе моей Анжелики. Тогда он, обратившись ко мне, сказал: "Знай, они объявили, что через месяц ты будешь в ее обществе".

"Затем он попросил меня твердо стоять на своем, потому что легионы теперь были на тысячу человек больше, чем он предполагал; кроме того, они были самыми опасными; так что, после того как они ответят на мой вопрос, ему следовало быть вежливым с ними и спокойно отпустить их. В то же время мальчик под пинтаколо был в страшном испуге, говоря, что в этом месте миллион свирепых людей, которые грозятся нас уничтожить; кроме того, там было четыре вооруженных гиганта огромного роста, которые пытались ворваться в наш круг. В это время, пока некромант, дрожа от страха, пытался мягкими средствами отвести их, как только мог, Винченцио, дрожащий, как осиновый лист, занялся духами. Хотя мне было страшно не меньше, чем всем остальным, я изо всех сил старался это скрыть, чем немало

способствовал воодушевлению остальных; но, по правде говоря, я отдал себя за мертвеца, видя, в каком жутком испуге пребывал некромант.

Мальчик положил голову между коленями и сказал: "В таком положении я умру, ибо все мы непременно погибнем". Я сказал ему, что эти демоны под нами, а то, что он видит, - дым и тень; поэтому попросил его поднять голову и набраться храбрости. Не успел он поднять глаза, как закричал: "Весь амфитеатр горит, и огонь падает на нас". И, закрыв глаза руками, он снова воскликнул, что гибель неизбежна и он хочет больше ничего не видеть. Некромант посоветовал мне иметь доброе сердце и позаботиться о том, чтобы сжечь надлежащие духи; тогда я обратился к Винченцио и велел ему сжечь все самые дорогие духи, которые у него были. В то же время я бросил взгляд на Гадди, который был напуган до такой степени, что с трудом различал предметы и казался полумертвым. Видя его в таком состоянии, я сказал ему: "Гадди, в таких случаях человек не должен поддаваться страху, а должен спешить оказать помощь; так что иди прямо и нанеси побольше этих благовоний". Гадди попытался пошевелиться, но это раздражало и слух, и обоняние, а духи перебили.

Мальчик, заметив это, снова осмелился поднять голову и, увидев, что я смеюсь, начал набираться храбрости и сказал: "Дьяволы улетают с мезьтью". В таком состоянии мы просидели до тех пор, пока колокол не прозвонил к утренней молитве. Мальчик снова сказал нам, что дьяволов осталось совсем немного, да и те находятся на большом расстоянии. Когда маг совершил остальные обряды, он снял с себя платье и достал кошелек, набитый книгами, которые принес с собой. Мы все вместе вышли из круга, держась как можно ближе друг к другу, особенно мальчик, который расположился в центре, держа некроманта за плащ, а меня за мантию.

"Когда мы шли к своим домам в квартале Банчи, мальчик рассказал нам, что два демона, которых мы видели в амфитеатре, шли перед нами, прыгая и скача, иногда бегая по крышам домов, а иногда по земле. Священник заявил, что, сколько он ни посещал магические круги, с ним никогда не случалось ничего столь необычного. Пока мы шли, он хотел бы убедить меня помочь освятить книгу, из которой, по его словам, мы должны извлечь огромное богатство. Затем мы должны попросить демонов открыть нам различные сокровища, которыми изобилует земля, которые вознесут нас к богатству и власти; но что эти любовные похождения - просто глупость, от которой нельзя ожидать ничего хорошего. Я ответил, что охотно принял бы его предложение, если бы понимал латынь. Он заверил меня, что знание латыни не имеет никакого значения, но что он никогда не сможет встретить партнера, равного мне по решительности и смелости, и это было бы для него бесценным приобретением". Сразу же после этой сцены Челлини попал в одну из тех переделок, в которые он так часто попадал из-за собственной жестокости и свирепости; и больше эта связь не возобновлялась.

Первое замечание, которое возникает в связи с этим рассказом, заключается в том, что сверхъестественные личности, которые были выставлены напоказ, на самом деле ничего не делают. Маг сообщает о некоторых ответах, которые дали демоны; но эти ответы, похоже, не были услышаны ни из чьих уст, кроме уст того, кто был создателем или причиной этой сцены. Таким образом, все демоны были просто фигурами, созданными с помощью волшебного фонаря (который, как говорят, был изобретен Роджером Бэконом) или чем-то подобным. Горение духов создавало плотную атмосферу, которая была рассчитана на то, чтобы преувеличить и сделать более грозными и ужасающими те фигуры, которые были выставлены напоказ. Волшебный фонарь, который сейчас является развлечением только служанок и мальчиков в школе во время каникул, в те далекие времена, когда сила оптических иллюзий была неизвестна, служил для устрашения людей мудрых и

проницательных и заставлял их верить, что легионы дьяволов из адских областей пришли среди них, чтобы произвести самые ужасные эффекты, приостановить и перевернуть законы природы. Вероятно, маг, который нес домой "кошелек, полный книг", в то же время нес и волшебный фонарь или зеркало с огнями, которые служили ему для показательных выступлений, и это было причиной того явления, что они наблюдали двух демонов, которых они видели в амфитеатре, идущих перед ними по возвращении, "прыгая и скача, иногда бегая по крышам домов, а иногда по земле". [209]

НОСТРАДАМУС.

Мишель Нострадамус, знаменитый астролог, родился в Сен-Реми в Провансе в 1503 году. Он опубликовал "Век пророчеств", написанный неясными и оракульными терминами и варварскими стихами, а также другие работы. В эпоху, когда он жил, притворное искусство астрологических предсказаний было в высшей степени популярно; его профессоров искали императоры и короли, и они пользовались величайшим почетом и уважением. Генрих Второй Французский, движимый своей великой славой, послал за Нострадамусом ко двору, получил много удовольствия от его визита, а затем приказал ему отправиться в Блуа, чтобы он мог увидеть принцев, своих сыновей, рассчитать их гороскопы и предсказать их будущую судьбу. Впоследствии он был не менее благосклонен к Карлу Девятому. Он умер в 1566 году.

ДОКТОР ДИ.

Доктор Джон Ди был человеком, который стал заметной фигурой в шестнадцатом веке. Он родился в Лондоне в 1527 году. Он был выдающимся математиком и неутомимым ученым. Он рассказывает о себе, что, будучи отправленным в Кембридж в пятнадцать лет, он в течение нескольких лет упорно позволял себе только четыре часа сна из двадцати четырех и два - еды и прохладительных напитков, а остальные восемнадцать (за исключением времени богослужения) постоянно посвящал учебе. В Кембридже он руководил выставкой греческой пьесы Аристофана, среди механизмов которой он представил искусственного скарабея, или жука, подлетевшего к дворцу Юпитера с человеком на спине и корзиной с провизией. Невежественные и изумленные зрители приписали этот подвиг искусства мага, и Ди, раздосадованный этими подозрениями, счел целесообразным удалиться на континент. Здесь он сначала поселился в Лувенском университете, где за его знакомством ухаживали герцоги Мантуанский и Мединский, а оттуда отправился в Париж, где читал лекции по Евклиду под бурные аплодисменты.

В 1551 году он вернулся в Англию, был с почетом принят сэром Джоном Чеком, представлен секретарю Сесилу и даже королю Эдуарду, от которого получил пенсию в сто крон в год, которую вскоре обменял на небольшое жалованье в церкви. В правление королевы Марии к нему некоторое время относились благосклонно, но затем у него начались большие неприятности, и даже возникла опасность для жизни. Он вступил в переписку с несколькими слугами королевы Елизаветы в Вудстоке, и его обвинили в том, что он практикует чары против жизни Марии. По этому обвинению он был схвачен и заключен в тюрьму; после нескольких допросов с него сняли обвинение и передали епископу Боннеру, чтобы тот проверил, нет ли в нем ереси. После изнурительных преследований он был отпущен на свободу в 1555 году и был так мало покорен пережитым, что в следующем году подал прошение королеве, прося ее о сотрудничестве в реализации плана по сохранению и восстановлению некоторых памятников классической древности.

Однако главным занятием Ди в это время была астрология, и, соответственно, после воцарения Елизаветы Роберт Дадли, ее главный фаворит, был послан проконсультироваться с доктором относительно расположения звезд, чтобы они могли назначить благоприятный

день для празднования ее коронации. Через несколько лет он снова оказался на континенте, а в 1571 году, когда он заболел в Лувене, королева послала двух врачей, чтобы вылечить его. После этого Елизавета посетила его в доме в Мортлейке, чтобы осмотреть его журнал математических инструментов и диковинок; примерно в это же время она наняла его для защиты своего права на страны, открытые в разных частях земного шара. О себе он говорит, что получил самые выгодные предложения от Карла V, Фердинанда, Максимилиана II и Родольфа II, императоров Германии, а от царя Московии - 2000 фунтов стерлингов в год, при условии, что он будет проживать в его владениях. Все эти обстоятельства были торжественно засвидетельствованы Ди в "Сборнике репетиций его жизни и занятий за полвека", составленном позднее и прочитанном им в своем доме в Мортлейке двум уполномоченным, назначенным Елизаветой для расследования его обстоятельств, с приложением свидетельств и документов, подтверждающих эти сведения. [210]

Если бы Ди не пошел дальше этого, он, несомненно, занял бы место среди самых глубоких ученых и самых выдающихся гениев, украсивших царствование королевы-девы. Но, к несчастью, он был проклят честолубием, которое ничто не могло удовлетворить, и, приучив свой ум к самым диким мечтаниям и доведя себя до экстравагантного энтузиазма, он пошел по пути, который вовлек его во множество бедствий и омрачил все его последние дни несчастьем и гибелью. Он постоянно мечтал о философском камне, и его преследовала вера в общение с людьми сверхъестественного характера. Почти невозможно решить, сколько среди этих вещей было иллюзий, а сколько - подделок. И то и другое неразрывно смешивалось в его действиях, и эта необычная жертва, вероятно, в самые беспристрастные моменты не могла точно определить, что относится к одному, а что к другому.

Поскольку Ди был энтузиастом, он постоянно вставлял в свои размышления молитвы с величайшим акцентом и пылом. Однажды в ноябре 1582 года, когда он занимался этими благочестивыми упражнениями, ему, по его словам, явился ангел Уриил у западного окна его Музея, который дал ему полупрозрачный камень, или кристалл, выпуклой формы, обладавший свойством, при пристальном рассмотрении, представлять явления и даже издавать звуки, в результате чего наблюдатель мог вести беседы, задавать вопросы и получать ответы от фигур, которые он видел в зеркале. Часто приходилось поворачивать камень то в одну, то в другую сторону в разных положениях, прежде чем человек, обращавшийся к нему, добивался правильного фокуса; и тогда наблюдаемые объекты иногда появлялись на поверхности камня, а иногда в разных частях комнаты под действием камня. Кроме того, у него была такая особенность: только один человек, названный провидцем, мог видеть показываемые фигуры и слышать голоса, которые говорили, хотя в комнате могли находиться разные люди. Оказывается, человек, который видит эти видения, должен был непрерывно смотреть и слушать, так что, по мнению Ди, для того чтобы общение было эффективным, в сцене должны участвовать два человека, один из которых должен был описывать увиденное и пересказывать происходящий диалог, а другой - немедленно фиксировать на бумаге все, что диктовал его собеседник. Ди почему-то выбрал для себя роль амануэнсиста, и ему пришлось искать компаньона, который должен был наблюдать за камнем и повторять ему все, что он видел и слышал.

Случилось так, что за некоторое время до того, как Ди получил этот дар свыше, он вступил в знакомство с неким Эдвардом Келли из Вустершира, которого он счел особо квалифицированным для выполнения той роли, которая была необходима Ди для адекватного исполнения. Келли был необычным человеком, и в некоторых отношениях именно таким, какой был нужен Ди. Он был всего на двадцать восемь лет моложе памятного

персонажа, который теперь принимал его в качестве постояльца, и был принят к нему на службу с оговоренным жалованьем в пятьдесят фунтов в год.

Келли вступил в жизнь с несколько неудачным приключением. В молодости он был обвинен в подлоге, предстал перед судом, был осужден и лишился ушей на скамье подсудимых. Однако это несчастье ничуть не обескуражило его. Он усердно занялся поисками философского камня. У него был деятельный ум, большая предприимчивость и очень властный нрав. Еще одно приключение, в котором он участвовал до знакомства с Ди, заключалось в том, что он выкопал тело человека, похороненного всего за день до этого, чтобы с помощью заклинаний заставить его отвечать на вопросы и узнать о будущих событиях. Таким образом, между этими двумя людьми существовало различие еще до их сближения. Ди был человеком правильных нравов и незапятнанной жизни, его почитали великие и благосклонно принимали коронованные особы в разных частях света; Келли же был отъявленным распутником, привыкшим к самым развратным поступкам и не сдерживаемым ни моралью, ни принципами.

Необходимо упомянуть об одном обстоятельстве, которое произошло в самом начале знакомства Келли и Ди. Оно служит яркой иллюстрацией превосходства младшего и импульсивного над более одаренным старшим. Келли привел Ди, не сообщается, под каким предлогом, посетить знаменитые руины аббатства Гластонбери в Сомерсетшире. Здесь, когда эти любопытные путешественники обшарили все уголки, они по редкой случайности встретили вазу, содержащую определенную порцию настоящего *elixir vitae*, этой редкой и драгоценной жидкости, столь желанной, которая обладает свойством превращать низкие металлы в золото и серебро. Она оставалась здесь, возможно, со времен одаренного святого Дунстана в десятом веке. Они унесли его с триумфом, но нам не рассказывают о каком-либо особом использовании, к которому они его применили, до нескольких лет спустя, когда они оба были на континенте.

Первая запись об их консультациях с супраментальными духами датируется 2 декабря 1581 года в Лексден Хит в графстве Эссекс; И с этого времени они продолжили регулярную серию консультаций и расспросов этих чудесных посетителей, большая часть которых покажется непосвященным крайне глупой и смехотворной, но которые были записаны Ди с самой скрупулезной точностью, первая часть все еще существует в рукописи, но большая часть с 28 мая 1583 по 1608 год, с некоторыми перерывами, была передана в печать д-ром Мериком Казобон в книге, написанной на английском языке. Мерик Казобон в 1659 году в виде фолианта большого формата под названием "Правдивое и верное повествование о том, что произошло между доктором Джоном Ди и некоторыми духами, что привело, если бы это удалось, к общему изменению большинства государств и королевств мира".

Келли и Ди недолго вели эти сверхъестественные беседы, прежде чем произошло событие, которое придало их действиям совершенно новый оборот. Альберт Аласки, польский дворянин, палатин княжества Сирадия, приехал в это время в Англию, побуждаемый, по его словам, желанием лично ознакомиться со славой царствования Елизаветы и доказательствами ее непревзойденных талантов. Королева и ее фаворит, граф Лестер, приняли его со всей учтивостью и вниманием и, показав ему все чудеса своего двора в Вестминстере и Гринвиче, отправили в Оксфорд с наказом сановникам и руководителям колледжей оказывать ему всяческое внимание и открывать его взору все свои самые редкие диковинки. Среди прочих вещей, достойных внимания, Аласки поинтересовался знаменитым доктором Ди и выразил величайшее нетерпение познакомиться с ним.

Как раз в этот момент граф Лестер случайно заметил доктора Ди среди толпы, собравшейся на королевском пиру. Граф немедленно направился к нему и, в своей откровенной манере представив его Аласки, выразил намерение пригласить поляка отобедать с доктором в его доме в Мортлейке. Смущенный такой неожиданной честью, Ди не успел вернуться домой, как отправил графу экспресс с честным признанием, что не сможет достойно принять таких гостей, не будучи вынужденным продать или заложить свою посуду, чтобы получить средства для этого. Лестер сообщил о недоумении доктора Елизавете, и королева немедленно отправила гонца с подарком в сорок англов, или двадцать фунтов, чтобы он мог принимать гостей, как подобает.

Между Ди и незнакомцем сразу же завязалась большая близость. Аласки, хотя и обладал обширной территорией, из-за расточительности своей и своих предков был поставлен в затруднительное положение; с другой стороны, этот дворянин показался Ди инструментом, вполне пригодным для осуществления его честолюбивых замыслов. Аласки очень хотел заглянуть в чрево времени, и Ди, вероятно, неоднократно намекал на его необыкновенную силу благодаря обладанию философским камнем. После двух-трех бесед и кажущейся настойчивости поляка Ди и Келли милостиво согласились допустить Аласки в качестве третьего лица на свои тайные встречи со сверхъестественными гостями, от которых тщательно отстранялся весь остальной мир. Здесь два англичанина прибегли к вульгарному приему, пообещав необыкновенную удачу тому, кого они собирались использовать. С помощью чудесного камня они сообщили удивленному путешественнику, что вскоре он станет королем Польши, к которому присоединятся еще несколько королевств, что он победит множество армий сарацин и пайнимов и окажется могущественным завоевателем. В то же время Ди жаловался на неприятное состояние, в котором он находится дома, и на то, что Берли и Уолсингем - его злейшие враги. В конце концов они договорились между собой, что они, Аласки, Ди и Келли со своими женами и семьями, должны тайно покинуть Англию и со всей возможной быстротой отправиться на территорию Аласки в королевстве Польском. Они отправились в это путешествие 21 сентября и прибыли в Сирадию третьего февраля следующего года.

Однако в этом месте чужестранцы пробыли не более месяца. Финансы Аляски оказались в таком беспорядке, что ему с трудом удавалось прокормить многочисленных гостей, которых он привел с собой. Обещания великолепных завоеваний, которыми осыпали его Ди и Келли, были бесполезны для восполнения недостатка его нынешних доходов. А эликсир, привезенный ими из Гластонбери, был, по их словам, столь невероятно богат добродетелями, что им пришлось потратить немало времени на пробное изготовление, прежде чем они смогли надеяться достичь нужного темперамента для получения желаемого эффекта.

В следующем месяце Аляски со своими гостями отправился в Краков, резиденцию королей Польши. Здесь они пробыли пять месяцев, Ди и Келли постоянно забавляли поляка необыкновенной силой камня, принесенного с небес ангелом, и были заняты тысячей опытов с эликсиром и множеством утомительных приготовлений, которые, по их мнению, были необходимы, прежде чем состав мог оказать должное действие. Пророчества были произнесены с чрезвычайной уверенностью, но не было никаких внешних признаков, указывающих на то, что они каким-либо образом могут быть реализованы. Эксперименты и усилия лаборатории не прекращались, но трансмутация не происходила. В конце концов Аляски обнаружил, что не в состоянии содержать целую вереницу последователей, которых он вывез из Англии. Обладая горами богатств, обещанными сокровищами мира, они оказались в тяжелейшем положении из-за нехватки средств к существованию. Наконец

рвение Аляски ослабло; он больше не верил в прожектеров, которые ввели его в заблуждение, и придумал, как отправить их с рекомендательными письмами к Родольфу II, императору Германии, в его императорскую резиденцию в Праге, куда они прибыли девятого августа.

Родольф был человеком, чей характер и привычки жизни, по их мнению, прекрасно подходили для их цели. Ди имел долгую беседу с императором, в которой объяснил ему, какие чудесные вещи обещали духи этому принцу, если он окажется примерным в жизни и послушным их внушениям, что он станет величайшим завоевателем в мире и возьмет в плен турок в их городе Константинополе. Родольф был чрезвычайно любезен в приеме и отослал Ди с величайшей надеждой, что он наконец нашел человека, с которым ему непременно удастся исполнить все свои желания. Однако он попытался добиться второй беседы, и его постигла неудача. В одно время император уезжал в свой загородный дворец под Прагой, а в другое - предавался удовольствиям на курорте.

Кроме того, он жаловался, что недостаточно знаком с латинским языком, чтобы лично вести переговоры с Ди удовлетворительным образом. Поэтому он поручил Курциусу, человеку, пользовавшемуся его доверием, войти в необходимые детали со своим ученым гостем. Кроме того, Ди добился, чтобы Спинола, посол из Мадрида при дворе императора, поддержал его иск. В итоге Родольф отказался от дальнейших контактов с Ди. Он остался глух к его пророчествам и заявил, что совершенно не верит в его обещания относительно философского камня. Однако Ди не терял надежды на лучшее от императора до весны 1585 года. В конце концов он был вынужден бежать из Праги; епископ Плаценции, папский нунций, получил от его святейшества приказ представить Родольфу, насколько позорно для него приютить при своем дворе английских магов, еретиков.

Из Праги Ди со своими последователями отправился в Краков. Здесь он нашел способ познакомиться со Стефаном, королем Польши, которому сразу же сообщил, как о сведениях с небес, что Родольф, император, вскоре будет убит, а Стефан сменит его на троне Германии. Стефан, по-видимому, принял Ди более снисходительно, чем Родольф, и однажды присутствовал при его заклинаниях и беседе с невидимыми духами. Ди также заманил его обещаниями относительно философского камня. Тем временем сам маг был вынужден прибегать к самым странным способам добывания средств к существованию. Судя по всему, он ежедневно ожидал больших богатств от трансмутации металлов и не желал признаваться, что в это время он и его семья почти голодали.

Когда король Стефан устал от бесплодных ожиданий, Ди посчастливилось встретить другого, более терпеливого дублера в лице Розенбурга, знатного дворянина из Требоны в королевстве Богемия. Здесь Ди, по-видимому, оставался до 1589 года, когда Елизавета отправила его на родину. Каким образом он действовал в этот промежуток времени и откуда черпал припасы, остается только догадываться. Он заманивал свою жертву обычным соблазном, обещая ей стать королем Польши. Между тем он пишет, что девятого декабря 1586 года он достиг цели, вырезав кусок металла из латунной грелки; просто нагрев его на огне и вылив на него порцию эликсира, он вмиг превратился в чистое серебро. Нам рассказывают, что он отправил грелку и кусок серебра королеве Елизавете, чтобы она своими глазами убедилась, насколько точно они совпадают и что одно, несомненно, было частью другого. Примерно в то же время говорят, что Ди и его помощник стали более свободными в своих расходах; в качестве примера приводится, что Келли раздал золотых колец на сумму четыре тысячи фунтов стерлингов по случаю празднования свадьбы одной из

своих служанок. Двадцать седьмого и тридцатого июля 1587 года Ди записал в своем дневнике благодарность Богу за несказанную милость, оказанную в эти дни, что было истолковано как дальнейшее приобретение богатства с помощью эликсира.

Тем временем между двумя великими единомышленниками, Келли и Ди, постоянно возникали разногласия. Во многих отношениях они были не приспособлены к обществу друг друга. Ди был человеком, с юности неутомимым в учебе и исследованиях, обладал сознанием великих талантов и ума и был общепризнан таковым, а также отличался пылкой набожностью и безупречной нравственностью. Келли был дерзким авантюристом, человеком без принципов и с дурной репутацией, но при этом обладал богатыми ресурсами, уверенностью в себе и недюжинной изобретательностью. В их совместном общении дерзкий авантюрист часто брал верх над человеком, который в последнее время обладал заслуженной репутацией. Келли часто признавался, что устал выступать в роли толкователя богов при Ди. Он находил, что Ди во всех случаях убегает от высшего мнения, в то время как он, по его собственному мнению, больше всего заслуживал его. Суровые обстоятельства и страдания, которые им иногда приходилось терпеть, не способствовали их взаимопониманию. Келли то и дело грозился бросить своего предводителя. Ди постоянно успокаивал его и уговаривал остаться.

В конце концов Келли выступил с необычным предложением. Келли, будучи переводчиком для духов и единственным человеком, который все слышал и видел, можно предположить, заставлял их говорить все, что ему заблагорассудится. У Келли и Ди были жены. Келли не всегда гармонично уживался с партнершей по постели. Иногда он доходил до того, что говорил, что ненавидит ее. Ди повезло больше. Его жена была человеком из хорошей семьи и до сих пор отличалась безупречным поведением. Однажды духи открыли Келли, что отныне у них должны быть общие жены. Жена Келли была бесплодна, и это проклятие никак нельзя было снять. Начав предложение, Келли сыграл роль нежелающей стороны. Ди, который был благочестив и полон энтузиазма, склонился к тому, чтобы подчиниться. Сначала он и впрямь заговорил о том, что речь может идти только о том, что они должны жить в согласии и взаимопонимании. Духи протестовали против этого и настаивали на буквальном толковании. Ди уступил и сравнил свой случай с Авраамом, который по божественному повелению согласился принести в жертву своего сына Исаака. Келли утверждал, что эти духи, которых Ди до сих пор считал посланниками Бога, могут быть не иначе как слугами Сатаны. Он продолжал упорствовать в своем непослушании, и духи заявили, что он больше не достоин быть их толкователем и что необходимо найти другого посредника.

Они называли Артура Ди, сына владельца камня, многообещающего и хорошо настроенного мальчика всего восьми лет. Ди посвятил юношу в свои высокие обязанности, совершая молитвы и религиозные обряды в течение нескольких дней. Келли сел на коня и укачал, заявив, что они больше не встретятся. Артур вступил в должность 15 апреля 1587 года. Эксперимент оказался неудачным. Он что-то видел, но не то, что нужно. Он не слышал никаких голосов. На третий день Келли неожиданно вошел в комнату, "по чудесной удаче", как говорит Ди, "или божественной судьбе", сел между ними и сразу же увидел фигуры и услышал голоса, которые маленький Артур не мог воспринять. В частности, он увидел четыре головы, заключенные в обелиск, которые, по его мнению, представляли двух магов и их жен и означали то неограниченное общение, в которое им суждено было вступить. Однако этот вопрос все еще вызывал сомнения, и тут явился дух, который, судя по его словам, был не кто иной, как Спаситель мира, и забрал у них большой камень, так как теперь оказалось, что камней было два. Это чудо в конце концов побудило все стороны подчиниться; и не успели

они повиноваться божественному повелению, как камень, который был извлечен, снова оказался под подушкой жены Ди.

Нелегко представить себе состояние большей деградации, чем то, в которое впал этот человек. Во время расцвета и расцвета своего интеллекта он занимал видное место среди ученых и великих, пользовался почетом и уважением Елизаветы и ее фаворита. Но его беспредельное высокомерие и самодовольство никогда не могли быть удовлетворены. И, соблазненный отчасти собственной слабостью, а отчасти инсинуациями коварного авантюриста, он стал мистиком самого бесчестного сорта. Его склонили к вере в ряд чудесных сообщений, лишенных здравого смысла, он занялся поисками философского камня и, несомненно, вообразил, что владеет великой тайной. Возбужденный этими представлениями, он покинул родину и стал странником, охотясь за доверчивостью одного принца и выдающегося человека за другим, и не успевал он отбросить одну жертву легковерия, как искал другую, бродягу на земле, время от времени попадая в величайшие беды, преследуемый, обесчещенный и презираемый каждой стороной в свой черед. В конце концов, в результате непрерывных стечений обстоятельств он лишился всяких моральных различий, всякого чувства чести и самоуважения. "Выдавая себя за мудрого, он сделался глупцом, ходил в суетном воображении", и его разум полностью затмился. Безнравственная система поведения, которой он занимался, и странное и шокирующее богохульство, которое он к ней примешивал, делают его в это время таким персонажем, что его больно созерцать.

Так как Ди в это время находился под влиянием превосходства и искусного искусства Келли, между ними далеко не всегда существовала подлинная гармония; и после многих ссор и душевных терзаний они окончательно расстались в январе 1589 года, когда Ди, согласно его собственному рассказу, передал Келли эликсир и различные орудия, с помощью которых должна была осуществляться трансмутация металлов.

В течение нескольких лет между Ди и королевой Елизаветой раздавались различные предложения, направленные на его возвращение на родину. Ди в разных случаях выражал соответствующее желание, и весной 1589 года Елизавета отправила ему послание, которое избавило его от всех дальнейших колебаний и промедлений. Он отправился из Требоны с тремя каретами и корреспондентом в багажном поезде и получил аудиенцию у королевы в Ричмонде к концу того же года. В целом невозможно не поверить, что на этот шаг Елизаветы повлияли различные сообщения, дошедшие до нее, о его необыкновенном успехе с философским камнем и безграничным богатстве, которое он был в состоянии раздать. В это время многие принцы соперничали друг с другом, кому выпадет счастье честным путем или силой заполучить в свое распоряжение счастливого обладателя великой тайны и тем самым получить в свое владение средства неисчерпаемого богатства. Вскоре после этого император Родольф схватил и посадил в тюрьму Келли, партнера Ди по этому неоценимому умению, и, расширив его однажды, заключил под стражу во второй раз. Тем временем Елизавета, как говорят, сделала ему столь лестные предложения, что он решил сбежать и вернуться на родину. Для этого он, как говорят, разорвал простыни на своей кровати и скрутил их в веревку, чтобы таким образом спуститься из башни, в которой он был заключен. Но, будучи тучным человеком с большим весом, веревка порвалась, прежде чем он успел спуститься наполовину, и, сломав одну или обе ноги, а также получив другие значительные ушибы, он вскоре умер. Это случилось в 1595 году.

Ди (согласно его собственному рассказу, доставленному уполномоченным, назначенным королевой Елизаветой для выяснения его обстоятельств) прибыл из Требоны в Англию в состоянии, мало уступающем состоянию посла. У него было три кареты с четырьмя лошадьми, запряженными в каждую карету, две или три груженные повозки и охрана, иногда

из шести, а иногда из двадцати четырех солдат, чтобы защищать его от врагов, которые, как предполагалось, ждали, чтобы помешать его проезду. Сразу же по прибытии он получил аудиенцию у королевы в Ричмонде, которая приняла его очень милостиво. Она отдала особые распоряжения, чтобы он делал все, что пожелает, в области химии и философии, и чтобы никто ни в коем случае к нему не приставал.

Но на этом процветание и величие этого необычного человека закончились. Если он обладал способностью превращать все неблагородные металлы в золото, то, конечно, поступил непродуманно, передав эту способность своему единомышленнику непосредственно перед возвращением на родину. В то же время он расстался и со своим даром пророчества, поскольку, хотя он и увез с собой свой чудесный камень и в одно время назначил одного Варфоломея, а другого Хикмана своими толкователями, чтобы заглянуть в камень, увидеть чудесные виды, которые он должен был открыть, и услышать голоса и сообщить слова, которые из него исходили, эксперименты в обоих случаях оказались безрезультатными. Им не хватило ни тонкого чувства, ни беспримерной смелости и неистощимой изобретательности, которыми обладал один лишь Келли.

Оставшаяся часть плавания жизни Ди была "связана с мелями и страданиями". Королева Елизавета, надо полагать, вскоре убедилась, что ее мечты об огромном богатстве, которое можно было получить благодаря его вмешательству, оказались несостоятельными. Однако она не оставила любимца своих былых лет. Вскоре он начал жаловаться на бедность и трудности. Он заявил, что доход от двух ливров, которые он держал в церкви, не выплачивался ему с момента его отъезда за границу. Он заявил, что вскоре после этого его дом был взломан и испорчен беззаконной толпой, подстрекаемой его дурной славой торговца запрещенными и незаконными искусствами. Они уничтожили или разбросали его библиотеку, состоявшую из четырех тысяч томов, семьсот из которых были рукописями и представляли собой неоценимую редкость. Они опустошили его коллекцию диковинных орудий и машин. Он перечислял расходы на свое путешествие домой по приказу Елизаветы, за что, похоже, считал королеву своим должником. Вследствие этого Елизавета несколько раз назначала ему две или три небольшие суммы. Но этого оказалось недостаточно, и в 1592 году она убедила двух членов своего Тайного совета отправиться в его дом в Мортлейке, чтобы выяснить все подробности, и он представил им "Компендиум репетиций" за полсотни лет своей жизни, сопровождая его документами и ваучерами.

Примечательно, что в этой репетиции не упоминается ни чудесный камень, принесенный ему ангелом, ни его притязания на трансмутацию металлов. Он просто опирается в своих претензиях на общественную поддержку на свои литературные труды и признанное превосходство своих интеллектуальных способностей. О годах, проведенных им в последнее время в чужих странах, он рассказывает в полном молчании, если не считать его рассказа о подробностях своего путешествия домой. Его обращение к Елизавете не принесло ожидаемых результатов, и через два года после этого он написал письмо архиепископу Уитгифту, сетуя на задержку ожидаемого облегчения и жалуясь на "неправдивые сообщения, мнения и басни, которые в течение стольких лет распространялись о его занятиях". Он представляет эти исследования исключительно как литературные, откровенные и полностью лишённые тайн. Если бы "Правдивые сведения о том, что происходило в течение многих лет между доктором Ди и некоторыми духами" не были сохранены, а затем напечатаны, мы могли бы считать все сказанное на эту тему клеветой.

Продвижение, к которому Ди стремился, было связано с должностью мастера госпиталя Святого Креста под Винчестером, которую королева обещала ему, когда нынешний владелец станет епископом. Но этого так и не произошло. Однако вместо этого он получил должность

канцлера собора Святого Павла 8 декабря 1594 года, которую в следующем году обменял на должность смотрителя колледжа в Манчестере. На этом посту он пробыл до 1602 года (по другим данным, до 1604), в течение которого он жаловался на сильные разногласия и непокорность со стороны стипендиатов; хотя, возможно, стоит усомниться в том, что равная вина не может быть справедливо возложена на высокомерие и неугомонность надзирателя. В конце концов он полностью отошел от общественной жизни и удалился в свое старинное жилище в Мортлейке. Он предпринял одну попытку заручиться благосклонностью короля Якова, но она оказалась безрезультатной. Елизавета знала его в расцвете сил; он пользовался неизменным покровительством ее главного фаворита; философы и ученые признавали его не уступающим никому из них; наконец, он вызвал уважение своей древней госпожи притворными откровениями и обещаниями, которые он давал за философский камень. Она не могла избавиться от укоренившегося предрассудка в его пользу, не могла найти в себе силы отбросить его в старости и упадке сил. Но вот появился король, которому в пору его процветания и солнечного сияния он был чужим. Свои последние дни он провел в старости, безвестности и всеобщем забвении. Никто не рассказал нам, как ему удалось прокормиться. Мы можем быть уверены, что его постоянными спутниками были унижения и самые унижительные лишения. Он прожил до 1608 года, а древние люди во времена Антония Вуда, почти столетие спустя, указывали на его могилу в алтаре церкви в Мортлейке и утверждали, что знают то самое место, где покоились его останки.

История Ди чрезвычайно интересна не только сама по себе; не только из-за выдающихся талантов и достижений, невероятной глупости и слепоты понимания, которыми отличались его зрелые годы; но и как поразительная иллюстрация легковерия и суеверной веры того времени, в котором он жил. В более поздний период его чудесный камень, демонстрировавший такие чудеса и сопровождавшийся столь длинной серией сверхъестественных голосовых сообщений, никого бы не обманул: он был едва ли более изобретателен, чем пустые трюки самого заурядного фокусника. Но в этот период кора долгих веков тьмы еще не была полностью стерта. Люди не доверяли силам человеческого понимания и не были знакомы с основными канонами доказательств и веры. Ди провел шесть лет на континенте, переходя от двора одного принца или знатного вельможи к другому, выслушивая их, каждый из которых относился к его прорицаниям с удивлением и тревогой, а в конце концов нерешительно отбрасывал его, когда не находил практически никаких трудностей в том, чтобы продолжить подобную карьеру у другого.

Не менее любопытным обстоятельством, связанным с жизнью Ди, является то, что в 1659 году, спустя полвека после его смерти, интерес к подобным практикам все еще был настолько велик, что позволил напечатать фолиант, в котором в сложной и детально проработанной форме были изложены его сообщения с духами. Книга была выпущена доктором Мериком Казобоном, не презренным именем в республике букв. Редактор отмечает в предисловии к книге, что, "хотя его походка в некоторых отношениях, казалось, лежала в делах тьмы, все же все было предложено им королям и принцам, и все (исключая только Англию) были выслушаны в течение долгого времени с хорошим уважением, а некоторые долгое время принимались и развлекались". Далее он говорит, что "слава об этом заставила папу прийти в восторг и наполнила всех, как ученых, так и неученых, великим удивлением и изумлением". Он добавляет, что "в целом она, несомненно, не имеет аналогов в своем роде ни в одном веке, ни в одной стране". Одним словом, редактор, хотя и отказывается полностью верить в притязания Ди, все же явно рассматривает их с некоторой долей почтения и намекает, насколько большее уважение заслуживают такие необоснованные и преувеличенные притязания, чем нечестивая недоверчивость некоторых современных саддукеев, которые говорят, что "нет никакого воскресения, ни ангела, ни

духа". Вера в колдовство и чародейство, несомненно, встречает определенную благосклонность с этой точки зрения, поскольку, признавая соответствие людей невидимому миру, она имеет один общий принцип с верующими в откровение, которого лишены более смелые неверные.

ГРАФ ДЕРБИ.

Обстоятельства смерти Фердинанда, пятого графа Дерби, в 1594 году особенно привлекли внимание современных историков. Хескет, посланник иезуитов и английских католиков за границей, настойчиво убеждал этого дворянина настаивать на своем праве на корону, как законный представитель его прабабушки Марии, младшей дочери короля Генриха Седьмого. Но граф, опасаясь, как говорят, что это лишь ловушка, чтобы заманить его в ловушку, дал правительству информацию против Хескета, в результате чего тот был задержан, судим и казнен. Хескет пригрозил графу, что если тот не выполнит его предложение, то проживет совсем недолго. Через четыре месяца после этого граф заболел очень редкой болезнью. В то же время в его покоях был найден восковой образ с волосами на животе точно такого же цвета, как и у графа. [Образ был сожжен неким ревностным другом лорда Дерби, но графу становилось все хуже. Он и сам был убежден, что его околдовали. Стоу включил в свои "Анналы" подробный отчет о его болезни изо дня в день, с описанием всех симптомов.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЯ ДЖЕЙМСА В НОРВЕГИЮ.

Пока Елизавета развлекалась сверхъестественными дарами, на которые претендовал Ди, и утешалась бедствиями и нищетой, в которые теперь попал старик, некогда столь почитаемый, на севере острова разыгрывалась совсем другая сцена. В царствование Марии, королевы Шотландской, судебные процессы по обвинению в колдовстве были многочисленны; сравнительная темнота и невежество братского королевства сделали его более благоприятной почвой, чем Англия, для роста этих мрачных суеверий. Но ум Джеймса, одновременно любознательный, педантичный и самодостаточный, как нельзя лучше подходил для занятий этими узколобыми и туманными спекуляциями. Одно стечение обстоятельств усилило в нем эту склонность до величайшей высоты.

Джеймс родился в 1566 году. Он был единственным прямым наследником шотландской короны и в ближайшей перспективе мог наследовать английскую. Рвение протестантской Реформации доводило беспокойство умов людей до лихорадки ожиданий и прогнозов. Поэтому к концу правления Елизаветы всеобщее внимание привлекло ожидаемое бракосочетание шотландского короля. Елизавета с той мелкой ревностью, которая затмевала все остальные благородные качества ее духа, пыталась воспрепятствовать этому браку, чтобы ее соперник и ожидаемый преемник не был дополнительно одарен почестями потомства. Яков остановил свой выбор на дочери короля Дании. Удачные уловки Елизаветы помешали ему в этом деле, и дама в конце концов была выдана замуж за герцога Баварского. У короля Дании была еще одна дочь, и Яков делал предложения этой принцессе. Но ему противодействовали, и в конце концов он отправил великолепное посольство с широкими полномочиями и инструкциями, и договор был заключен. Принцесса отправилась в путь, но когда ее уже некоторое время ожидали в Шотландии, вместо этого пришло известие, что она была отброшена назад бурей на побережье Норвегии. Молодой король остро почувствовал свое разочарование и галантно решил лично отправиться в порт, где его предполагаемая супруга была задержана из-за разбитого состояния ее флота. Яков прибыл двадцать второго октября 1589 года и, заключив брак, по приглашению своего тестя провел зиму в Копенгагене, откуда отплыл только весной и, встретившись с различными встречными ветрами и некоторыми опасностями, достиг Эдинбурга первого мая следующего года.

Следовало ожидать, что переменчивая погода и штормы будут характерны для зимнего сезона в этих морях. Но штормы продолжались дольше и сменяли друг друга чаще, чем это обычно принято считать. И в этот период, когда сначала предполагаемая супруга Якова, затем сам король и, наконец, оба они, а также надежда на протестантское престолонаследие были отданы на милость волн, нет ничего удивительного в том, что ход времен года должен быть точно отмечен и что те изменения, которые обычно приписывают вторым причинам, должны были быть приписаны экстраординарному и сверхъестественному вмешательству. Утверждалось, что во время возвращения короля из Дании его корабль привел в движение ветер, отличный от того, который действовал на остальной флот.

Случилось так, что вскоре после возвращения Якова в Шотландию некую Гейлис Дункан, служанку, за необычные обстоятельства, сопутствовавшие некоторым исцелениям, которые она совершала, заподозрили в колдовстве. Хозяин допрашивал ее на эту тему, но она ничего не признавала. Понимая ее упрямство, хозяин взял на себя полномочия вымогать у нее признание под пытками. Это ему удалось, и, рассказав о различных проявлениях колдовства в отношении себя, она стала обвинять других. Обвиненных ею людей бросили в государственную тюрьму.

Одна из них, Агнес Сэмпсон, по имени Агнес, сначала упорно сопротивлялась пыткам. Но, когда пытки стали применяться все более настойчиво, она постепенно стала чрезвычайно общительной. Именно в этот период Джеймс лично занялся обследованиями. Нам рассказывают, что он "с большим удовольствием присутствовал при этом" и задавал нужные вопросы. Несчастную жертву вводили в комнату, обильно обставленную орудиями пыток, а король ждал в апартаментах на удобном расстоянии, пока пациент не находился в подходящем состоянии духа, чтобы сделать желаемые сообщения. Не успевал он или она дать понять, что готовы и больше не должны отказываться от ответа, как их вводили в королевское присутствие, обморочных, тонувших под недавними страданиями, которым они уже не имели сил сопротивляться. И вот сидел Джеймс, с завидной легкостью и сознательным "восторгом", окрыленный мыслью о собственной проницательности, придумывая вопросы, которые могли бы наилучшим образом выбить нужные показания, и с рассудительностью, которую ни в коем случае нельзя презирать, по осанке, чертам и цвету лица жертвы, вероятность того, что он делает чистосердечное и бесхитростное признание, или все еще имеет тайное желание навязаться королевскому экзаменатору, или по иным мотивам был склонен воспользоваться вероломной властью, которую давала ситуация, чтобы отомстить какому-то человеку, к которому он мог питать скрытую ненависть и злобу.

Агнес Сэмпсон рассказала, с каким нетерпением она пыталась завладеть каким-нибудь фрагментом белья, принадлежавшего королю. Если бы он носил его, и оно хоть немного испачкало его королевскую особу, этого было бы достаточно: она бы непременно, применив свои заклинания к этому фрагменту, смогла бы подорвать жизнь государя. Она рассказала, как вместе с двумя сотнями других ведьм плыла на ситах от Лейта до церкви в Северном Бервике, как там они столкнулись с дьяволом лично, как пировали с ним и какие непристойности творили. Она рассказала, что в этом плавании они утопили кота, предварительно окрестив его, и что тут же поднялся страшный шторм, и в этом самом шторме корабль короля отделился от остальной части его флота. Она отвела Джеймса в сторону и, чтобы убедить его, взялась повторить ему разговор, диалог, который переходил от одного к другому между королем и королевой в их опочивальне в брачную ночь. Агнес Сэмпсон была приговорена к сожжению.

ДЖОН ФИАН.

Еще одной несчастной жертвой этого случая стал Джон Фиан, школьный учитель из Транента под Эдинбургом, молодой человек, которого невежественное население украсило манерой доктора. Его пытали с помощью веревки, сильно закрученной вокруг головы, и сапог. В конце концов его привели к исповеди. Он рассказал о девушке, сестре одного из своих учеников, в которую был сильно влюблен. Он предложил мальчику принести ему три волоска с самой потаенной части тела сестры, обладая которыми он сможет с помощью определенных заклинаний добиться любви девушки. Мальчик по наущению матери принес Фиану три волоска с девственной телки, и, когда он применил к ним свои чары, телка пробралась в его школу, набросилась на него в знак любви и не переставала преследовать его по всей округе.

Этот же Фиан сыграл важную роль в сцене в церкви Северного Бервика. Как наиболее подходящий для этой должности, он был назначен регистратором или клерком дьявола, чтобы записывать имена и приносить клятвы ведьмам. Он принимал активное участие в околдовывании, с помощью которого корабль короля едва не погиб по возвращении из Дании. Однако об этой части его действий говорится не в его собственном признании, а в признании ведьм, которые были его сораотниками по заговору.

Далее он рассказал, что в ночь после его признания ему явился дьявол и в ярости обрушился на него за неверность службе, сказав, что он должен жестоко раскаяться в своей неверности. По его собственному рассказу, он устоял и бросил дьяволу вызов, чтобы тот сделал свое самое худшее. Однако на следующую ночь он сбежал из тюрьмы, и его с некоторым трудом удалось поймать. Однако он окончательно отрекся от всех своих прежних признаний, заявив, что они были ложью, вырванной у него под пытками, и, хотя его снова подвергли такому же обращению, которое должно было навсегда искалечить его конечности, он оказался непреклонен до последнего. В конце концов по приказу короля его задушили, а тело бросили в огонь. Множество несчастных мужчин и женщин погибли во время этого жестокого преследования. [212]

ДЕМОНОЛОГИЯ КОРОЛЯ ЯКОВА.

Именно подобные наблюдения и опыт побудили Джеймса через семь лет после этого написать и опубликовать свои "Диалоги о демонологии в трех книгах". В предисловии к этой книге он пишет: "Страшное обилие в это время в этом графстве этих отвратительных рабов Дьюэла, ведьм или энхансеров, побудило меня (уважаемый читатель) отправить по почте этот мой трактат, не для того (как я утверждаю), чтобы показать мою образованность и ум, но только (по совести) для того, чтобы таким образом, насколько я могу, убедить сомневающиеся сердца многих, что такие нападения Сатаны совершенно точно практикуются, и что их орудия заслуживают самого строгого наказания."

В конце трактата он утверждает, "что барны, или уиусы, или другие столь разные люди могут служить достаточными свидетелями и доказательствами в таких процессах; ибо кто, как не ведьмы, могут быть свидетелями и очевидцами дел ведьм?" [213] Но чтобы невинные люди не были обвинены и не пострадали ложно, он говорит нам: "Есть еще две хорошие помощи, которые могут быть использованы для их суда: первая - это обнаружение их метки [метка, которую дьявол должен был нанести на какую-то часть их лица], и испытание ее неуязвимости: вторая - это их бегство по воде: Ибо, как при тайном убийстве, если мертвый каркасс в любое время после этого будет взят в руки убийцей, из него хлынет кровь, как если бы кровь взывала к небесам о мести убийце, Бог назначил этот тайный сверхъестественный знак для испытания этого тайного неестественного преступления, Так, оказывается, Бог назначил (в качестве сверхъестественного знамения чудовищного нечестия ведьм), чтобы

вода отказалась принять их в свое лоно, которые отряхнули с себя священную воду крещения и сознательно отказались от ее благотворения: Нет, не настолько, чтобы их глаза были способны пролить чай (угрожайте и пытайте их, как вам угодно), пока они сначала расскаются (Бог не позволит им усомниться в своем упрямстве в столь ужасном преступлении)". [214]

СТАТУТ, 1 ИАКОВА I.

Вследствие сильного убеждения, которое Джеймс питал по этому вопросу, английский парламент в первый год его правления был вынужден отменить более мягкие меры Елизаветы и принять закон, согласно которому "если кто-либо будет использовать, практиковать или осуществлять любое вызывание или колдовство любого злого и нечестивого духа, или будет советоваться, заключать договор с ним, развлекать, нанимать, кормить или вознаграждать любого злого и нечестивого духа, с любым намерением или для любой цели; или поднимет из могилы любого мертвого мужчину, женщину или ребенка, или кожу, кости или любую часть любого мертвого человека, чтобы использовать их в любом колдовстве, чародействе или околдовывании, или будет использовать любое колдовство, чародейство или околдовывание, посредством которого любой человек будет убит, уничтожен, растрочен, поглощен, измучен или изранен в своем теле или любой его части; тогда каждый такой преступник, его помощники, пособники и советники должны подвергнуться мукам смерти." На основании этого закона было осуждено и казнено множество людей.

ФОРМАН И ДРУГИЕ.

Существует история о некромантии, которая, к сожалению, занимает слишком видное место в истории двора и характера короля Якова Первого. Роберт граф Эссекс, сын фаворита королевы Елизаветы, ставший впоследствии главнокомандующим парламентскими войсками в гражданских войнах, женился на леди Фрэнсис Говард, младшей дочери графа Саффолка; невесте и жениху на момент бракосочетания было тринадцать, другому - четырнадцать лет. Однако родственники графини, которые и устроили этот брак, сочли за благо разлучить их на некоторое время, и, пока она оставалась дома со своими друзьями, жених три или четыре года путешествовал по континенту. Дама оказалась величайшей красавицей своего времени, но вместе с этим обладала самыми распутными и беспринципными наклонностями.

Само обстоятельство, что она поклялась в своей вере у алтаря, когда еще не была в состоянии сделать выбор, внушило своенравному уму графини отвращение к ее мужу. Он прибыл с континента, богатый достижениями, и, судя по тому, как он проявил себя в самые опасные времена, не лишен интеллектуальных способностей. Но графиня сторонилась всех его ухаживаний. Он любил уединение, и дама избегала сцен, наиболее благоприятных для развития привязанностей: она была воспитана при дворе, и в любой другой обстановке была меланхолична и подавлена. Ее нрав был настолько капризен, что, как говорят, в это же время она отвергла ухаживания опытного и популярного принца Генриха, наследника престола.

Примерно в это время на сцене появился красивый молодой человек двадцати лет от роду, полный всех воинских достоинств. Король Яков был необычайно неравнодушен к молодым людям, отличавшимся личной привлекательностью. По невероятной случайности этот человек, по имени Роберт Карр, в самый разгар придворного зрелища, когда он должен был преподнести королю пряжку с каким-то приспособлением, был сброшен с лошади и сломал ногу. Этого было достаточно: Яков, естественно, заинтересовался несчастьем, привязался к Карру и даже неоднократно удостоивал его королевского визита во время лечения. Вскоре

молодой человек стал исключительным фаворитом, и никакие почести и милости не могли быть получены государем иначе, как при его вмешательстве.

Это обстоятельство укрепило колеблющийся ум графини Эссекс. Сладострастная и своевольная, она не желала слышать ни о ком, кроме Карра. Но возможности увидеться с ним были и короткими, и редкими. В такой ситуации она обратилась к миссис Тернер, женщине, чьей профессией было изучать и удовлетворять причуды таких особ, как графиня. Миссис Тернер познакомила ее с доктором Форманом, известным астрологом и фокусником, и тот с помощью восковых изображений и различных безвкусовых фигур и приспособлений взялся за то, чтобы добиться любви Карра к этой даме. В то же время он практиковал против графа, чтобы тот стал импотентом, по крайней мере, по отношению к своей жене. Однако это не удовлетворило даму, и, пойдя на все меры по отношению к своему innamorato, она настояла на разводе по всем правилам и законном браке с любимым юношей. Карр, судя по всему, изначально обладал добрым нравом и, пока это было так, усердно укреплял дружбу сэра Томаса Овербери, одного из самых многообещающих молодых придворных того времени. Сэр Томас настойчиво пытался разорвать близость Карра с леди Эссекс и говорил ему, как губительно для его репутации и перспектив будет, если он женится на ней. Но Карр, вместо того чтобы почувствовать, насколько он обязан Овербери за этот пример бескорыстной дружбы, немедленно пошел и рассказал графине о том, что сказал молодой человек.

С этого момента между ними было решено уничтожить Овербери. Сначала он был заключен в Тауэр по произвольному указу Якова за отказ от посольства в Россию, затем изолирован от всех посетителей и, наконец, подвергся нападению с ядом, которое, после нескольких неудачных попыток, наконец, было приведено в действие. Тем временем графиня подала иск о разводе, обвинив себя в импотенции, и, как говорят, в ее комнате подменили другую женщину, которая должна была подвергнуться проверке жюри матрон в доказательство ее девственности. По прошествии двух лет убийство было раскрыто, низшие преступники, миссис Тернер и остальные, осуждены и казнены, а Карр, ныне граф Сомерсет, и его графиня признаны виновными, но получили королевское помилование. -Чтобы составить представление о состоянии человеческого легковерия в этот период, следует добавить, что, поскольку Форман умер в то время, когда его услуги считались наиболее необходимыми, для осуществления зверских проектов позорной графини был привлечен сначала один Грешем, а затем третий астролог и чародей. Говорят, что в конце концов она и ее второй муж так сильно отдалились друг от друга, что в течение многих лет жили под одной крышей, тщательно следя за тем, чтобы ни в коем случае не появляться друг у друга на глазах. [215]

ПОСЛЕДНИЕ ИДЕИ ДЖЕЙМСА ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.

Стоит отметить, что король Яков дожил до того времени, когда его мнение по вопросу о колдовстве сильно изменилось. Он активно занимался наблюдениями на эту тему; нам рассказывают, что "частота обнаруженных им поддельных вещей так изменила его суждения, что он, отступив от того, что писал в ранней жизни, стал сначала сомневаться, а потом и вовсе отрицать деятельность ведьм и дьяволов, как всего лишь ложь и заблуждение". [216]

ЛАНКАШИРСКИЕ ВЕДЬМЫ.

В летописи некромантии нет более меланхоличной истории, чем история ланкаширских ведьм в 1612 году. Место действия этой истории - лес Пендлбери в четырех или пяти милях от Манчестера, отличающийся живописной и мрачной обстановкой. В те времена, как и сейчас, такие места искали не для того, чтобы дать пищу воображению и удовлетворить

изысканный вкус путешественника. Их скорее избегали как печально известных сцен разбоя и убийств или как освященных притонов дьявольского общения. Пендлбери уже давно пользовался дурной славой по этому последнему признаку, когда один сельский судья, Роджер Новел по имени, задумал оказать общественную услугу, выкорчевав гнездо ведьм, которые наводили ужас на всех окрестных вульгарных жителей. Первыми, кого он схватил, были Элизабет Демдаик и Энн Чаттокс, первой из которых было восемьдесят лет, и она уже несколько лет была слепа, а жила она в основном попрошайничеством, хотя у нее была жалкая лачуга на этом месте, которую она называла своей собственной. Энн Чаттокс была того же возраста, и ей уже некоторое время грозила беда - слепота. Демдаик считалась настолько закоренелой ведьмой, что приучила к таинству всю свою семью, а именно Элизабет Девайс, свою дочь, и Джеймса и Элисон Девайс, своих внуков. В обвинении Чаттокс была также замешана Энн Редферн, ее дочь. Все они, а также Джон Буллок и Джейн, его мать, Алиса Наттер, Кэтрин Хьюит и Изабель Роби, были последовательно задержаны стараниями Новела и одного или двух соседних магистратов, и все они были каким-то образом побуждены, одни - более вольным, а другие - более ограниченным признанием в своих колдовских проступках, после чего были поспешно отправлены в Ланкастерский замок, расположенный в пятидесяти милях, в тюрьму. Говорили, что все их преступления происходили от злобы и обиды, и, по слухам, не раз случалось, что бедную старуху Демдаик ночью выводил из ее жилища на открытый воздух кто-то из ее семьи, где она оставалась одна на час, чтобы проклясть свою жертву и продолжить свои нечестивые заклинания, а затем ее искали и снова приводили в ее лачугу. Ее проклятия никогда не приносили желаемого результата.

Эти несчастные пробыли в тюрьме совсем недолго, когда поступила информация, что в Страстную пятницу в Малкинс-Тауэр, жилище Елизаветы Девайс, состоялось собрание ведьм в количестве двадцати человек, чтобы посоветоваться, как с помощью адских махинаций убить офицера Ковела, взорвать Ланкастерский замок и освободить заключенных, а также убить другого человека по имени Листер. Последнее было осуществлено. Остальные планы каким-то образом, нам не говорят, были предотвращены.

Заключенных продержали в тюрьме до летнего аукциона; за это время, по счастливой случайности, бедный слепой Демдаик умер в заточении и так и не предстал перед судом.

Остальным заключенным были предъявлены отдельные обвинения в убийстве с помощью колдовства определенных лиц, которые были названы, и все они были признаны виновными. Главными свидетелями против Элизабет Девайс были Джеймс Девайс и Дженнет Девайс, ее внуки, последнему из которых было всего девять лет. Когда эту девочку подвели к свидетельнице, бабушка, увидев ее, подняла такой страшный крик, перемежаемый горькими проклятиями, что ребенок заявил, что не сможет продолжать давать показания, если не уберет заключенную. С этим согласились, и брат с сестрой поклялись, что присутствовали при том, как дьявол явился к их бабушке в облике черной собаки и спросил, чего она желает. Она ответила, что смерти Джона Робинсона; тогда собака велела ей сделать из глины изображение Робинсона, а после разбить его в пыль, и как только изображение погибнет, жизнь жертвы должна угаснуть, и в итоге человек должен умереть. Эти показания были приняты, и на основании таких и подобных им свидетельств двадцатого августа десять человек были приведены к виселице, среди них Энн Чаттокс восьмидесяти лет, на следующий день после окончания судебных заседаний, которые длились два дня. Судьями, председательствовавшими на этих процессах, были сэр Джеймс Альтхэм и сэр Эдвард Бромли, бароны казначейства. [217]

Из всей этой истории можно сделать вывод, что эти старые женщины играли в коммерцию с дьяволом. Это льстило их тщеславию, заставляя соседей попроще бояться их. Наблюдать за симптомами их деревенского ужаса, даже ненависти и отвращения, было им приятно. Они так долго играли в эту игру, что в какой-то степени обманули самих себя. Человеческие страсти всегда в той или иной степени заразительны. Возвращая ненависть соседей, они стали думать, что сами достойны презрения и ужаса, что их поношения имеют реальный эффект, а проклятия убивают. Бурные ужасы леса благоприятствовали видениям, и порой они почти верили, что встречают в ночи врага человечества. -Но когда Элизабет Девайс наяву увидела, как ее внучку девяти лет усаживают в свидетельский ящик с намерением предать ее публичному и бесславному концу, грезы воображения исчезли, и она глубоко прочувствовала реальность того, что там, где она в дьявольских забавах немного навязывалась ребенку, она точила кинжал, который должен был лишить ее собственной жизни, и копала себе могилу. Поэтому неудивительно, что она издавала сверхъестественные вопли и изрыгала проклятия из глубины души. Наверное, это было почти невыносимо - слышать крик ее отчаяния, видеть проклятия и агонию, в которой она вырывалась.

Прошло двадцать два года после этой сцены, когда несчастный человек по имени Эдмунд Робинсон задумал на том же месте сделать себе выгодную спекуляцию из аналогичного источника. Он обучил своего сына, которому было одиннадцать лет, и снабдил его необходимыми инструкциями. Он научил его рассказывать, что однажды в поле ему встретились две собаки, которых он побудил охотиться на зайца. Они не хотели уходить, и он в отместку привязал их к кусту и стал бить кнутом, как вдруг одна из них превратилась в старуху, а другая - в ребенка, в ведьму и ее импа. Эта история имела такой успех, что отец вскоре выдал, что у его сына есть глаз, который может отличить ведьму на глаз, и повел его по соседним церквям, где посадил на скамейку после службы и велел ему оглядеться и посмотреть, что он сможет заметить. Уловка, какой бы неуклюжей она ни была, удалась, и не менее семнадцати человек были задержаны по выбору мальчика и доставлены в Ланкастерский замок. Эти семнадцать человек предстали перед судом присяжных и были признаны виновными; но судья, чье имя, к сожалению, утеряно, в отличие от сэра Джеймса Алтхэма и сэра Эдварда Бромли, увидел в деле нечто такое, что вызвало его подозрение, и, хотя присяжные не колебались ни в одном случае, отпустил осужденных и отправил отчет об этом деле правительству. Двадцать два года по этому случаю не прошли даром. Четверо из заключенных по рекомендации судьи были отправлены в метрополию, где их осмотрели сначала королевские врачи, а затем лично Карл Первый. Рассказ мальчика был подвергнут строгому анализу. В конце концов, он признался, что все это было самозванством; и все семнадцать человек получили королевское помилование. [218]

ЛЕДИ ДЭВИ.

Элеонора Тучет, дочь Джорджа лорда Одли, вышла замуж за сэра Джона Дэвиса, выдающегося юриста времен Якова Первого и автора поэмы значительных достоинств "О бессмертии души". Эта дама не отличалась презренными талантами, но больше всего она ценила в себе дар пророчества и, соответственно, напечатала книгу "Странные и удивительные предсказания". Она утверждала, что получает свои пророчества от духа, который сообщает ей звуком о том, что должно произойти, хотя голос не может быть услышан другим человеком. Сэр Джон Дэвис был назначен лордом-главным судьей королевской скамьи в 1626 году. Перед его вступлением в должность леди Элеонора, сидевшая с ним в воскресенье за обедом, внезапно разрыдалась. Сэр Джон спросил ее, отчего она плачет. На что она ответила: "Это ваши похоронные слезы". Сэр Джон весело ответил на это предсказание. Но через несколько дней с ним случился апоплексический

удар, от которого он вскоре умер. [219]- В том же году она предсказала смерть герцога Бекингема. За это присвоение пророческого дара она была привлечена к суду высокой комиссии и подвергнута допросу в 1634 году. [220]

ЭДВАРД ФЭРФАКС.

С горечью приходится констатировать, что Эдвард Фэрфакс, гармоничный и элегантный переводчик Тассо, в 1622 году на Йоркском аукционе преследовал шестерых своих соседей за колдовство над своими детьми. "Против заключенных были выдвинуты обычные факты о призраках, припадках и явлении ведьм". Суд присяжных признал вину, и обвиняемые предстали перед судом. Но, как нам сообщают, "судья, получив свидетельство о трезвом поведении заключенных, так руководил присяжными, что побудил их вынести оправдательный вердикт". [221] Впоследствии поэт составил громоздкий аргумент и рассказ в оправдание своего поведения.

ДОКТОР ЛЭМБ.

Доктор Лэмб был известным колдуном во времена Карла Первого. Знаменитый Ричард Бакстер в своей книге "Уверенность в мире духов", напечатанной в 1691 году, привел соответствующий пример чудесных действий этого человека. Встретив на улице двух своих знакомых, которые выразили желание стать свидетелями какого-нибудь примера его мастерства, он пригласил их к себе домой. Он провел их во внутреннюю комнату, и вскоре, к их немалому удивлению, они увидели, как посреди квартиры выросло дерево. Едва они перестали удивляться этому явлению, как через мгновение появились три маленьких человечка с маленькими топориками в руках, чтобы срубить это дерево. Дерево было срублено, и доктор отпустил своих гостей, полностью убедившись в основательности своих притязаний. Однако в ту же ночь поднялся сильнейший ураган, от которого дом одного из гостей раскачивался из стороны в сторону, и казалось, что здание обрушится и похоронит его и его жену в руинах. Жена в ужасе спросила: "Ты не был сегодня у доктора Лэмба?". Муж признался, что это правда. "И не уносил ли ты что-нибудь из его дома?" Муж признался, что, когда маленькие человечки валили дерево, он был настолько ленив, что подобрал несколько щепок и положил их в карман. Теперь оставалось только достать щепки и избавиться от них как можно быстрее. После этой церемонии вихрь сразу же утих, и остаток ночи стал совершенно спокойным и безмятежным.

Доктор Лэмб стал настолько одиозным из-за своей репутации, связанной с этими inferнальными практиками, что в 1640 году народ восстал на него и разорвал на куски на улицах. Через тринадцать лет после этого женщина, которая была его служанкой, была задержана по обвинению в колдовстве, предстала перед судом и в наказание за свое преступление была казнена в Тайберне.

УРБЕН ГРАНДЬЕ.

За несколько лет до катастрофы доктора Лэмба во Франции произошла сцена, о которой очень важно рассказать в этой работе. Урбен Грандье, каноник церкви и популярный проповедник из города Лудун в округе Пуатье, в 1634 году был привлечен к суду по обвинению в магии. Первой причиной, по которой его привлекли к суду, была зависть его конкурентов-проповедников, чья слава затмевала его превосходные таланты. Второй причиной стала клевета, ложно вменяемая ему в вину кардиналом Ришелье, который при всех своих выдающихся качествах обладал тем недостатком, что был неумолим в вопросе любых личных нападок на него. Грандье, помимо красноречия, отличался мужеством и решительностью, изяществом фигуры, необычайным вниманием к опрятности платья и

убранству своей персоны, и это последнее обстоятельство навлекало на него обвинения в том, что он слишком много посвящает себя службе на ярмарке.

Примерно в это время на некоторых монахинь монастыря урсулинок в Лаудуне напала болезнь, которая проявлялась весьма необычными симптомами, наводящими многих на мысль, что они одержимы дьяволом. Сразу же распространился слух, что Грандые, побуждаемый какой-то обидой, которую он замышлял против этих монахинь, был автором этих одержимостей, благодаря своему мастерству в колдовстве. К несчастью, случилось так, что тот же монах-капуцин, который уверил кардинала Ришелье в том, что Грандые является автором клеветы против него, также сообщил ему историю об одержимых монахинях и подозрениях, которые пали на священника из-за них. Кардинал, охваченный жадой личной мести, написал государственному советнику в Лаудуне, одному из своих приближенных, чтобы тот провел строгое расследование по этому обвинению, причем в таких выражениях, которые явно подразумевали, что его целью является уничтожение Грандые.

Суд состоялся в августе 1634 года; согласно авторизованной копии процесса, Грандые был осужден на основании показаний Астарота, дьявола из ордена серафимов и начальника дьяволов-владык, Иаса, Цельса, Акаоса, Кедона, Асмодея из ордена престолов, Алекса, Забулона, Нафталима, Чама, Уриэля и Ахаса из ордена княжеств, и приговорен к сожжению заживо. Иными словами, он был осужден на основании показаний двенадцати монахинь, которые, будучи спрошены, кто они такие, назвали эти имена и признали себя дьяволицами, что, вынужденные по приказу суда, дали скованные показания. Приговор был приведен в исполнение, и Грандые встретил свою судьбу с героическим упорством. Во время смерти над его головой жужжала огромная муха-трутень, а один монах, присутствовавший при казни, засвидетельствовал, что, хотя дьяволы имеют обыкновение являться под страхом смерти, чтобы искушать людей отречься от Бога Спасителя, это был Вельзевул, что на иврите означает Бога мух, пришедший, чтобы унести в ад душу жертвы. [222]

АСТРОЛОГИЯ.

Предполагаемая наука астрология имеет менее грандиозный характер и не так ужасает воображение, как торговля с дьяволами и злыми духами или воскрешение мертвых из могильного покоя для совершения определенных магических действий или наставления живых относительно событий, которые вскоре должны их постигнуть. Тем не менее она заслуживает внимания в подобной работе, если не по другой причине, то потому, что она преобладала почти во всех странах и эпохах мира и усердно культивировалась людьми, часто очень талантливыми и отличавшимися здравым смыслом своих рассуждений, а также постоянством и настойчивостью в занятиях, которыми они занимались.

Весь вопрос был построен на предполагаемой необходимой связи определенных аспектов и соединений или оппозиций звезд и небесных тел с событиями в мире, характерами и поступками людей. Человеческий разум всегда признавался в стремлении заглянуть в будущее, разобраться в предзнаменованиях и пророческих предсказаниях, и, если определенные совпадения случались, пусть и случайно, вывести из них правила и максимы, на которых можно построить предвидение грядущих событий.

К этому следует добавить, что человеческой гордыне льстит мысль о том, что вся природа заинтересована в том, что важно для нас самих. Ранний пример этого мы находим в ветхозаветной песне Деборы, где в порыве благочестивого пыла и возвышения поэт восклицает: "Они сражались с небес; звезды в своих курсах сражались против Сисеры". [223]

Всеобщая вера в астрологию оказала незабываемое влияние на историю человеческого разума. Все люди в первую очередь интуитивно чувствуют свободу в совершаемых ими поступках и, как следствие, похвалу или порицание, причитающиеся им в пропорции к честности или подлости мотивов, которыми они руководствуются. В действительности это самое ценное, чем наделен человек. Отсюда следует, что хороший человек испытывает гордость и самодовольство при совершении добродетельных поступков, ставит себе в заслугу независимость своего ума и осознает ценность и честь, на которые, как ему кажется, он имеет право претендовать. Но если все наши поступки предопределены чем-то вне нас, если, какими бы добродетельными и благородными ни были наши склонности, над нами властны наши звезды и принуждают нас к поступкам, которые, предоставленные самим себе, мы должны решительно не одобрять, наше состояние становится рабским, и мы оказываемся в самом жалком и безнадежном положении. И хотя наша ситуация в этом отношении всего лишь воображаемая, она не менее пагубно сказывается на наших характерах. Люди, в той мере, в какой они верят в астрологию, смотрят на звезды, а не на себя, чтобы узнать, что им делать, и смиряются со всемогуществом судьбы, которой, как им кажется, они тщетно пытаются сопротивляться. Следовательно, вера в астрологию имеет самую неблагоприятную тенденцию в отношении нравственности человека; и если бы не то, что чувство свободы наших действий настолько сильно, что все доводы разума в мире не могут его ниспровергнуть, то произошла бы фатальная остановка всего человеческого достоинства и всей человеческой добродетели.

УИЛЬЯМ ЛИЛЛИ.

Один из самых ярких примеров восхождения астрологической веры - случай Уильяма Лилли. Этот человек, к счастью, оставил нам рассказ о своей жизни; и он достаточно близок к нашему времени, чтобы дать нам ощущение реальности сделок, в которых он участвовал, и донести эти сцены до наших дел и груди.

Прежде чем приступить непосредственно к изложению истории своей жизни, он попутно приводит анекдот, который заслуживает нашего внимания, как сильно иллюстрирующий легковерие человека в те времена, о которых мы рассказываем.

Лилли родился в 1602 году. Когда определенные обстоятельства привели его еще не определившиеся мысли к изучению астрологии в качестве основного занятия, в 1632 году он поступил в обучение к некоему Эвансу, которого он описывает как бедного, невежественного, пьяного, самонадеянного и бездарного, но у которого, как говорится, был характер воздвигать фигуры, предсказывать будущие события, открывать тайны, восстанавливать украденные вещи и даже вызывать дух, когда ему было угодно. Сэр Кенелм Дигби был одним из самых многообещающих персонажей тех времен, чрезвычайно красив и грациозен, искусен во всех военных упражнениях, наделен высокими интеллектуальными способностями и неутомим в поисках знаний. Еще более примечательным его делает то, что он был старшим сыном Эверарда Дигби, наиболее выдающегося участника заговора "Пороховая измена".

Как видно, за некоторое время до знакомства Лилли с Эвансом лорд Ботвел и сэр Кенелм Дигби пришли к Эвансу в его домик в Минорисе с явной целью попросить его показать им духа. Сэр Кенелм родился в 1603 году; должно быть, в это время он был еще молодым человеком, но достаточно взрослым, чтобы знать, чего он ищет, и выбирать предметы для своих расспросов с известной рассудительностью. Эванс согласился удовлетворить любопытство своих именитых гостей. Он начертил круг и поместил в него себя и двух незнакомцев. Он начал свои заклинания. Внезапно Эванс отвлекся от остальных и оказался,

сам не зная как, в Бэттерси Филдс, недалеко от Темзы. На следующее утро один из соотечественников обнаружил его спящим и, разбудив, в ответ на его расспросы рассказал, где он находится. Днем Эванс послал гонца к жене, чтобы сообщить ей о своей безопасности и успокоить опасения, которые она могла обоснованно испытывать. Как раз в тот момент, когда прибыл гонец, в дом пришел сэр Кенелм Дигби, желая узнать, чем закончилось вчерашнее приключение. Лилли получила эту историю от Эванса и, спросив его, как такое событие произошло в ходе эксперимента, получила ответ, что, практикуя вызывание, он по неосторожности пропустил необходимое суфумирование, на что дух обиделся.

Под руководством Эванса Лилли достиг определенных успехов в астрологии и с определенным успехом практиковал это искусство в незначительных вопросах, но его честолюбие заставило его стремиться к высшему месту в своей профессии. Он предпринял эксперимент по обнаружению спрятанного сокровища в Вестминстерском аббатстве; получив разрешение на это от епископа Линкольнского, декана Вестминстера, он в сопровождении еще около тридцати человек с прорицательскими жезлами отправился на место. Он закрепился на месте в соответствии с правилами и начал копать; но не успел он далеко продвинуться, как разразилась яростная буря, и он счел целесообразным "отпустить демонов" и прекратить работу. Эти сверхъестественные помощники, по его словам, обиделись на количество и легкомыслие присутствующих; и если бы он не отошел, то не сомневался, что буря становилась бы все сильнее и сильнее, пока все строение не сравнялось бы с землей.

В 1636 году он приобрел себе дом в Хершеме близ Уолтона на Темзе, где, хотя и вырос в самой безвестной среде, дважды обогатился за счет брака. В 1641 году он приехал в Лондон, чтобы заняться своим любимым искусством; но, получив тайное послание, предупреждавшее его, что он еще недостаточно искусен, он на два года снова удалился в деревню и окончательно начал свою карьеру только в 1644 году, когда он опубликовал "Пророческий альманах", который продолжал издавать примерно до самой смерти. После этого он сразу же стал пользоваться большим вниманием. Миссис Лисле, жена одного из комиссаров большой печати, взяла к нему мочу Уитлока, одного из самых выдающихся юристов того времени, чтобы посоветоваться с ним о здоровье партии, когда он сообщил даме, что человек оправится от своей нынешней болезни, но примерно через месяц будет очень опасно болеть от переедания, что и произошло. Ему покровительствовал великий Селден, который был заинтересован в его благосклонности; и он рассказывает, что Лентал, спикер палаты общин, всегда был его другом. Далее он говорит о себе, что изначально был равнодушен к королю Карлу и монархии, но, когда парламент явно взял верх, ему хватило умения разыграть свои карты соответствующим образом и обеспечить себе расположение правящих сил. Уитлок в своих "Воспоминаниях о делах в его собственное время" неоднократно упоминает о нем, говорит, что, встретив его на улице весной 1645 года, он поинтересовался у Лилли, что может произойти в ближайшее время, и тот предсказал ему битву при Нейсби, а в 1648 году отмечает, что некоторые из его предсказаний "сбылись очень странно, особенно в том, что король упал с лошади примерно в это время". Лилли обратился к Уитлоку в пользу своего соперника, астролога Уортона, и его просьба была удовлетворена, и еще раз в пользу Оутреда, знаменитого математика.

В конце 1647 года Лилли и Букер, брат-астролог, были отправлены в большой форме, с каретой и четырьмя лошадьми, в штаб-квартиру Фэрфакса в Виндзоре, где они сказали генералу, что "уверены, что Бог будет идти вместе с ним и его армией, пока великое дело, для которого они были посвящены, не будет завершено, что, как они надеются, будет победой над врагами их и парламента, и спокойным урегулированием и твердым миром над всей

нацией". В таком же состоянии оба астролога были отправлены в следующем году на осаду Колчестера, который, по их предсказаниям, вскоре перейдет во владение парламента.

Тем временем Лилли втайне сохранял пристрастие к Карлу Первому. Миссис Уорвуд, дама, пользовавшаяся полным доверием короля, пришла посоветоваться с ним о том, куда Карлу следует удалиться, когда он сбежит из Хэмптон-Корта. Лилли сделал соответствующие распоряжения, но Эшбернхэм расстроил все его меры, и король отправился на остров Уайт. После этого та же дама посоветовалась с ним о том, как Карлу следует вести переговоры с парламентскими комиссарами в Ньюпорте, и Лилли посоветовал королю подписать все предложения и немедленно отправиться с комиссарами в Лондон; в этом случае Лилли не сомневался, что народная волна повернется в его пользу, и королевское дело окажется победоносным. Наконец, он рассказывает, что предоставил пилу и воду, с помощью которой король почти снял решетку с окна своей тюрьмы в замке Кэрисбрук и сбежал. Но в критический момент Карл проявил ту же нерешительность, которая ранее оказалась роковой для его успеха. В 1649 году Лилли получил от государственного совета пенсию в сто фунтов стерлингов *в год*, которую, прослужив два года, он отказался принимать и в дальнейшем. В 1659 году он получил в подарок золотую цепь и медаль от Карла X, короля Швеции, в знак признательности за уважительное упоминание этого монарха в своих альманахах.

Лилли дожил до глубокой старости, скончавшись лишь в 1681 году. В 1666 году он был вызван в комитет палаты общин на том легкомысленном основании, что в своей книге "Монархия или не монархия", опубликованной за пятнадцать лет до этого, он поместил шестнадцать листов, среди которых был один, восьмой, изображающий людей, копающих могилы, с гробами и другими эмблемами, означающими смерть, а на тринадцатом - город, объятый пламенем. Его спросили, относятся ли эти изображения к недавней чуме и пожару в Лондоне. Лилли ответил так, чтобы намекнуть, что да; но он великодушно признался, что не знал, в каком году это произойдет. Он сказал, что привел эти символические изображения без каких-либо комментариев, чтобы те, кто компетентен, могли понять их смысл, в то время как остальной мир оставался в неведении, которое было их уделом.

МЭТЬЮ ХОПКИНС.

Ничто не может представить легкое верие английской нации в отношении колдовства в это время в более ярком свете, чем история Мэтью Хопкинса, который в памфлете, опубликованном в 1647 году в свое оправдание, присвоил себе фамилию Охотника за ведьмами. В своем родном графстве Саффолк он случайно вступил в контакт с одной или двумя предполагаемыми ведьмами и, будучи человеком наблюдательным и изобретательным, занялся ремеслом, которое приносило ему такой умеренный доход, что его хватало на содержание, и в то же время удовлетворяло его честолюбие, делая его ужасом для многих, и объектом восхищения и благодарности для еще большего числа людей, которые считали себя обязанными ему тем, что он избавил их от тайных и внутренних врагов, от которых, пока они действовали так, что не оставляли за собой следов, у них не было возможности защититься. Карьера Хопкинса была чем-то похожа на карьеру Титуса Оутса в следующем царствовании, но, очевидно, гораздо безопаснее для авантюриста, поскольку Оутс вооружил против себя весьма грозную партию, в то время как Хопкинс, казалось, напал лишь на нескольких человек, бедных, ослабленных, бессильных и беспомощных.

После двух-трех удачных экспериментов Хопкинс начал регулярный тур по графствам Норфолк, Саффолк, Эссекс и Хантингдоншир. Он объединил с собой двух единомышленников - мужчину по имени Джон Стерн и женщину, чье имя до нас не дошло. Они посетили все города на своем пути, которые их приглашали, и обеспечили себе

умеренное вознаграждение в двадцать шиллингов и свои расходы, оставив то, что было больше этого, на самопроизвольную благодарность тех, кто должен был считать себя обязанным усилиям Хопкинса и его партии. Таким образом, они обеспечили себе благоприятный прием и множество доверчивых людей, которые слушали их диктовки как оракулы. Поскольку их было трое, они могли играть друг другу на руку и были достаточно сильны, чтобы одолеть любое робкое и нерешительное сопротивление. В каждом городе, куда они приезжали, они разыскивали известных ведьм и, взяв их под стражу, в большинстве случаев получали в свое распоряжение некоторое количество ревностных пособников, которые заботились о том, чтобы у них была чистая сцена для экспериментов. Они нависали над своими беспомощными жертвами с таким авторитетом, словно получили от небес поручение раскрыть злодеяния. Они заваливали бедняжек множеством вопросов, построенных самым искусным образом. Они раздевали их догола в поисках дьявольских знаков на разных частях тела, которые обнаруживались путем втыкания булавок в голову, и если это были настоящие знаки, то они подтверждали свою нечувствительность. Они купали свои жертвы в реках и прудах, и это было несомненным фактом: если бы обвиняемые были настоящими ведьмами, вода, которая была символом принятия в христианскую церковь, не приняла бы их в свое лоно. Если допрашиваемые продолжали упрямиться, их усаживали в скованные и неудобные позы, время от времени связывая веревками и заставляя оставаться в таком положении без еды и сна в течение двадцати четырех часов. Они ходили с ними вверх и вниз по комнате, по двое взяв их под руки, пока те не падали от усталости. Комнату, в которой проводился эксперимент, тщательно выметали, чтобы уберечь от пауков и мух, которые, как предполагалось, были дьяволами или их призраками в этом обличье.

Самые обильные дознания Хопкинса и его единомышленников пришлись на 1644, 1645 и 1646 годы. В конце концов, по подозрению в колдовстве в тюрьму попало столько людей, что правительство было вынуждено взять дело в свои руки. Сельские магистраты, к которым Хопкинс и его единомышленники приводили своих жертв, вольно или невольно были вынуждены отдавать их под суд. Графу Уорику и другим было дано поручение провести в Челмсфорде тюремные заседания против них в Эссексе. Лорд Уорик в это время был самым популярным дворянином в Англии. Парламент назначил его верховным адмиралом во время гражданской войны. Он пользовался большой популярностью у независимого духовенства, был проницателен, проницателен и деятелен, демонстрировал необычную смесь благочестивого поведения с жилами лицедейства и шутовства. Вместе с ним был послан доктор Калами, самый выдающийся богослов эпохи Содружества, чтобы проследить (как говорит Бакстер [224]), не было ли совершено мошенничество или нанесен ущерб обвиняемым сторонам. Однако можно усомниться в том, что присутствие этого священнослужителя не подействовало неблагоприятно на подозреваемых. Он проповедовал перед судьями. Можно с уверенностью сказать, что, учитывая нравы того времени, он много настаивал на ужасной природе греха колдовства, который не может ожидать помилования ни в этом, ни в грядущем мире. Он сидел на скамье подсудимых вместе с судьями и участвовал в их обсуждениях. В результате этой инквизиции шестнадцать человек были повешены в Ярмуте в Норфолке, пятнадцать - в Челмсфорде и шестьдесят - в разных местах графства Саффолк.

Уитлок в своих "Мемориалах английских дел" под датой 1649 года говорит о том, что многие ведьмы были задержаны в Ньюкасле по информации человека, которого он называет Охотником за ведьмами, и поскольку его эксперименты были почти такими же, хотя он и не назван, мы можем с полным основанием предположить, что это был Хопкинс; а в следующем году - в Бостоне в Линкольншире. В 1652 и 1653 годах тот же автор рассказывает о женщинах

в Шотландии, которых подвергали невероятным пыткам, чтобы вырвать у них признание в том, что вменяли им в вину их противники.

Судьба Хопкинса была такой, какую можно было ожидать в подобных случаях. Поначалу толпа людей испытывает ужас перед чудовищными обвинениями. Они, как зараза, охвачены ужасом перед бедами, которые, кажется, надвигаются на них и от которых ни невинность, ни предосторожность не могут обеспечить им достаточную защиту. Они, как по команде, спешат отомстить этим злобным врагам, которых и Бог, и человек стремятся изгнать из общества. Но через некоторое время они начинают задумываться и приходят к выводу, что действовали слишком осторожно, что их вела за собой неопределенная видимость. Они видят, как одну жертву ведут к виселице за другой, без ограничений и ограничений. Они видят, как одна умирает с самыми торжественными заверениями в своей невинности, а другая признается неизвестно в чем, в том, что вложили ей в рот ее неумолимые преследователи. Они видят этих жертв, старых, безумных и бессильных, измученных изощренными жестокостями, которые применяются к ним. Сначала их побуждали к этому непримиримая враждебность и ярость, которые не могли удовлетвориться ничем, кроме крови. Но гуманность и угрызения совести тоже не стоят на месте. Недовольные собой, они с радостью направляют свое негодование на другого. На человека, которого они сначала приветствовали как общественного благодетеля, они впоследствии смотрят завистливыми глазами и начинают считать хитрым самозванцем, хладнокровно торгующим жизнями своих собратьев ради ничтожной выгоды и, что еще ужаснее, ради приманки брэнной и недолговечной славы. Как нам рассказывают, через несколько сезонов толпа восстала на Хопкинса и решила подвергнуть его одному из его собственных критериев. Они притащили его к пруду и бросили в воду, чтобы он стал ведьмой. Кажется, он плавал на поверхности, как и положено ведьме. Затем они преследовали его с улюлюканьем и поношениями и навсегда загнали в безвестность и бесчестье, которые он вполне заслужил.

КРОМВЕЛЬ.

Существует история Кромвеля, записанная историком Эчардом, которая вполне заслуживает упоминания как яркая иллюстрация легковерия, царившего в этот период. Она относится к утру третьего сентября 1651 года, когда Кромвель одержал победу в сражении при Вустере против Карла Второго, которое он привык называть достаточно многозначительным именем - "венчающая победа". Она рассказывается со слов полковника Линдсея, который, как говорят, был близким другом узурпатора и был широко известен под этим именем, а в действительности являлся старшим капитаном в полку самого Кромвеля. "В это памятное утро генерал, - как представляется, - взял этого офицера с собой в лес, расположенный неподалеку от армии, и велел ему сесть и следовать за ним в этот лес, а также обратить особое внимание на то, что он увидит и услышит. После того как они сели на лошадей и прошли некоторое расстояние до леса, Линдсей начал бледнеть и испытывать ужас по неизвестной причине. Кромвель спросил его, что он делает или как себя чувствует. Тот ответил, что его охватил такой трепет и ужас, какого он не испытывал ни разу за все конфликты и сражения, в которых ему доводилось участвовать; но происходило ли это от мрачности места или от температуры его тела, он не знает. Как теперь?" - спросил Кромвель, - "Что, мучают испарения? Идем вперед". Не прошли они и двадцати ярдов, как Линдсей вдруг замер на месте и воскликнул: "Клянусь всем добром, меня охватил такой безотчетный ужас и изумление, что я не могу продвинуться ни на шаг". На что Кромвель окликнул его: "Слабоумный глупец!" и велел ему стоять и наблюдать, или быть свидетелем. И тут генерал, отойдя на некоторое расстояние от него, встретил грузного пожилого человека с рулоном пергамента в руках, который передал его Кромвелю, и тот с жадностью просмотрел его, а

Линдсей, немного оправившись от страха, услышал несколько громких слов между ними: в частности, Кромвель сказал: "Это только на семь лет; я должен был получить его на полтора десятка; так должно быть и будет". Другой ответил ему, что это не может быть более чем на семь лет. На что Кромвель с ожесточением воскликнул: "Все же это будет на четырнадцать лет". Но тот презрительно заявил: "Это не может быть на более долгий срок; и если он не захочет так поступить, то найдутся другие, которые так поступят". Тогда Кромвель наконец взял пергамент и, вернувшись к Линдсею с великой радостью на лице, воскликнул: "Теперь, Линдсей, битва за нами! Я жажду участвовать в ней". Выйдя из леса, они поскакали к войску, Кромвель - с решимостью вступить в бой как можно скорее, а другой - с намерением поскорее покинуть армию. После первого обвинения Линдси покинул свой пост и ускакал со всей возможной скоростью днем и ночью, пока не прибыл в графство Норфолк, в дом близкого друга, некоего мистера Торогуда, священника прихода Гримстоун. Кромвель, как только упустил его, отправился за ним во все стороны, обещая большую награду тому, кто приведет его живым или мертвым. Когда мистер Торогуд увидел, что его друг Линдсей въехал к нему во двор, его лошадь и он сам сильно устали и находились в некоем подобии лабиринта, он сказал: "Ну как, полковник? Мы слышали, что скоро будет битва: что, сбежали из своих цветов?" "Битва, - ответил тот, - да, была битва, и я уверен, что король побежден. Но если я еще хоть раз нанесу удар в пользу Кромвеля, пусть я погибну навеки! Ибо я уверен, что он заключил союз с дьяволом, и дьявол получит его в свое время". Затем, желая защитить его от инквизиторов Кромвеля, он вошел к нему и рассказал всю историю во всех ее подробностях". Вряд ли стоит напоминать читателю, что Кромвель умер в этот день через семь лет, третьего сентября 1658 года.

Эчард добавляет, чтобы доказать свою беспристрастность как историка: "Насколько можно верить Линдсею и насколько история должна считаться невероятной, остается на веру и суждение читателя, а не на наше собственное решение".

ДОРОТИ МЕЙТЛИ.

Я нашел историю, датированную примерно этим периодом, которая, хотя и не относится к теме некромантии или общения с дьяволом, кажется, вполне заслуживает того, чтобы быть вставленной в эту работу. Тема, которую я затрагиваю, - человеческое легкоеверие; и этот недостаток нашей природы едва ли можно проиллюстрировать более убедительно, чем на следующем примере. Он записан известным Джоном Буньяном в его беглом трактате, озаглавленном "Жизнь и смерть мистера Бэдмена", который с тех пор был включен в собрание сочинений автора в двух томах folio. В мельчайших подробностях и деталях он может соперничать почти с любой историей, которую человеческая промышленность собрала, а человеческое простодушие когда-либо заносило в протокол.

"Жила-была, - рассказывает мой автор, - бедная женщина по имени Дороти Мейтли в небольшой деревушке под названием Ашовер в графстве Дерби. Она зарабатывала себе на пропитание тем, что промывала через сито мусор, поступающий со свинцовых рудников, расположенных поблизости, и занималась этим до тех пор, пока земля не проходила через сито, и оставались лишь крупинки и небольшие частицы настоящей руды. Эта женщина была очень низкого и грубого поведения и слыла сквернословом, ругателем, лжецом и вором; обычно она утверждала что-то с помощью проклятий, например: "Я бы хотела утонуть в земле, если бы это было не так" или: "Я бы хотела, чтобы Бог заставил землю разверзнуться и поглотить меня, если я скажу неправду".

"Случилось это 23 марта 1660 года [по нашим подсчетам 1661], когда она мыла руду на вершине крутого холма в четверти мили от Ашовера, когда у парня, работавшего на этом

месте, пропали из кармана два пенса, и он тут же придумал обвинить Дороти в краже. Он сбросил свои бриджи и работал в ящиках. Дороти с видимым негодованием отвергла обвинение и, как обычно, добавила, что хотела бы, чтобы земля разверзлась и поглотила ее, если бы у нее были деньги мальчика.

"Некий Джордж Хопкинсон, человек с хорошей репутацией в Ашвере, проходил в это время неподалеку. Он ненадолго остановился, чтобы поговорить с женщиной. Возле ванны стоял маленький ребенок, которого старшая сестра звала уйти. Поэтому Хопкинсон взял девочку за руку, чтобы отвести ее к той, кто ее звал. Но не прошел он и десяти ярдов от Дороти, как услышал ее крик о помощи и, обернувшись, к своему изумлению, увидел, что женщина с бадьей и ситом кружится вокруг нее и одновременно тонет в земле. Она погрузилась примерно на три ярда, а затем остановилась и стала громко звать на помощь. Но в этот самый момент на ее голову упал огромный камень, проломил ей череп, а земля осыпалась и накрыла ее. После этого ее откопали и нашли примерно в четырех ярдах под землей, а при ней обнаружили два пенни мальчика, но бадья и сито исчезли".

ВЕДЬМЫ, ПОВЕШЕННЫЕ СЭРОМ МЭТЬЮ ХЕЙЛОМ.

Одним из самых примечательных судебных процессов, вошедших в историю уголовной юриспруденции, было дело Эми Дьюни и Роуз Каллендер в Бури-Сент-Эдмундс в 1664 году. Не из-за обстоятельств, которые послужили поводом для него, а из-за того, что они были из самого грубого и вульгарного материала. Жертвами стали две бедные одинокие женщины из городка Лоустофт в Саффолке, которые своим нравом и поведением стали особенно несносными для всей округи. Всякий раз, когда они на кого-нибудь обижались, а это случалось часто, они выплескивали свой гнев в проклятиях и злословии, бормоча их между зубами, смысл которых с трудом можно было уловить; при этом они то и дело произносили мрачные предсказания зла, которое должно произойти в отместку за плохое обращение с ними. Рыбаки не продавали им рыбу, а уличные мальчишки были приучены с ужасом бежать от них или преследовать их улюлюканьем и грубыми оскорблениями. Главные обвинения против них заключались в том, что дети двух семей много раз бились в припадках, в которых они восклицали, что видят Эми Дьюни и Роуз Каллендер, пришедших их мучить. Их рвало, и в рвоте часто находили булавки, а один или два раза - двухпенсовые гвозди. Один или два ребенка умерли; обвинения распространялись на протяжении восьми лет, с 1656 года до момента судебного разбирательства. Чтобы подкрепить эти обвинения, появился извозчик, чья повозка дважды перевернулась за одно утро из-за проклятий одной из ведьм, причем сначала повозка наехала на ее лачугу и существенно ее повредила. В другой раз повозка застряла в воротах, хотя столбы с обеих сторон не соприкасались с колесами; а когда один из столбов был срублен, повозка легко проехала.

Это судебное разбирательство, как я уже говорил, запомнилось не столько обстоятельствами, которые его вызвали, сколько важностью лиц, присутствовавших при нем и принимавших участие в его проведении. Председателем суда был сэр Мэтью Хейл, в то время главный барон казначейства, который до этого отличился своим неустрашимым сопротивлением одному из произвольных мандатов Кромвеля, находившегося тогда в зените своей власти, который был адресован Хейлу в его качестве судьи. Хейл был также выдающимся автором, который писал на самые заумные темы, и в равной степени отличался благочестием и несгибаемой честностью. Еще одним человеком, присутствовавшим на заседании и случайно принявшим в нем участие, был сэр Томас Браун, великолепно красноречивый и способный автор "Religio Medici". (Он также принимал участие на стороне

суеверия в суде над ланкаширскими ведьмами в 1634 году). Судьей, помогавшим в этом процессе, был также Килинг, который впоследствии занял место главного судьи.

Сэр Мэтью Хейл, очевидно, внимательно следил за процессом и был сильно озадачен доказательствами. Увидев в суде сэра Томаса Брауна и зная его как человека, обладающего обширной информацией и огромными умственными способностями, Хейл обратился к нему, несколько внесудебно, с просьбой высказать свои соображения по поводу происшедшего. Сэр Томас высказал мнение, что дети были околдованы, и обосновал свою позицию тем, что недавно произошло в Дании. Килинг с этим не согласился и склонился к мнению, что все это может быть практикой и что в этом деле нет ничего сверхъестественного.

Главный судья был осторожен в своих действиях. Он даже отказался подытожить доказательства, чтобы не навести неожиданно свой глANCE на то, в чем поклялись, и предоставил все присяжным. Он сказал им, что Писание не оставляет сомнений в существовании колдовства, и проинструктировал их, что все, что им нужно сделать, это, во-первых, рассмотреть, действительно ли дети были околдованы, и, во-вторых, достаточно ли колдовства было доведено до сведения заключенных в суде. Присяжные вынесли обвинительный вердикт, и две женщины были повешены семнадцатого марта 1664 года, через неделю после суда. Женщины не проявляли особой активности во время процесса и умерли, заявив о своей невиновности. [225]

Этот суд особенно памятен благодаря обстоятельствам, которые ему сопутствовали. На нем нет ржавчины веков, нет неясности, вызванной длинным промежутком лет. Сэр Мэтью Хейл и сэр Томас Браун - выдающиеся авторы; и есть в таких людях нечто такое, что в какой-то мере делает их современниками всех времен, живыми знакомыми сменяющих друг друга эпох мира. Имена обычно предстают на страницах истории как абстрактные идеалы; но в случае с этими людьми мы знакомы с их нравами и предрассудками, их добродетелями и пороками, их силой и слабостью.

В первую очередь они исходят из предположения, что существует такая вещь, как колдовство, и поэтому не имеют никакого отношения к убедительности или слабости доказательств применительно к данному конкретному случаю. Каковы же предпосылки, на которых они основываются в этом вопросе? Они верят в Бога, всезнающего, мудрого, всемогущего, чьи "нежные милости превыше всех дел Его". Они верят в дьявола, ужасного почти как сам Бог, потому что он обладает почти неограниченной властью и желанием творить все зло, с тонкостью, глубоким проникновением в мысли, бдительного, "ходящего и ищущего, кого поглотить". В это они верят, поскольку ссылаются на "Писание, подтверждающее без сомнения, что существует такая вещь, как колдовство". Какую же должность они отводят дьяволу, "князю сил воздушных", чьи могущественные качества в сочетании с его ненасытной злобой могут привести в ужас самых мудрых из нас? Это первый закон здравого смысла и справедливого суждения,

-servetur ad imum, Qualis ab incoepto processerit, et sibi constet;

чтобы каждый персонаж, которого мы помещаем на сцену событий, вел себя так, как обещает его начало, и сохранял постоянство, которое для достаточно проницательного ума должно служить нам почти вместо дара пророчества. И как же действует этот дьявол, согласно сэру Мэтью Хейлу и сэру Томасу Брауну? В том, что он предлагает себя в качестве добровольного орудия злобы двух любящих старушек. Он мучает припадками, заставляя их извергать булавы и гвозди, детей родителей, которые обращались со старухами с варварством и жестокостью. На суде над этими женщинами сидят двое мужчин, в некоторых отношениях наиболее просвещенных из эпохи, породившей "Потерянный рай", и в

подтверждение этого благословенного вероучения двух женщин хладнокровно казнят в стране, которая только что обрела свои свободы под руководством и благодаря добродетели Хэмпдена.

Какое право мы имеем в любом случае лишать жизни человеческое существо, уже находящееся в нашей власти, и в соответствии с формами правосудия - это проблема, одна из самых трудных, которые могут быть предложены для решения человеческому уму. Но видеть, как одни из самых мудрых людей вершат суд над жизнями двух человеческих существ в результате подлога и ухищрений нескольких злобных детей, как это, несомненно, было в данном случае, - это достойно сожаления. Давайте на минуту задумаемся о невыразимом зле, с которым сталкивается человек, вытасканный из своего мирного дома по обвинению в смертной казни, о его предъявлении обвинения в открытом суде, об упорядоченном ходе рассмотрения доказательств и вынесении ему приговора, о "проклятых минутах и днях, которые он отсчитывает" с того момента до казни, о том, что он наконец предстанет перед толпой, возмущенной его предполагаемыми преступлениями, и будет изгнан с земли как недостойный даже существовать среди людей, и все это будучи совершенно невиновным. Сознание невиновности во сто крат усиливает боль. И если эти бедные женщины были слишком тупыми душой, чтобы почувствовать боль, разве это давало их начальству право подавлять и сокрушать их?

КОЛДОВСТВО В ШВЕЦИИ.

История колдовства, которая, как сообщается, произошла в Швеции в 1670 году и много раз перепечатывалась в этой стране, по ряду признаков является одной из самых интересных и прискорбных из всех, что когда-либо были записаны. Действие происходит в Далекарлии, стране, которая навсегда останется в памяти как свидетельница самых ранних приключений Густава Вазы, его глубочайшего унижения и первого начала его процветающей судьбы. Далекарлийцы представлены нам как самые простые, самые верные и самые храбрые из сынов человеческих, люди не развращенные и не подозрительные, но бескорыстно посвятившие себя делу, которое казалось им достойным поддержки, - делу свободы и независимости против жесточайших тиранов. По крайней мере, такими они были в 1520 году, за сто пятьдесят лет до даты истории, которую мы собираемся пересказать. Местом действия этих событий были Мохра и Эльфдейл в провинции, о которой только что шла речь.

Далекарлийцы, простые и невежественные, но образцово честные и добросовестные, жившие среди труднодоступных гор и просторных рудников меди и железа, отличались суеверием среди стран севера, где все были суеверны. Вероятно, их периодически посещали тревоги ведьм, когда целые расы людей становились дикими от заразы, и никто не мог объяснить причину этого.

В 1670 году, а также в один или два предыдущих года, в городе Мохра была большая тревога из-за ведьм. В некоторых безлюдных кварталах этого места всегда было по две-три ведьмы. Но теперь их число увеличилось, и они показывали свои лица с величайшей наглостью. В этот раз они отправились в путешествие по воздуху в Блокулу, воображаемое место уединения, которое никто, кроме самих ведьм и их жертв, никогда не видел. Здесь их ждали пиры и различные развлечения, которые, судя по всему, имели особое очарование для тех, кто их принимал. Ведьмы выходили в поле в окрестностях Мохры и громко зывали к дьяволу, читая своеобразный речитатив: "Антецессор, приди и перенеси нас в Блокулу!". Тогда появилось множество странных зверей, людей, вертелов, столбов и козлов, у которых вертелы были пропущены через внутренности и выступали сзади, чтобы всем хватило места. Ведьмы садились на этих чудовищ и переносились по воздуху через высокие стены и горы,

через церкви и дымовые трубы, не испытывая никаких препятствий, пока не прибывали к месту своего назначения. Здесь дьявол накормил их различными соединениями и сладостями, и, наевшись досыта, они танцевали, а затем сражались. Дьявол заставлял их кататься на вертелах, с которых их сбрасывали; дьявол бил их вертелами и смеялся над ними. Затем он заставил их построить дом, чтобы защитить их от судного дня, а затем опрокинул стены дома и снова насмеялся над ними. Сообщалось, что за этими сценами последовали всевозможные непристойности. Дьявол породил от ведьм сыновей и дочерей: это новое поколение снова вступило в брак, и результатом этого дальнейшего соединения, по-видимому, стали жабы и змеи. Как происходила вся эта родословная в течение двух или трех лет, когда о Блокуле только слышали, я не знаю, ведьмы никогда не были призваны объяснить.

Но что больше всего достойно сожаления, дьявол не удовлетворился тем, что соблазнил ведьм пойти и отпраздновать этот адский шабаш; он также настаивал на том, чтобы они привели с собой детей Мохры. Сначала его устраивало, если каждая ведьма приводила одного, но теперь он потребовал, чтобы каждая ведьма привела шесть или семь детей. Как ведьмы справились с разумом детей, мы даже не можем предположить. Этих бедных, безобидных невинных детей, по самые губы погруженных в невежество и суеверия, злые или, вернее сказать, безумные старухи каким-то образом держали в постоянной тревоге, и они говорили то, что им подсказывали. Судя по всему, дети не покидали своих кроватей в то время, когда, по их словам, они побывали в Блокуле. Родители наблюдали за ними со страшной тревогой. В определенное время ночи детей охватила странная дрожь, их конечности затряслись, а кожа покрылась обильным потом. Придя в себя, они рассказали, что были в Блокуле и видели странные вещи, похожие на те, что уже описали женщины. Говорят, что триста детей разного возраста были охвачены этой эпидемией.

Весь город Мохра стал подвержен этой инфекции и был охвачен глубочайшей скорбью. Они посовещались и составили петицию в королевский совет в Стокгольме, умоляя найти какое-нибудь средство, а правительство - вмешаться, чтобы положить конец бедствию, которому в противном случае они не могли бы найти предела. Королем Швеции в то время был Карл Одиннадцатый, отец Карла Двенадцатого, и ему было всего четырнадцать лет. Его совет в своей мудрости направил двух уполномоченных в Мохру и наделил их полномочиями допрашивать свидетелей и предпринимать любые действия, которые они сочтут необходимыми, чтобы положить конец столь невыразимому бедствию.

Они приступили к выполнению поручения тринадцатого августа, начав церемонию с двух проповедей в большой церкви Мохры, в которых, мы можем быть уверены, проклятый грех колдовства был полностью раскрыт, и закончив молитвами к Всемогущему Богу, чтобы он по своей милости поскорее положил конец огромному несчастью, которым за их грехи он считал нужным поразить бедных жителей Мохры. На следующий день они открыли свою комиссию. Перед ними предстали семьдесят ведьм. Поначалу все они упорно отрицали свою вину, утверждая, что обвинения были выдвинуты против них по злому умыслу и недоброжелательности. Но судьи упорно настаивали на своем, и в конце концов сначала одна, а потом другая разрыдались и во всем признались. Двадцать три человека были убеждены в том, что их совесть мучает, но почти все, как и те, кто признавал справедливость приговора, так и те, кто до последнего отстаивал свою невиновность, были казнены. Пятнадцать детей признали свою вину и также были казнены. Тридцать шесть других детей (которые, как мы можем предположить, не признали своей вины) в возрасте от девяти до шестнадцати лет были приговорены к тому, что в течение года их будут бить плетью по рукам

у дверей церкви каждое воскресенье. Двадцать других были выпороты по рукам в течение трех воскресений. [226]

Это, безусловно, очень прискорбная сцена, и она еще более усугубляется тем, что история наложила на нас отпечаток простоты, честности и великодушной любви к свободе далекарлийцев. К детям и их родителям мы не можем испытывать ничего, кроме безграничной жалости. Дело ведь обстоит иначе. То, что триста детей стали жертвами этого воображаемого колдовства, несомненно, является тяжелым несчастьем. А то, что несколько женщин оказались настолько развращенными и варварскими, что своими непрекращающимися внушениями воздействовали на умы этих детей так, что лишили их трезвого рассудка, напугали их до припадков и болезней и заставили поверить в самые отвратительные невозможности, свидетельствует о самом дегенеративном характере и заслуживает сурового порицания, но не смерти. К этому следует добавить, что многие из этих женщин могут быть признаны невиновными, иначе большинство казненных не умерли бы, протестуя против своей полной свободы от того, что им вменялось в вину. Некоторые из родителей, несомненно, по глупости и неразумию способствовали отчуждению ума у своих детей, о котором они впоследствии так сожалели, и удовлетворяли свою бессмысленную неприязнь к старым женщинам, в то время как сами они во многих случаях были более реальными авторами зла, чем те, кто пострадал.

КОЛДОВСТВО В НОВОЙ АНГЛИИ.

Как история о колдовстве, в которой нет ни поэзии, ни чего-либо, что могло бы развлечь воображение или заинтересовать фантазию, но которая тяжела, прозаична и сопровождается всем тем, что жалко, ничтожно и увядающе, пожалуй, хорошо известная история колдовства в Новой Англии превосходит все другие, что есть в истории. Жители Новой Англии в это время, ближе к концу семнадцатого века, были строгими кальвинистами, с длинными проповедями и утомительными монотонными молитвами, с вечным адом перед ними с одной стороны и тираническим, кислым и суровым Богом с другой, ревнивым и произвольным, который "кого хочет, милует, а кого хочет, ожесточает". Эти люди с длинными и меланхолическими лицами, с тягучим и освященным тоном, с повадками, которые "могли бы одновременно сделать самых суровых людей веселыми, а самых веселых зрителей - грустными", составляли почти все население провинции Массачусетский залив.

Судебные процессы по обвинению в колдовстве продолжались с небольшими перерывами, главным образом в Салеме, в течение большей части 1692 года. Обвинения были самого вульгарного и презренного рода: невидимые щипки и удары, судороги, взрывы и гибель скота, а также возы, застрявшие в земле или потерявшие свои колеса. Почти во всех этих историях бросалось в глаза то, что они называли "призрачным зрением", то есть то, что распутные обвинители сначала симулировали по большей части полученные ими увечья, а затем видели фигуры и действия тех, кто их наносил, когда они были невидимы для всех остальных. Таким образом, несчастные обвинители получали возможность удовлетворять свою злобу, притворяясь, что они пострадали от руки любого, чье имя первым представлялось им, или против кого они питали злобу. Обвиненные таким образом люди, которых не видел никто, кроме обвинителя, и которые в своем телесном присутствии находились на расстоянии многих миль и, несомненно, совершенно не подозревали о замышляемом против них злодеянии, были немедленно схвачены и брошены в тюрьму. И что было еще более чудовищно и невероятно, перед судом стоял заключенный, которого судили за его жизнь, а свидетелям разрешили поклясться, что его призрак преследовал их и причинял им всевозможные страдания. То, что бедный обвиняемый стоял в изумлении от того, что против него выдвигали, был совершенно ошеломлен обвинениями и не знал, что

ответить, - все это было истолковано как множество предположений о его виновности. Невежественные, они были несчастны и неумелы в своей защите; и если они говорили о дьяволе, что было вполне естественно, это тут же приводилось в доказательство того, что они знакомы с извергом, который соблазнил их к гибели.

Первый пример такого рода обвинений в данном случае был приведен неким Парисом, служителем церкви в Салеме, в конце 1691 года, у которого были две дочери, одна девяти лет, другая одиннадцати, страдавшие от припадков и судорог. Первой, на кого пал взгляд как на таинственного автора увиденного, была Титуба, женщина-рабыня из семьи, и она была вынуждена признаться своему хозяину в незаконных действиях и заклинаниях. Затем девушки выбрали Сару Гуд, женщину, известную как жертву болезненной меланхолии, и Осборна, бедняка, который уже долгое время лежал без сна, как людей, чьи призраки постоянно преследовали и мучили их; и Гуд была повешена через двенадцать месяцев после этого обвинения.

Одним из первых под это обвинение попал некий Джордж Барроуз, также служитель Салема. Кажется, он похоронил двух жен, обе из которых, как утверждали сплетники, плохо использовали его при жизни, и поэтому, как шептались, он их убил. Этот человек имел обыкновение по глупости хвастаться, что знает, что люди говорят о нем в его отсутствие, и это приводилось в качестве доказательства того, что он имеет дело с дьяволом. Две женщины, которые были свидетелями против него, прервали свои показания, воскликнув, что видели призраки убитых жен (которые обещали им прийти), хотя никто другой в суде их не видел; и это было принято в качестве доказательства. На суде Барроуз вел себя крайне неосмотрительно, но, когда его пришли вешать, произнес на лестнице такую впечатляющую речь с горячими заверениями в своей невиновности, что многие зрители расплакались.

Природа обвинений такого рода всегда напоминает эпидемию. Припадки и конвульсии передаются от одного субъекта к другому. "Призрачное зрелище", как его называли, - это, очевидно, тема для тщеславного невежества. "Любовь к славе", как учит поэт, - это "всеобщая страсть". Слава действительно находится на высоте, недостижимой для простых смертных. Но в отдельных случаях она неожиданно оказывается в пределах досягаемости людей самого грубого происхождения, и во многих случаях они склонны ухватиться за нее с соразмерной жадностью. Когда о подобных вещах слишком много говорят, когда дьявол и духи ада становятся привычным предметом разговора, когда истории такого рода попадают в ежедневные новости, и то один, то другой человек, в котором еще недавно не было ничего необычного, становится предметом удивления, эти темы входят в мысли многих, спящих и бодрствующих: "их юноши видят видения, а их старики видят сны".

В таком городе, как Салем, втором по значимости в колонии, подобные обвинения распространялись с удивительной быстротой. Со многими из них случались припадки, они демонстрировали страшные искажения конечностей и черт лица и представляли собой жуткое зрелище для посторонних глаз. Их просили назвать причину всего этого; и они предполагали или делали вид, что предполагают, что некий сосед, уже одинокий и страдающий, и поэтому дурно пахнущий среди горожан, хмурится, угрожает и мучает их. Вскоре люди, особо одаренные "призрачным зрением", образовали отдельный класс, и их за государственный счет отправляли с места на место, чтобы они могли видеть то, чего не мог видеть никто другой. Тюрьмы были переполнены обвиняемыми. В обществе царил ужас, как перед бедствием, которое в такой степени никогда не посещало эту часть света. К большому сожалению, случилось так, что книга Бакстера "Уверенность в мире духов" была опубликована всего за год до этого, и несколько экземпляров были разосланы в Новую Англию. Казалось, существовало странное совпадение и симпатия между жизненным

христианством в его самом благородном смысле и страхом перед дьяволом, который, казалось, "сошел к ним с великим гневом". Мистер Инкрейз Мазер и мистер Коттон Мазер, его сын, два священнослужителя с высочайшей репутацией в округе, торжественностью и благоговением, с которыми они относились к этому вопросу, а также искренностью и рвением, которые они проявляли, дали санкцию самым низким суевериям и злобности невежд.

По этому случаю были задействованы все формы правосудия. Не было недостатка ни в судьях, ни в присяжных, ни в мелких присяжных, ни в палачах, ни тем более в обвинителях и свидетелях. Первого человека повесили десятого июня, еще пятерых - девятнадцатого июля, пятерых - девятнадцатого августа и восьмерых - двадцать второго сентября. Многие признавались в том, что они ведьмы, поскольку это был единственный способ для обвиняемых спасти свою жизнь. Мужья и дети падали на колени и умоляли своих жен и матерей признать свою вину. Многих пытали, связывая шею и пятки, пока они не признавались во всем, что им предлагали. Примечательно, что ни одна из них не отказалась от своих признаний на месте казни.

Самая интересная история, которая произошла в этом деле, связана с Джайлсом Кори и Мартой, его женой. Женщину судили девятого сентября, а повесили двадцать второго. В промежутке, шестнадцатого числа, на суд был доставлен муж. Он заявил, что не виновен, но на вопрос, как его будут судить, отказался следовать общепринятой форме и ответил: "Богом и моей страной". Он заметил, что из всех, кого судили, ни один еще не был признан невиновным; и он решительно отказался подвергнуться такому суду. Поэтому судья распорядился, чтобы, согласно варварскому способу, предписанному на родине, его уложили на спину и придавили до смерти грузом, постепенно накапливающимся на верхней поверхности тела, к чему англичане в Северной Америке еще никогда не прибегали. Мужчина упорствовал в своем решении и оставался немым до самой смерти.

Вся эта страшная трагедия держалась на волоске. Призраки долгое время благоразумно ограничивались обвинениями в адрес людей с дурной репутацией или не имевших никакого значения в обществе. Однако со временем они забыли об этой осторожности и сделали вид, что видят фигуры некоторых людей с хорошими связями и непререкаемой честью и репутацией, которые занимаются колдовством. В тот же миг все пошло прахом. Вскоре ведущие жители города поняли, насколько небезопасно доверять свою репутацию и жизнь милости этих распутных обвинителей. Из пятидесяти шести обвинительных актов, которые были предложены большому жюри третьего января 1693 года, двадцать шесть были признаны подлинными, а тридцать отклонены. Из двадцати шести признанных обвинительных актов только три человека были признаны виновными судом присяжных, и эти трое получили от правительства помилование. Тюрьмы были открыты; пятьдесят признавшихся ведьм, а также двести человек, заключенных в тюрьму по подозрению, были отпущены на свободу, и больше об обвинениях не было слышно. Пострадавшие, как их называли, восстановили свое здоровье; "призрачное зрение" было повсеместно рассеяно, и люди стали удивляться, как они вообще могли стать жертвами столь ужасного заблуждения. [227]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Записи о предполагаемой некромантии и колдовстве достаточно многочисленны, и нет никакой необходимости проследивать их по последним реликвиям и фрагментам. Суеверие настолько свойственно человеческому разуму, что даже в ранние годы автора настоящего тома едва ли в какой-нибудь деревне не было старика или женщины, которые пользовались

дурной славой на этот счет; и я сомневаюсь, что многие из них сохранились и по сей день. Помню, как в детстве невежественная служанка указала мне на одну старуху, которая, несомненно, обладала зловещим даром "дурного глаза", и у меня возникло желание как можно скорее удалиться из зоны ее наблюдения.

Но колдовство, как мне кажется, ни в коем случае не является настолько желанной темой, чтобы отказаться от нее. Оно имеет свое применение. Наверное, правильно, что мы должны быть немного знакомы с этой отвратительной главой в летописи человеческой природы. Как говорит мудрый человек в Библии, "хорошо нам прибегать к дому скорбящих", ибо меланхолия имеет благотворное влияние, и "от печали лица сердце делается лучше". Но я не чувствую склонности задерживаться в этих мрачных обителях и предпочел бы поскорее сменить их на жилища здоровья и некоторого веселья. Поэтому, с позволения читателя, мы закроем книгу и скажем: "Хватит".

Пожалуй, нет времени, когда мы могли бы с большей справедливостью оставить эту тему, чем когда более просвещенные правительства Европы обратились к своду своих законов и уничтожили статут, предусматривавший смертную казнь за это мнимое преступление.

Еще в 1672 году Людовик XIV обнародовал постановление Государственного совета, запрещавшее трибуналам приступать к рассмотрению дел, в которых обвинялось только колдовство. [228]

В Англии мы гораздо позже отдали дань прогрессу просвещения и знаний; и только в 1736 году был принят закон, отменяющий закон, принятый в первый год правления Якова I, и устанавливающий, что в будущем не должно быть смертных приговоров за колдовство, чародейство и волшебство, но ограничивающий наказание лиц, претендующих на предсказание судьбы и обнаружение украденных вещей с помощью колдовства, наказанием, относящимся к проступку.

До тех пор пока по закону можно было присуждать к смерти тех, кто обвинялся в торговле со злыми духами и причинял с их помощью вред своему роду, было бы нелишне попытаться выявить ошибочность таких притворств и разоблачить неисчислимыя беды и ужасные трагедии, которые выросли из обвинений и преследований за такие мнимые преступления. Но эффект от увековечивания глупых и суеверных историй, переживших этот смертельный удар, прямо противоположен. Они лишь поддерживают жизнь в неразумных умах и продолжают питать вредоносными облаками мысли невежд. Давайте скорее с сердечной радостью приветствовать свет, который, хоть и с опозданием, ворвался к нам, и оплакивать бедствия наших предков, которые, помимо неизбежных бедствий нашего подлунного состояния, были измучены воображаемыми ужасами и преследовались внушениями,

Чей ужасный образ распутывал их волосы,
и заставлял их сидящие сердца стучать в ребра,
Против использования природы.

КОНЕЦ.

ССЫЛКИ

[1] Иисус Навин, vii. 16 и далее.

[2] De Arte Poetica, v. 150.

- [3] Romans, xi. 32.
- [4] Граф де Габалис.
- [5] Бытие, xli, 8, 25 и т. д.
- [6] Исход, vii. 11; viii. 19.
- [7] Там же, xxii. 18.
- [8] Второзаконие, xviii. 10,11.
- [9] Левит, xx. 27.
- [10] Числа, xxii. 5,6,7.
- [11] Числа, xxiv, 1.
- [12] Там же, xxiii. 23.
- [13] 1 Sam. xxviii. 6 *и далее*.
- [14] 2 Царств, xxi. 6.
- [15] 1 Царств, xxii. 20 *и далее*.
- [16] 1 Chron. xxi. 1,7,14.
- [17] 2 Царств, i. 2,3,4.
- [18] Матфей, xii. 24.
- [19] Бытие, xliv. 5.
- [20] Бытие, xliv. 15.
- [21] Brewster on Natural Magic, Letter IX.
- [22] De Natura Deorum, Lib. I, c. 38.
- [23] Plato, De Republica, Lib. X, *sub finem*.
- [24] Batrachos, v. 1032.
- [25] De Arte Poetica, v.391.
- [26] Memoires de l'Academie des Inscriptions, Tom. V, p. 117.
- [27] De Arte Poetica, v. 391, 2, 3.
- [28] Virgil, Georgica, Lib. IV. v. 461, *et seqq.*
- [29] Georgica, iv, 525.
- [30] Metamorphoses, xi, 55.
- [31] Philostratus, Heroica, cap. v.
- [32] Horat, de Arte Poetica, v. 394. Pausanias.
- [33] Odyssey, Lib. XI, v. 262.

- [34] Statius, Thebais, Lib. X. v. 599.
- [35] Ibid, Lib. IV, v. 599.
- [36] Ibid, Lib. IV, v. 409, *et seqq.*
- [37] Lib. IV, c. 36.
- [38] Iamblichus.
- [39] Julius Firmicus, *apud* Scaliger, in Eusebium.
- [40] Iamblichus, Vita Pythagorae.
- [41] Pluto, Charmides.
- [42] Хронологический отчет о Пифагоре и его современниках.
- [43] Laertius, Lib. VIII, c. 3.
- [44] Lloyd, *ubi supra*.
- [45] Iamblichus, c. 17.
- [46] Iamblichus, c. 29.
- [47] Ibid, c. 7.
- [48] Laertius, c. 15.
- [49] Ibid, c. 11.
- [50] Plutarchus, Symposiaca, Lib. VIII, Quaestio 2.
- [51] Aulus Gellius, Lib. I, c. 1, из Плутарха.
- [52] Laertius, c.19.
- [53] Bailly, Histoire de l'Astronomie, Lib VIII, S.3.
- [54] Plutarchus, de Esu Carnium. Овидий, Метаморфозы, Lib. XV. Laertius, c. 12.
- [55] Iamblichus, c. 16.
- [56] Laertius, c. 6.
- [57] Clemens Alexandrinus, Stromata, Lib. I, p. 302.
- [58] Iamblichus, c.17.
- [59] Laertius, c. 8. Iamblichus, c. 17.
- [60] Cicero de Natura Deorum, Lib. I, c. 5.
- [61] Laertius, c. 9.
- [62] Ibid.
- [63] Iamblichus, c. 19.
- [64] Laertius, c.1.

- [65] Ibid, с. 18.
- [66] Iamblichus, с. 8.
- [67] Ibid, с. 13.
- [68] Laertius, с. 9. Iamblichus, с. 28.
- [69] Laertius, с. 9. Iamblichus, с. 18.
- [70] Ibid, с. 28.
- [71] Laertius, с.21.
- [72] Iamblichus, с.17.
- [73] Iamblichus, с. 35. Лаэций, с. 21.
- [74] Laertius, с. 21.
- [75] Laertius, Lib. I, с. 109. Plinius, Lib. VII, с. 52.
- [76] Laertius, с. 113.
- [77] Ibid.
- [78] Ibid. с. 111.
- [79] Plutarch, Vita Solonis. Laertius, Lib. I, с. 109.
- [80] Plutarch, Vita Solonis. Laertius, Lib. I, с. 110.
- [81] Ibid.
- [82] Laertius, Lib. VIII, с. 51, 64.
- [83] Ibid, с. 57.
- [84] Ibid, с. 66.
- [85] Ibid, с. 73.
- [86] Plinius, Lib. VII, с. 52. Laertius, с. 61.
- [87] Laertius, с. 77.
- [88] Ibid, с. 59.
- [89] Ibid, с. 62.
- [90] Laertias, с. 69. Horat, De Arte Poetica, v. 463.
- [91] Herodotus, Lib. III, с. 14, 15. Plinius, Lib. VII, с. 52.
- [92] Plutarch, De Genio Socratis. Лукиан, Muscae Encomium. Plinius, Lib. VII, с. 52. [Errata: *dele* Plinius]
- [93] Plinius, Lib. III, с, 61, 62.
- [94] Herodotus, Lib. VIII, с. 36, 37, 38, 39.

- [95] Herodotus, Lib. VIII, c. 140, *et seqq.*
- [96] Historia Naturalis, Lib. X, c. 40.
- [97] Plinius, Lib. XXVIII. c. 8.
- [98] Pseudomantis, c. 17. См. также Philopseudes, c. 32.
- [99] Theages.
- [100] Плутарх, De Genio Socratis.
- [101] Xenophon, Memorabilia, Lib. I, c. 1.
- [102] Plutarch, *ubi supra*.
- [103] Plato, Theages.
- [104] Ibid.
- [105] Livius, Lib. I, c. 16.
- [106] Дионисий Галикарнасский (Dionysius Halicarnassensis).
- [107] Livius, Lib. I, c. 19, 21.
- [108] Livius, Lib. I, c. 31.
- [109] Ibid.
- [110] Livius, Lib. I, c. 36.
- [111] Livius, Lib. I, c. 39.
- [112] Livius, Lib. III, c. 6, *et seqq.*
- [113] Epod. V.
- [114] Metamorphoses, Lib. VII.
- [115] Lib. VI.
- [116] Horat., de Arte Poetica, v. 150.
- [117] Плутарх, перевод Норта.
- [118] Matt. c. xii, v. 24, 27.
- [119] Acts, c. viii.
- [120] Clemens Romanus, Recognitiones, Lib. II, cap. 9. Anastasius Sinaita, Quaestiones; Quaestio 20.
- [121] Clemens Romanus, Constitutiones Apostolici, Lib. VI, cap. 7.
- [122] Acts, c. xiii.
- [123] Ibid, c. xix.
- [124] Suetonius, Lib. VI, cap. 14.

- [125] Tacitus, *Historiae*, Lib. IV, cap. 81. Suetonius, Lib. VIII, cap. 7.
- [126] Hume, *Essays*, Part III, Section X.
- [127] Philostratus, *Vita Apollonii*, Lib. I, cap. 5, 6.
- [128] Philostratus, *Vita Apollonii*, Lib. I, c. 10.
- [129] *Ibid*, c.13.
- [130] *Ibid*, c. 13, 14.
- [131] Philostratus, Lib. IV, c. 10.
- [132] Philostratus, Lib. IV, c. 25.
- [133] Philostratus, Lib. IV, c. 45.
- [134] Philostratus, Lib. VIII, c. 5.
- [135] *Ibid*, c. 26.
- [136] Philostratus, Lib. VIII, c. 29, 30.
- [137] *Ibid*, c. 29.
- [138] Lampridius, in *Vita Alex. Severi*, c. 29.
- [139] [C. 24.](#)
- [140] Philostratus, Lib. I, c. 3.
- [141] Zosimus, Lib, IV, cap. 13. Гиббон замечает, что имя Феодосия, который фактически стал преемником, начинается с тех же букв, которые были указаны в этом магическом испытании.
- [142] Zosimus, Lib. IV, cap. 14.
- [143] Gibbon, Chap. VIII.
- [144] Это слово имеет санскритское происхождение.
- [145] "Они резали себя ножами и копьями, пока кровь не хлынула на них". I Царств, xviii, 28.
- [146] Иначе - Дивс.
- [147] Д'Эрбелот, Восточная библиотека.
- [148] D'Herbelot, *Bibliothèque Orientale*.
- [149] Она находится в коллекции баллад Селдена в Бодлеанской библиотеке. См. "Письма из Бодлиана", том I, с. 120-126.
- [150] Spenser, *Fairy Queen*, Book III, Canto III, stanza 9, *et seqq.*
- [151] William of Malmesbury, Lib. II, c. 10.
- [152] William of Malmesbury, Lib. II, c. 10.
- [153] Naudé, *Apologie des Grands Hommes Accusés de Magie*. Malmesbury, *ubi supra*.

- [154] Naudé, Apologie des Grands Hommes Accusés de Magie, chap. 19.
- [155] Mornay, *Mysterium Iniquitalis*, p. 258. Coeffeteau, Reponse à ditto, p. 274.
- [156] Ibid.
- [157] Hollinshed, History of Scotland, p. 206, 207.
- [158] Ibid. p. 207, 208.
- [159] Hollinshed, History of Scotland, p. 243, 244.
- [160] Hollinshed, History of Scotland, p. 244, 245.
- [161] Hollinshed, History of Scotland, p. 246.
- [162] Ibid, p. 248, 249.
- [163] Hollinshed, History of Scotland, p. 249.
- [164] Ibid.
- [165] Hollinshed, History of Scotland, p. 251.
- [166] Naudé.
- [167] Godwin, *Praesulibus*, art. Gronthead.
- [168] Naudé c. 18.
- [169] Johannes de Becka, *apud* Trithemii Chronica, ann. 1254.
- [170] Freind, History of Physick, Vol. II, p. 234 - 239.
- [171] Bacon, Epist. ad Clement. IV.
- [172] Ubi supra.
- [173] См. стр. 261.
- [174] Naudé, Cap. 17.
- [175] Ibid.
- [176] Комментарии, кн. IV. гл. vi.
- [177] Life of Chaucer, с. xviii.
- [178] Wotton, Reflections on Learning, Chap. X.
- [179] См. выше, с. 29.
- [180] Biographic Universelle.
- [181] Naudé.
- [182] Moreri.
- [183] Энфилд, История философии, книга VIII, глава I.
- [184] Moreri.

- [185] Watson, Chemical Essays, Vol. I.
- [186] Fuller, Worthies of England.
- [187] Watson, *ubi supra*.
- [188] Sir Thomas More, History of Edward the Fifth.
- [189] Buck, Life and Reign of Richard III.
- [190] Hutchinson on Witchcraft.
- [191] I Самуил, xv, 23.
- [192] Доктрина развода, Предисловие.
- [193] Delrio, Disquisitiones Magicae, p. 746.
- [194] Alciatus, Parergon Juris, L. VIII, cap. 22.
- [195] Danaeus, *apud* Delrio, Proloquium.
- [196] Bartholomaeus de Spina, De Strigibus, c. 13.
- [197] Biographie Universelle.
- [198] Biographie Universelle.
- [199] Hospinian, Historia Sacramentaria, Part II, fol. 131.
- [200] Bayle.
- [201] Paulus Jovius, Elogia Doctorum Virorum, c.101.
- [202] Delrio, Disquisitiones Magicae, Lib. II, Quaestio xi, S. 18.
- [203] Delrio, Lib. II, Quaestio xxix. S. 7.
- [204] Wierus, Lib. II, c.v. S. 11, 12.
- [205] Cent. I, cap. 70.
- [206] De Praestigiis Demonum, Lib. II, cap. iv, sect. 8.
- [207] Durrius, *apud* Schelhorn, Amoenitates Literariae, Tom. V, p.50, *et seqq.*
- [208] Memoirs, p. 14.
- [209] Brewster, Letters on Natural Magic, Letter IV.
- [210] Appendix to Johannes Glastoniensis, edited by Hearne.
- [211] Camden, anno 1693, 1694.
- [212] Pitcairn, Trials in Scotland in Five Volumes, 4to.
- [213] King James's Works, p. 135.
- [214] King James's Works, p. 135, 136.
- [215] Truth brought to Light by Time. Wilson, History of James I.

[216] Fuller, Church History of Britain, Book X, p. 74. См. также Osborn's Works, Essay I: где автор говорит, что он "поручил своим судьям быть осмотрительными в осуждении тех, кого невежественные судьи осудили за дьявольские договоры. Он не заключил свой совет в более узкий круг, как я слышал, чем отрицание любых подобных операций, но из государственных соображений и в угоду церкви, которая ни в один век не считала нужным извергать из умов простых людей опасения по поводу колдовства". Автор добавляет, что "должен признать, что Джеймс был самым быстрым из живущих людей в своей ловкости, чтобы раскрыть самозванство", и прилагает замечательную историю в подтверждение этого утверждения.

[217] "Разоблачение ведьм", 1612 г., напечатано по распоряжению суда.

[218] История Уолли, Томас Данэм Уитакер, стр. 215.

[219] Wood, Athenae Oxonienses, Vol. II, p. 507.

[220] Heylyn, Life of Laud.

[221] Hutchinson on Witchcraft.

[222] Menagiana, Tom. II, p. 252, *et seqq.*

[223] Judges, v, 20.

[224] Certainty of the World of Spirits.

[225] Суд над ведьмами, казненными в Бури-Сент-Эдмундс.

[226] Нарратив в переводе д-ра Хорнека, *под названием "Невидимый мир Сатаны"* Синклера и "Sadducismus Triumphatus" Гланвилла.

[227] Cotton Mather, Wonders of the Invisible World; Calef, More Wonders of the Invisible World; Neal, History of New England.

[228] Menagiana, Tom II, p. 264. Voltaire, Siècle de Louis XIV, Chap. xxxi.

Конец книги "Жизнь некромантов" проекта Гутенберга, автор Уильям Годвин